

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 4/2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Социальная психология трудных жизненных ситуаций»
Тематический редактор номера Н.В. Гришина

Theme of the issue
“Social Psychology of Difficult Life Situations”
Issue editor N.V. Grishina

2025 г. Том 16. № 4

2025. Vol. 16. No. 4

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

В.А. Лабунская (Россия),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексируется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНИТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 100 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

V.A. Labunskaya (Russia),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia),
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

100 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed
in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Гришина Н.В.* Трудные жизненные ситуации: новые вызовы 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Белинская Е.П.* Совладание с трудностями как проблема в социальной психологии 16

- Гришина Н.В.* Человек во взаимодействии с окружающим миром: от ситуации к контексту 31

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Реан А.А., Шевченко А.О., Ставцев А.А., Линьков А.Л., Коновалов И.А., Кузьмин Р.Г.* Ценностная структура и материальный статус семьи как индикаторы и ресурсы устойчивости молодежи в трудной жизненной ситуации 49

- Стоилова Л.В., Стрижицкая О.Ю.* Переживание одиночества и совладания с ним в ситуации вынужденной изоляции (на примере России и Болгарии) 71

- Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В.* Роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий 90

- Ходаковская Э.Н., Нартова-Бочавер С.К.* Трудные жизненные ситуации студентов в разных социальных и жизненных контекстах 109

- Ульянина О.А., Юрчук О.Л., Александрова Л.А., Никифорова Е.А., Файзуллина К.А.* Семья как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией у детей, пострадавших в результате боевых действий 127

- Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н.* Пенсионный переход в восприятии предпенсионеров: возможное Я-пенсионер в будущей жизненной ситуации 148

- Дробышева Т.В.* Предикторы финансовой тревожности в ситуации выхода на пенсию 168

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Бульцева М.А., Васильева Е.Д., Трифонова А.В.* Адаптация и валидизация шкалы разрывов идентичности в коммуникации М.Л. Хехта и И. Юнг 186

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Решетников М.М.* Может ли государство лечить от фейков? К вопросу о границах заботы и контроля в условиях цифровой тревожности 204

КОММЕНТАРИИ РЕДАКЦИИ

- Исправление в выпуске 2025. Том 16. № 1 211

CONTENTS

EDITORIAL

- Grishina N.V.* Difficult life situations: new challenges 5

THEORETICAL RESEARCH

- Belinskaya E.P.* Coping with difficulties as a problem in social psychology 16
- Grishina N.V.* Man in interaction with the surrounding world:
from situation to context 31

EMPIRICAL RESEARCH

- Rean A.A., Shevchenko A.O., Stavtsev A.A., Linkov A.L., Kononov I.A.,
Kuzmin R.G.* Value structure and material status of the family as indicators
and resources of youth resilience in difficult life situations 49
- Stoylova L.V., Strizhitskaya O.Yu.* The experience of loneliness
and coping with it in a situation of forced isolation (in Russia and Bulgaria) 71
- Odintsova M.A., Radchikova N.P., Kozyreva N.V.* The role of contextual
factors in family cohesion under high intensity of adverse events 90
- Khodakovskaya E.N., Nartova-Bochaver S.K.* Difficult life situations
of students in various social and life contexts 109
- Ulyanina O.A., Yurchuk O.L., Alexandrova L.A., Nikiforova E.A.,
Fayzullina K.A.* Family as a resource for overcoming difficult
life situations in children affected by hostilities 127
- Emelyanova T.P., Vikentieva E.N.* Pension transition in the perception
of pre-retirees: possible self-pensioner in the future life situation 148
- Drobysheva T.V.* Predictors of financial anxiety in the situation of retirement 168

METHODOLOGICAL TOOLS

- Bultseva M.A., Vasilyeva E.D., Trifonova A.V.* Adaptation and validation
of the Identity Gap Scale in Communication by M.L. Hecht and E. Jung 186

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Reshetnikov M.M.* Can the state cure from fakes? On the question
of the boundaries of care and control under conditions of digital anxiety 204

EDITORIAL NOTES

- Erratum to the 2025 Issue. Vol. 16, No. 1 211

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Трудные жизненные ситуации: новые вызовы

Н.В. Гришина ✉

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ n.v.grishina@spbu.ru

Резюме

Тема трудных жизненных ситуаций становится все более актуальной в современной психологии по мере нарастания сложности и неопределенности окружающего мира. Разработка проблемы того, как человек справляется с критическими ситуациями и повседневными стрессами, приводит к появлению концепта coping behavior, которому посвящены многочисленные исследования в зарубежной и отечественной психологии. Типичным для этих исследований является акцент на личностных факторах, определяющих эффективность совладающего поведения, и фактическое игнорирование контекста возникновения трудных жизненных ситуаций, особенностей самих этих ситуаций, что в немалой степени было связано с недостаточной разработанностью темы ситуаций. Для современной психологии характерен перенос внимания на взаимодействие человека с условиями и особенностями окружающей его реальности, что требует опоры на социально-психологические подходы и разработки исследовательских решений, направленных на изучение взаимодействия человека с социальным и ситуационным контекстом.

Для цитирования: Гришина, Н.В. (2025). Трудные жизненные ситуации: новые вызовы. *Социальная психология и общество*, 16(4), 5–15. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160401>

Difficult life situations: new challenges

N.V. Grishina ✉

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
✉ n.v.grishina@spbu.ru

Abstract

The topic of difficult life situations is becoming more and more relevant in modern psychology as the complexity and uncertainty of the surrounding world increase. The development of the problem of how a person copes with critical situations and everyday stresses leads to the emergence

of the concept of coping behavior, which has been the subject of numerous studies in foreign and domestic psychology. Typical for these studies is the emphasis on personal factors that determine the effectiveness of coping behavior, and the actual disregard of the context of difficult life situations, the specifics of these situations themselves, which was largely due to the lack of elaboration of the topic of situations. Modern psychology is characterized by a shift in attention to human interaction with the conditions and features of the surrounding reality, which requires reliance on socio-psychological approaches and the development of research solutions aimed at studying human interaction with the social and situational context.

For citation: Grishina, N.V. (2025). Difficult life situations: new challenges. *Social Psychology and Society*, 16(4), 5–15. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160401>

В современной психологии трудно найти тему, которая была бы столь же актуальна, как проблема трудных жизненных ситуаций, которой посвящен очередной номер журнала «Социальная психология и общество». С тех пор как психология обращается к «жизненной» проблематике, тема трудных жизненных ситуаций, того, как человек справляется с критическими и кризисными ситуациями и трудностями повседневной жизни, не уходит из ее предметного поля, привлекая все большее внимание психологов по мере нарастания сложности и неопределенности современной реальности.

«Приспособительная» идея с ее акцентом на успешной адаптации человека к реальности, с которой связывалось психологическое благополучие человека в классической психологии, по мере усложнения окружающего мира трансформируется в изучение того, как человек справляется со стрессами реальности. Психологи с энтузиазмом начинают искать ответы на вопрос, какие именно индивидуальные особенности человека позволяют ему находить эффективные способы противостоять сложностям повседневной жизни, проживать критические моменты и кризисные ситуации жизни. Результатом этой работы

становится появление концепта coping behavior, который в отечественной литературе обозначается как «совладающее поведение».

Во второй половине XX века психология совладания представляет собой уже достаточно сформировавшуюся область исследований со своей методологией, методическими подходами и исследовательскими решениями, описанием феноменологии копинг-поведения, его видов и форм проявления, эмпирическими данными, связанными с факторами, определяющими эффективность совладающего поведения.

Начало разработки данной проблемы в отечественной психологии приходится на начало 90-х годов прошлого века. Первые публикации (Анцыферова, 1994; Нартова-Бочавер, 1997; Муздыбаев, 1998) посвящены анализу понятий, описывающих тематику совладания с трудными жизненными ситуациями, подходам к его изучению и эмпирическим данным по материалам зарубежной психологии. В центре внимания исследований этого этапа разработки проблематики «совладающего поведения» — личностные характеристики, определяющие конструктивные или деструктивные способы реагирования человека на стрессы и трудности жизненных

ситуаций. Следующие десятилетия в отечественной психологии стали периодом активной разработки темы совладания, при этом опыт зарубежных исследований соотносится с методологическими подходами отечественной психологической науки, в частности с субъектным подходом, описанием человека как субъекта совладающего поведения (Совладающее поведение..., 2008).

Если для начального этапа исследований в этой области характерна направленность на выявление личностных характеристик, которые способствуют эффективному преодолению трудностей или, напротив, препятствуют этому, то постепенно проблема того, как человек справляется со сложными ситуациями, начинает рассматриваться в более широком аспекте — взаимодействия человека с ситуацией, а в фокус исследовательского внимания наряду с особенностями человека начинают включаться и особенности ситуации.

Л.И. Анцыферова в своем обзоре зарубежных исследований обращала внимание на методологические просчеты большинства исследований в области совладания с трудными жизненными ситуациями. В частности, она отмечала фрагментарный характер этих исследований, под которым она подразумевает рассмотрение события изолированно от предшествующих ситуаций и состояния человека (то, что мы сегодня назвали бы «деконтекстуализацией») (Анцыферова, 1994).

В современной психологии отмеченные методологические издержки психологических исследований преодолеваются утверждением принципа контекстуальности, требующего описания поведения и деятельности человека в

формате его взаимодействия с условиями и особенностями окружающей его реальности.

Необходимость изучения ситуаций, разработки психологического подхода к их пониманию как актуальная задача всей психологической науки была осознана достаточно давно. Б.Ф. Ломов в своей работе 1984 г., посвященной методологическим и теоретическим проблемам психологии, называет разработку способов и средств описания ситуации важнейшей задачей психологической науки (Ломов, 1984). В 80-е годы в зарубежной психологии выходит ряд фундаментальных работ по психологии ситуаций, проводятся конференции и подчеркивается необходимость развития особой области психологической науки — психологии ситуаций. Выполнен ряд исследований в методологии параметрических подходов, описаны отдельные виды ситуаций и их разнообразные характеристики.

К началу XXI века деконтекстуализированный характер психологических исследований отчетливо осознается как методологический изъян, ставящий под сомнение не только корректность проводимых исследований, но и надежность получаемых эмпирических данных, часто обнаруживаемая противоречивость которых связывается именно с отсутствием учета контекстуальных факторов, данных, собираемых «вне времени и пространства». Задача описания ситуации и контекста жизнедеятельности становится актуальной проблемой, разработка которой имеет принципиальное значение для всей психологической науки.

Для разработки проблемы совладающего поведения это означает перевод ее изучения в более широкий формат ис-

следования — изучения взаимодействия человека с социальным и ситуационным контекстом, опоры на социально-психологические подходы и исследовательские решения.

Дальнейшее продвижение в этой области, однако, сдерживается методическими трудностями, связанными с отсутствием адекватных исследовательских решений, позволяющих описывать динамическое взаимодействие человека с ситуацией.

В зарубежной науке разделяется озабоченность слабым продвижением в области развития психологии ситуаций, предпринимаются попытки уточнения методологических принципов описания ситуаций и разработки соответствующих исследовательских решений. В отечественной психологии возрастает число исследований, посвященных ситуациям, особенностям взаимодействия человека с ситуацией. Появляются и работы, целенаправленно разрабатывающие тему трудных жизненных ситуаций (например, Битюцкая, 2020; Битюцкая, Корнеев, 2023; Битюцкая и др., 2024 и др.). В качестве одной из последних работ в тематике совладающего поведения необходимо отметить публикацию Д.А. Леонтьева, в которой предложена концептуальная модель совладания с трудными жизненными ситуациями в контексте саморегуляции (Леонтьев, 2025а; Леонтьев, 2025б).

Вместе с тем говорить о полноте раскрытия темы трудных жизненных ситуаций преждевременно. Во многом это связано с тем, что тематика трудных жизненных ситуаций остается замкнутой в проблемном поле психологии личности с ее традиционной ориентацией на изучение личностных характеристик

и недостаточным вниманием к ситуационному контексту и в целом к контекстуальным факторам. В описании способов взаимодействия человека с трудными жизненными ситуациями используются исключительно личностные параметры. Так, в упомянутой публикации Д.А. Леонтьева среди понятий, описывающих противостояние индивида ситуациям, нарушающим или угрожающим нарушениям устойчивости личности, приводятся психологические защиты, копинги, резилентность и посттравматический рост (Леонтьев, 2025а, с. 5–6).

В этой связи предпринятая журналом попытка представить социально-психологический подход к изучению трудных жизненных ситуаций представляется особенно значимой.

Одна из сложностей, с которыми мы столкнулись при подготовке тематического номера, посвященного социально-психологическому подходу в описании трудных жизненных ситуаций, — это уточнение собственно социально-психологического подхода к их пониманию.

Психологическая наука давно уже утратила предметную определенность отдельных областей и четкость разделяющих их границ. Размывание этих границ началось под влиянием практической психологии и задач практической психологической работы, которые привели к переструктурированию психологического знания от предметно-ориентированного к проблемно-ориентированному, поскольку решение той или иной проблемы требовало соединения разных областей психологического знания. Те же тенденции начинают проявляться и в развитии теоретической психологии, становится очевидным, что исследова-

ние психологической феноменологии требует привлечения знаний «смежных» направлений, а нередко и междисциплинарных подходов.

Отношения человека с окружающим миром, его включенность во взаимодействие с контекстом существования, которые когда-то относились преимущественно к области социальной психологии, сегодня становятся предметом внимания всей психологической науки. Принцип контекстуальности в современной психологии является методологическим требованием к изучению любой психологической феноменологии. Тем самым социально-психологическое знание становится фундаментальным знанием, обеспечивающим основы изучения и понимания поведения человека во всей психологии. И это делает задачу обозначения собственно социально-психологического подхода к исследованию психологических феноменов особенно актуальной.

Этой непростой задаче посвящена главная публикация номера — статья Е.П. Белинской «Совладание с трудностями как проблема в социальной психологии». Анализ проблематики копинга приводит автора к обозначению сложившихся в научном дискурсе исследовательских констант, которые в рамках социально-психологического ракурса должны быть соотнесены с принципом ситуационизма, лежащим в основе методологии социальной психологии в разработке проблем социального познания. Из этого следует необходимость включения проблемы и феноменологии совладания в социальный контекст и в процессы конструирования образа социального мира. Заслуживают внимания предлагаемые Белинской перспективы развития социально-пси-

хологического подхода к исследованию проблематики совладания на основе изучения целостного процесса взаимодействия человека с ситуацией: обращение к социальному (групповому) контексту, выступающему в качестве ресурсов совладающего поведения; изучение природы проактивного совладания как опережающего поведения во взаимодействии с трудностями; акцент на интегральных характеристиках личности, отвечающих целостности процесса взаимодействия человека с окружающим миром.

Обсуждение концептуальных проблем разработки темы трудных жизненных ситуаций продолжается в следующей публикации теоретического раздела номера — статье Н.В. Гришиной «Человек во взаимодействии с окружающим миром: от ситуации к контексту». Автор разделяет высказанные в предшествующей статье Е.П. Белинской идеи, описывающие такие принципы социально-психологического подхода к изучению трудных жизненных ситуаций, как необходимость обращения к контексту, описания целостного процесса взаимодействия человека с социальным контекстом и др. Вместе с тем важно подчеркнуть, что понятие контекста сегодня выходит за рамки собственно социально-психологических исследований и активно интегрируется в понятийный аппарат всей психологической науки. При этом оно часто смешивается с другими понятиями, описывающими пространство жизни человека, — понятиями среды и ситуации, что делает необходимым уточнение понятия контекста.

Раздел эмпирических исследований открывается публикацией результатов коллективного исследования, прове-

денного под руководством А.А. Реана (А.А. Реан, А.О. Шевченко, А.А. Ставцев, А.Л. Линьков, И.А. Коновалов, Р.Г. Кузьмин «Ценностная структура и материальный статус как индикаторы и ресурсы устойчивости в трудной жизненной ситуации»), в котором трудная жизненная ситуация рассматривается как часть жизненного контекста молодого человека и отражает финансовое неблагополучие семьи. В качестве основного критерия трудности жизненной ситуации выступают не объективные параметры материального благополучия/неблагополучия, но их субъективная оценка, что отвечает принятым в современной литературе представлениям о приоритете субъективных факторов в восприятии и интерпретации ситуаций. В эмпирической части исследования (выполненного на масштабной выборке в 2315 студентов из 10 городов России) субъективные оценки своего финансового положения студентами соотносятся с их ценностными ориентациями. Действительно, в основе взаимодействия человека с окружающим миром в целом, как и с отдельными жизненными ситуациями, лежит система ценностей человека, опосредующих его отношения к тем или иным аспектам реальности. При этом ценности, по мнению авторов, не только задают векторы ориентации человека в окружающем мире, но и являются своего рода психологическим ресурсом, позволяющим адаптироваться к сложной жизненной ситуации.

Контекстуальная природа отношения человека к тем или иным реалиям его жизни продемонстрирована и в исследовании Л.В. Стоиловой и О.Ю. Стрижикой, посвященном переживанию

ситуации вынужденной изоляции в разных культурных контекстах («Переживание одиночества и совладания с ним в ситуации вынужденной изоляции (на примере России и Болгарии)»). Результаты исследования подтвердили индивидуальную вариативность переживаний одиночества в ситуации ограниченной коммуникации. При этом важным выводом, сделанным авторами на основе полученных данных, является то, что особенности социокультурного контекста оказываются более значимым фактором, определяющим переживание людьми сложных жизненных ситуаций, чем возрастные факторы, которые можно было бы считать приоритетными.

Схожие задачи — изучить влияние культурного контекста на способы проживания трудных жизненных ситуаций — поставили перед собой и авторы следующего исследования (М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова, Н.В. Козырева «Роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий»). В исследовании приняли участие более двух тысяч взрослых жителей России и Беларуси. В фокусе внимания — переживание семьей сложных жизненных ситуаций в разных контекстуальных условиях, к которым авторы относят особенности культуры (макроконтекст), контекст происходящих событий (мезоконтекст) и контекст отношений в семье (микронтекст). Именно сочетание факторов разных контекстов, по результатам исследования, в конечном счете определяет, какое влияние на семейные отношения могут оказать неблагоприятные жизненные события.

Тема разных жизненных контекстов, в рамках которых возникают трудные жизненные ситуации, продолжается в следующей публикации номера — статье Э.Н. Ходаковской и С.К. Нартовой-Бочавер «Трудные жизненные ситуации студентов в разных социальных и жизненных контекстах». В зависимости от особенностей жизненного контекста студенты были поделены на разные группы. Сравнительный анализ данных, отражающих частоту и содержание трудных жизненных ситуаций, ожидаемо показал их вариативность в зависимости от жизненного контекста. Другие результаты исследования могут показаться неожиданными: так, наибольшее число трудных жизненных ситуаций отмечалось студентами, проходившими опрос во время пандемии, а наименьшее — в группах студентов из прифронтовой зоны и участников СВО. Эти кажущиеся противоречивыми данные объяснимы исходя из еще одного вывода авторов: приоритеты студентов меняются в зависимости от контекста, проблемы рутинной студенческой жизни уже не кажутся столь значимыми для тех, чей жизненный опыт включает реалии фронтовой и прифронтовой жизни.

Психотравмирующие события, связанные с близостью к территориям боевых действий, являются источником неблагоприятного жизненного опыта для детей, чьи семьи становятся для них психологическим ресурсом, опорой и источником поддержки. Эта непростая тема рассматривается в статье О.А. Ульяниной, О.Л. Юрчук, Л.А. Александровой, К.А. Файзуллиной, Е.А. Никифоровой «Семья как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией у детей, постра-

давших в боевых действиях». Данные исследования подтверждают, что именно ресурсы семьи и психологическая устойчивость родителей являются важнейшими факторами защиты детей от негативных последствий травматического опыта, при этом, как отмечают авторы, чем выше уровень психологических ресурсов родителей, тем выше их уровень и у детей; таким образом, семья выступает как групповой субъект психологической защиты в условиях неблагоприятных событий контекста.

Следующие две публикации номера посвящены совсем другому возрастному периоду — пенсионному и предпенсионному возрасту.

В исследовании Т.П. Емельяновой и Е.Н. Викентьевой «Пенсионный переход в восприятии предпенсионеров: возможное Я-пенсионер в будущей жизненной ситуации» ярко проявилась роль субъективных факторов — решающую роль в отношении к потенциально трудной жизненной ситуации перехода на пенсию играет ее позитивное или негативное восприятие. Если будущее воспринимается позитивно, человек больше фокусируется на своих возможностях, если оно воспринимается негативно — человек видит больше ограничений. Тем самым прогнозирование своей будущей жизненной ситуации становится фактором, определяющим психологическое благополучие человека в предпенсионный период жизни. Примечательно, что такие объективные параметры жизненной ситуации человека, как сфера его деятельности, место проживания, семейный статус, а также его возраст и образование, по результатам проведенного авторами исследования, не обнаружили связи с эмо-

циональным компонентом возможного Я-пенсционер. Видение своего будущего решающим образом зависит от личностных факторов.

Следующая публикация номера — статья Т.В. Дробышевой «Предикторы финансовой тревожности в ситуации выхода на пенсию» — также посвящена пенсионному периоду жизни, но фокусируется на более частном вопросе, беспокойстве по поводу финансовых проблем. Обеспокоенность финансовыми вопросами имеет множественные источники — от субъективного восприятия реалий окружающей жизни, макроэкономических и политических явлений до личностных особенностей и оценки материального благополучия собственной жизненной ситуации. Эти факторы становятся предикторами финансовой тревожности, но вносят разный вклад в ее переживание.

Раздел эмпирических исследований дополняет публикация статьи, предлагающей новый методический инструментарий, — работа М.А. Бульцевой, Е.Д. Васильевой и А.В. Трифионовой «Адаптация и валидизация шкалы разрывов идентичности в коммуникации М.Л. Хехта и И. Юнг». Авторы статьи справедливо полагают, что трудные жизненные ситуации нарушают устойчивость личности, в том числе затрагивая ее идентичность. Рассогласования между различными личностными уровнями представляют собой так называемые «разрывы идентичности». В публикации приводятся результаты многочисленных зарубежных исследований, посвященных «разрывам идентичности», в том числе и с помощью шкалы Хехта и Юнг. Выполненные авторами процедуры адаптации и валиди-

зации шкалы делают ее доступной и отечественным специалистам, в том числе и для решения практических диагностических задач.

В заключении номера представлена публикация М.М. Решетникова «Может ли государство лечить от фейков? К вопросу о границах заботы и контроля в условиях цифровой тревожности» — рецензия на монографию О.С. Дейнеки и А.А. Максименко «Вакцина от инфодемии, или психологическое состояние общества на фоне пандемии, вызванной COVID-19». Понятие инфодемии, означающее перенасыщенность социального пространства информацией, в том числе недостоверного характера, а зачастую и сознательно искажающей реальное положение дел, не утратило своей актуальности и по прошествии нескольких лет после завершения пандемии. Пандемия стала особенной социальной ситуацией в жизни человечества, породившей новые социальные феномены, обострившей и проявившей многие социальные проблемы. Публикация М.М. Решетникова, обсуждающая посвященную этой теме монографию, представляет самостоятельный интерес, обращая внимание читателя не только на новые для отечественной науки феномены и появляющиеся новые понятия, но и на этические проблемы, необходимость коллективной ответственности за состояние информационной среды, возможность противостоять ее негативным влияниям.

Тема трудных жизненных ситуаций неисчерпаема. Статьи, представленные в выпуске, позволяют увидеть и задачи, связанные с разработкой данной проблематики, и ее перспективы.

Практически во всех публикациях номера представлены исследования, так или иначе апеллирующие к контексту, в рамках которого и складываются трудные жизненные ситуации, что отвечает как принципам социально-психологического подхода к их изучению, так и современным представлениям в изучении психологической феноменологии. При этом сам контекст представлен весьма разнообразно — это и культурный контекст, отражающий особенности тех или иных этносов и регионов; это и контекст, связанный с пространственной близостью к «горячим точкам»; это и жизненный контекст, особенности которого определены жизнедеятельностью той или иной категории населения (студенчество); это и семейный контекст и так далее. И это еще раз подчеркивает необходимость уточнения этого понятия.

Еще один момент, отражающий особенности публикаций данного номера журнала, — это широкий диапазон проблем и ситуаций, обозначаемых авторами как «трудные жизненные ситуации» (имеются в виду не проблемы с определением этого понятия, но именно широкий диапазон явлений, включаемых в эту категорию). В представленных текстах описаны и пролонгированные жизненные обстоятельства (низкое материальное благополучие семьи), и некоторый период жизни (в прифронтовой зоне), и предполагаемое изменение жизненной

ситуации (предстоящий выход на пенсию), и конкретная ситуация, ограниченная временными рамками и имеющая начало и конец (например, сессия у студентов). И это в очередной раз возвращает нас к задаче уточнения понятий, что позволило бы уяснить проблемы и сформулировать вопросы, связанные с разработкой социально-психологического подхода к изучению трудных жизненных ситуаций и, соответственно, уточнить и исследовательские решения.

Окружающий мир стремительно меняется, становясь все более сложным и непредсказуемым. Людям приходится переживать непростые жизненные ситуации, справляться с повседневными трудностями и кризисами. Это становится вызовом к способности человека преодолевать возникающие сложности, сохранять психологическую устойчивость и поддерживать собственное психологическое благополучие.

Изменяющийся мир порождает и новые сложности, и новые жизненные ситуации, что создает новые проблемы в жизни людей и тем самым ставит перед психологией новые задачи, в том числе и по дальнейшему теоретическому осмыслению проблематики трудных жизненных ситуаций, поиску новых подходов и исследовательских решений.

Надеемся, публикации номера позволят увидеть эти новые возможности и перспективы.

Список источников / References

1. Анцыферова, Л.И. (1994). Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита. *Психологический журнал*, 15(1), 3–19. Ancyferova, L.I. (1994). Personality in difficult life situations: rethinking, transforming situations and psychological defense. *Psychological Journal*, 15(1), 3–19. (In Russ.).

2. Битюцкая, Е.В. (2020). Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации. *Вопросы психологии*, 66(3), 116–131.
Bityuckaya, E.V. (2020). Structure and dynamics of the image of a difficult life situation. *Questions of Psychology*, 66(3), 116–131. (In Russ.).
3. Битюцкая, Е.В., Корнеев, А.А. (2023). Диагностика субъективного оценивания трудных жизненных задач. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(1), 247–279. DOI:10.11621/vsp.2023.01.11
Bityuckaya, E.V., Korneev, A.A. (2023). Diagnostics of subjective assessment of difficult life tasks. *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 46(1), 247–279. DOI:10.11621/vsp.2023.01.11 (In Russ.).
4. Битюцкая, Е.В., Гасанов, Э.Э., Патрашкин, Н.А., Хазова, К.В. (2024). Валидизация опросника «Типы ориентаций в трудной ситуации» на основе методов компьютерного моделирования и контент-анализа. *Психология. Журнал Высшей Школы Экономики*, 21(4), 729–752. DOI:10.17323/1813-8918-2024-4-729-752
Bityuckaya, E.V., Gasanov, E.E., Patrashkin, N.A., Hazova, K.V. (2024). Validation of the questionnaire «Types of orientations in difficult situations» based on computer modeling and content analysis methods. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(4), 729–752. DOI:10.17323/1813-8918-2024-4-729-752 (In Russ.).
5. Леонтьев, Д.А. (2025а). Совладание в контексте саморегуляции. Часть 1. Концептуальные проблемы и вызовы. *Психологический журнал*, 46(1), 5–13. DOI:10.31857/S0205959225010014
Leontev, D.A. (2025a). Coping in the context of self-regulation. Part 1. Conceptual problems and challenges. *Psychological journal*, 46(1), 5–13. Doi:10.31857/S0205959225010014 (In Russ.).
6. Леонтьев, Д.А. (2025б). Совладание в контексте саморегуляции. Часть 2. Полиресурсная модель. *Психологический журнал*, 46(2), 5–12. DOI:10.31857/S0205959225020014
Leontev, D.A. (2025b). Coping in the context of self-regulation. Part 2. A Poliresource model. *Psychological journal*, 46(2), 5–12. Doi:10.31857/S0205959225010014 (In Russ.).
7. Ломов, Б.Ф. (1984). Методологические и теоретические проблемы психологии. М., Изд-во «Наука».
Lomov, B.F. (1984). Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: Publ. "Science". (In Russ.).
8. Муздыбаев, К. (1998). Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1(2), 102–112.
Muzdybaev, K. (1998). Coping strategies with life's difficulties. Theoretical analysis. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1(2), 102–112. (In Russ.).
9. Нартова-Бочавер, С.К. (1997). «Coping behavior» в системе понятий психологии личности. *Психологический журнал*, 18(5), 20–30.
Nartova-Bochaver, S.K. (1997). "Coping behavior" in the system of concepts of personality psychology. *Psychological Journal*, 18(5), 20–30. (In Russ.).
10. *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы*. (2008). А.Л. Журавлев, Т.Л. Крюкова, Е.А. Сергиенко (ред.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
Coping behavior: Current status and prospects. (2008). A.L. Zhuravlev, T.L. Kryukova, E.A. Sergienko (eds.). Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences". (In Russ.).

Гришина Н.В. (2025)
Трудные жизненные ситуации:
новые вызовы
Социальная психология и общество,
16(4), 5–15.

Grishina N.V. (2025)
Difficult life situations:
new challenges
Social Psychology and Society,
16(4), 5–15.

Информация об авторах

Наталья Владимировна Гришина, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>, e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Information about the authors

Natalia V. Grishina, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>, e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Поступила в редакцию 21.11.2025

Received 2025.11.21

Поступила после рецензирования 22.11.2025

Revised 2025.22.11

Принята к публикации 05.12.2025

Accepted 2025.12.05

Опубликована 30.12.2025

Published 2025.12.30

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Совладание с трудностями как проблема в социальной психологии

Е.П. Белинская ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

✉ Elena_belinskaya@list.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Ставшая уже традиционной междисциплинарность проблематики совладания с трудностями имеет основания, связанные как с феноменологическим разнообразием самого coping, так и с тем, что изучение закономерностей психологической адаптации/деадаптации человека к условиям своего существования является одной из центральных тем для психологии в целом. Сегодня подобный статус этой проблематики сопровождается ее исследовательским «расширением» и, соответственно, трудностями концептуализации: накопление обширного и противоречивого эмпирического материала содержит множественные содержательные пересечения, закономерно требуя новых теоретико-методологических поисков в его осмыслении. Поэтому актуальным представляется решение как минимум двух задач: во-первых, выделение концептуальных констант в данной проблематике, а во-вторых, их интерпретация на ином уровне: через соответствие этих исследовательских констант принципам ситуационизма, утверждаемым современной социальной психологией при разработке проблем социального познания. Подобный подход позволяет рассматривать процесс индивидуального совладания с трудностями как разворачивающийся в конкретном социальном контексте, а саму феноменологию совладания — как включенную в процесс конструирования образа изменяющегося социального мира, что и определяет социально-психологический ракурс как ведущий в перспективном освоении данной проблематики.

Цель. Определение специфики социально-психологического ракурса в междисциплинарном пространстве проблемы совладания человека с трудными жизненными ситуациями.

Используемая методология. Теоретический анализ проблемы совладания с трудными жизненными ситуациями. Методологические принципы ситуационизма в социальной психологии.

Выводы. На основании проведенного анализа определяются три социально-психологические «точки развития» проблематики совладания: включение групповых субъектов в изучение процесса coping; акцент на временных аспектах совладания (проактивный coping) и понимание coping-ресурсов через фундаментальные параметры личности

(идентичность, целостность, систему личностных смыслов). Делается вывод о том, что исследования совладания в настоящий момент объединяет общая содержательная интенция: выраженный переход к холистическому видению процесса взаимодействия человека и трудной ситуации.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, совладание, проактивное совладание, ресурсы копинга, принципы ситуационизма в социальной психологии, социальный контекст

Для цитирования: Белинская, Е.П. (2025). Совладание с трудностями как проблема в социальной психологии. *Социальная психология и общество*, 16(4), 16–30. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160402>

Coping with difficulties as a problem in social psychology

E.P. Belinskaya ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ Elena_belinskaya@list.ru

Abstract

Background. The interdisciplinary nature of the problem of coping with difficulties, which has already become a tradition, is based on both the phenomenological diversity of coping itself and the fact that the study of the patterns of psychological adaptation/maladaptation of individuals to their environment is a central topic in psychology. Today, this issue is accompanied by an expansion of research and, consequently, difficulties in conceptualization. The accumulation of extensive and contradictory empirical data leads to multiple content-related overlaps, necessitating new theoretical and methodological approaches to understanding them. Therefore, it is relevant to solve at least two problems: first, to identify the conceptual constants in this area, and second, to interpret them at a different level: through the correspondence of these research constants to the principles of situationalism, which are asserted by modern social psychology in the development of social cognition problems. Such an approach allows us to consider the process of individual coping with difficulties as unfolding in a specific social context, and the phenomenology of coping itself as being included in the process of constructing an image of a changing social world, which determines the socio-psychological perspective as the leading one in the prospective development of this problem.

Objective. To determine the specifics of the socio-psychological perspective in the interdisciplinary space of the problem of human coping with difficult life situations.

Methodology. Theoretical analysis of the problem of coping with difficult life situations. Methodological principles of situationalism in social psychology.

Conclusions. Based on the analysis, three socio-psychological “points of development” of the problem of coping are identified: the inclusion of group subjects in the study of the coping process; the emphasis on the temporal aspects of coping (proactive coping); and the understanding of coping resources through fundamental personal parameters (identity, integrity, and the system of personal meanings). It is concluded that coping research is currently united by a common substantive intention: a pronounced transition to a holistic view of the process of human interaction with a difficult situation.

Keywords: *difficult life situation, coping, proactive coping, coping resources, principles of situationalism in social psychology, social context*

For citation: Belinskaya, E.P. (2025). Coping with difficulties as a problem in social psychology. *Social Psychology and Society*, 16(4), 16–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160402>

Введение

Проблема совладания человека с трудными жизненными ситуациями, рассматриваемая как с процессуальной точки зрения, так и с позиции достижения некоего результата адаптации, сегодня является предметом научного интереса для разных областей психологического знания. Исторически возникнув в рамках изучения стресса, она быстро обрела свои призмы анализа в рамках психологии развития, клинической психологии, психологии личности, утвердив к середине 80-х годов 20-го столетия комплексную логику своего осмысления, а чуть более позднее добавление к ней социально-психологического ракурса окончательно расставило определенные методологические акценты. Представляется, что актуальная междисциплинарность данной проблематики имеет вполне закономерные основания, связанные, во-первых, с феноменологическим разнообразием самого копинга, а во-вторых, с тем, что изучение закономерностей психологической адаптации/деадаптации человека к условиям своего существования является «сквозной» темой для психологии в целом. Заметим здесь же, что междисциплинарный статус проблематики совладания закономерно сопровождался ее определенным исследовательским «расширением» — в итоге сегодня само понятие копинга является одним из трудноопределимых и неоднозначных (Леонтьев, 2025а).

Но какова роль собственно социальной психологии в этом междисциплинарном исследовательском поле? Какие характерные для нее особенности методологического поиска оказались не только созвучны, но и востребованы проблематикой совладания?

Современные исследования копинга: «точки согласия»

Прежде чем обратиться к попыткам ответов на поставленные выше вопросы, остановимся кратко на тех «точках согласия», которые сложились в исследовательской практике относительно проблемы совладания к рубежу 20–21-го столетий. Представляется, что их было как минимум три.

Во-первых, к этому времени в понимании совладания расширились представления о самой трудной жизненной ситуации: внимание исследователей однозначно сместилось от анализа объективных стрессоров к их субъективной оценке человеком, к пониманию «трудности» как имеющей прежде всего личностное значение, а потому — содержание бесконечной. Акцент на подобном «совладании с повседневностью», в свою очередь, вел ко все большему смещению трактовок процесса совладания от поведенческого к когнитивному полюсу. В определенной степени эта тенденция была задана еще теоретическими позициями Р. Лазаруса и С. Фолкман как ос-

новоположников систематического освоения данной проблематики. Напомним, что исходно совладание рассматривалось ими как преодоление человеком некоторой угрозы своему психологическому благополучию, причем ее характеристики мыслились как не предполагающие автоматического использования старых поведенческих решений, а требующие выработки новых, что и определяло ключевую роль в этом процессе когнитивных оценок данной угрозы (Lazarus, Folkman, 1984; Lazarus, 1993). Но так как любая «трудная ситуация» имеет временную протяженность, то ее когнитивная оценка неминуемо динамична: она трансформируется как в силу объективных изменений самой трудной ситуации, так и по причине изменений в ее субъективной оценке, в частности, за счет все большего включения дополнительных элементов (прежде всего — оценок человеком самого себя в такой ситуации). В итоге различные по своим дисциплинарным приверженностям, теоретическим основаниям и полученным эмпирическим данным исследования совладания стали иметь некоторый общий вектор — согласие в том, что копинг суть динамический процесс, определяемый не только и не столько характеристиками самой ситуации и/или личностными особенностями субъекта, сколько их взаимодействием, которое, — подчеркнем, — понималось преимущественно как формирование комплексной когнитивной оценки, включающей интерпретацию человеком некой «трудности» и представления о себе при столкновении с ней. Закономерным следствием этого стал для исследователей акцент на двух характеристиках ситуаций, требующих совладания: во-

первых, на их значимости для человека и, во-вторых, на том, что именно в восприятии человеком ситуации делает ее «трудной» (Совладающее поведение..., 2008; Битюцкая, 2020; Белинская, 2022).

Вторая позиция исследовательской солидарности в изучении копинга определилась не столько теоретически, сколько эмпирически. Мы имеем в виду тот факт, что к этому времени казавшаяся очевидной позиция, согласно которой процесс копинга в качестве своей финитной задачи имеет адаптацию человека к условиям жизни, начала «размываться». Это привело прежде всего к представлениям о том, что эффективность совладания достаточно относительна. Тому способствовали и исследования, демонстрирующие сложные и нередко противоречивые связи между конкретными стратегиями совладания и теми поведенческими выборами, которые их сопровождают (Weber, 2003; Moeller et al., 2020; Петраш и др., 2021; Рассказова, 2022), и все более усложняющиеся представления о возможных ресурсах копинга и их взаимовлиянии на процесс совладания (Carver, Scheier, Weintraub, 1989; Frydenberg, 2014; Львова, Шлягина, Митина, 2018; Белинская, 2023), и актуализированное понимание этих ресурсов в общем социокультурном контексте (Wong, Wong, 2006; Крюкова, Гущина, 2015; Агадулина, Белинская, Джураева, 2020). В дальнейшем к этому добавилось рассмотрение тех вариантов столкновения человека с жизненными трудностями, которые исходно не были представлены в теоретических моделях и расширяли изучаемую феноменологию как с точки зрения включения в нее новых субъектов (соответственно, в цен-

тре внимания оказывались новые виды совладания: в частности, диадический и групповой копинг (Couples coping with stress..., 2005; Крюкова и др., 2019)), так и с позиций нового понимания ее процессуальности (что выражалось, в частности, в изучении проактивного совладания (Greenglass, Fiksenbaum, 2009; Holman, 2015; Куфтяк и др., 2023; Секацкая, 2024; Бехтер, 2025)). Подобная ситуация сегодня неминуемо трансформирует исследовательские трактовки успешности копинга (Битюцкая, 2022б) и понимание ситуаций, требующих преодоления (Битюцкая, Кунашенко, 2024). В итоге исследовательское освоение этой многогранной (чтобы не сказать — бесконечной) психологической проблемы привело, с одной стороны, к накоплению богатого эмпирического материала, а с другой — поставило под сомнение само ее самостоятельное существование в силу множественных содержательных пересечений и нередких «растворений» в других психологических проблематиках.

В-третьих, некоторым общим вектором современных исследований копинга стало все большее обращение к качественным методам. С одной стороны, это отражало тренд социо-гуманитарного знания в целом, все более и более обращенного к качественной методологии вследствие доминанты социального конструкционизма, а с другой — позволяло хоть в какой-то степени сохранить «общее пространство» проблематики, в котором данные, полученные только с помощью количественной методологии, нередко были сложно соотносимы друг с другом (прежде всего это касалось шкальных методик, направленных на выявление различных стратегий совла-

дания с трудностями). Использование в изучении копинга проективных методов (Битюцкая, 2022а), вариантов тематического анализа групповых интервью (Белинская, Авазматова, 2023б), обращение к феноменологии совладания через анализ представленности трудных жизненных ситуаций в дискурсивных практиках (Альперович, 2020), а также утверждение «смешанных методов» наполняли исследования копинга большей контекстуальной чувствительностью и потому способствовали большей обращенности к интерпретативной логике в анализе ситуаций, требующих совладания.

Идеи ситуационизма в современной социальной психологии и проблема совладания

Но вернемся к исходной задаче — выделить возможные «точки соответствия» теоретико-методологических поисков в пространстве социальной психологии и современных тенденций в изучении совладания, так как именно они определяют, на наш взгляд, перспективные направления развития этой проблематики в целом.

Последние десятилетия 20-го и начало 21-го столетия стали для социальной психологии временем однозначного утверждения идей ситуационизма. Социально-психологические исследования закономерностей социального познания привели к убедительным эмпирическим демонстрациям сложности и слабой предсказуемости социального поведения человека, всегда включенного в контекст тех или иных конкретных ситуаций и принципиально не свободного от их субъективной оценки. Когнитивные, аффективные, поведенческие аспекты

реагирования человека на динамику социального окружения перестали рассматриваться как следствие простой суммы личностных и ситуационных детерминант, все более помещаясь в постоянно меняющийся и конструирующийся во взаимодействии контекст, обозначаемый известной формулой «личность-ситуация». Обобщая достаточно сложный и многообразный путь становления ситуационизма как ведущего принципа современной социальной психологии, Т. Гилович и Л. Росс резюмируют в нем несколько основных идей, которые не только определяют содержательные вектора интерпретаций эмпирических данных, но и имеют социально-практическое значение, внедряя в общественное сознание известную долю сомнения в возможности простых решений и выводов, когда речь идет о социальном бытии человека (Гилович, Росс, 2019).

Первая и во многом основополагающая идея касается субъективной интерпретации ситуации и ее влияния на дальнейшее социальное поведение человека. Подчеркнем, что пафос социально-психологического ситуационизма состоит не в констатации этого достаточно очевидного факта, а в мысли о том, что субъективное восприятие ситуации одновременно сопровождается для человека иллюзиями своей объективности и точности оценок, в которых важны степень и характер именно взаимодействия между человеком и ситуацией. Соответственно, следующая идея состоит в утверждении сильного детерминирующего влияния конкретной социальной ситуации, в которой разворачивается жизнедеятельность человека, и базируется на социально-психологических эмпириках,

акцентирующих так называемые «слабые» ситуации, влияющие на социальное поведение человека далеко не очевидно с точки зрения здравого смысла, но достаточно сильно, чтобы заставить его мыслить и действовать в плену собственных предубеждений. При этом очевидно, что «слабость» тех или иных ситуаций во многом определяется тем, как они категоризируются, и с этим связана еще одна идея ситуационизма, подчеркивающая роль языка и дискурсивного контекста в переживаниях, которыми человек обозначает «встречу» с ситуацией и которые во многом определяют его выбор вариантов собственного социального поведения. Тем самым языку отводится центральная роль в конструировании образа ситуации и, соответственно, образа социального мира в целом, в который человек «помещает» и представления о самом себе. Этот образ «я-в-ситуации» неминуемо аффективно заряжен (хотя бы в силу высокой личностной значимости, «выпуклости», своего основного социального объекта), и потому ситуационизм в социальной психологии акцентирует взаимосвязь эмоций и социального поведения — ведь действия, совершаемые людьми в тех или иных ситуациях, «не только отражают их убеждения и чувства, но и могут сильно влиять на последующие убеждения и чувства» (Гилович, Росс, 2019, с. 212).

Представляется, что значительная часть этих социально-психологических идей не только созвучна, но и востребована всем современным междисциплинарным пространством проблематики совладания.

Так, смещение трактовок копинга от поведенческого к когнитивному полюсу

и все большее внимание к субъективным оценкам тех или иных «трудностей» очевидно могут быть рассмотрены через призму ситуационизма, а именно — идеи о том, что субъективные искажения социальной реальности сочетаются одновременно с нашей неспособностью их заметить. С этой точки зрения реализуемые субъектом в трудной ситуации копинг-стратегии не выступают в качестве некоторых констант, а становятся результатом постоянно идущей когнитивной оценки, переоценки и эмоциональной переработки информации, которую человек считает (возможно, и, скорее всего, ошибочно!) релевантной конкретной трудной ситуации. Очевидно, что на этот процесс, в свою очередь, оказывает неминуемое влияние целый комплекс социально-когнитивных феноменов (аттитуды, ценности, когнитивные искажения, социальные верования и т.д.). Обращение к ним в исследовании процесса совладания создает необходимые условия для включения психологического переживания трудной ситуации в общую субъективную картину жизни человека, прежде всего — в его образ социального мира в целом, что, с нашей точки зрения, позволяет частично преодолеть неоднократно отмечающуюся исследователями противоречивость имеющихся эмпирических данных о взаимосвязи личностных и ситуационных детерминант эффективного совладания.

Но представления человека о себе и социальном мире в значительной степени основываются на результатах сравнения себя или своей социальной группы с другими референтными людьми или группами. Именно результаты этого сравнения могут вызывать самые разные

переживания и чувства (от ревности и зависти до гнева и самолюбования), которые «вмешиваются» в оценки той или иной ситуации, требующей совладания, что в максимальной степени будет проявляться в «слабых» ситуациях — неоднозначных, но повседневных. Тем самым «непреодолимая сила обстоятельств», столь часто тормозящая совладание вплоть до отказа от какой-либо активности (когнитивной и/или поведенческой), имеет в основе своей оценки текущий аффект, актуализируя необходимость рассмотрения процесса преодоления трудностей во взаимосвязи эмоций и социального поведения. При этом, как отмечается, сопровождающие социальное поведение эмоциональные переживания могут быть более чем неоднозначными, нередко далекими от своих традиционных категоризаций и потому трудными для распознавания человеком, подверженными всевозможным «взаимопереходам» и трансформациям (Сложные чувства..., 2022). И следует отметить, что значительная часть современных исследований копинга опирается на эту идею. Так, например, в нашем недавнем исследовании было показано, что негативное социальное сравнение себя с кем-то (человеком или группой людей, которые в целом воспринимаются как похожие), не только приводит к относительной социальной депривации (сопровождаясь чувствами обиды, зависти, ощущением несправедливости, депрессивными переживаниями и пр.), но и существенно видоизменяет процесс совладания. В контексте негативного социального сравнения человек начинает считать, что люди или группы, которые являются причиной возникновения относительной

депривации, являются источником дополнительной угрозы — в силу того, что они уже имеют определенные социальные привилегии и потенциально обладают большими возможностями, чтобы причинить вред или захватить больше ресурсов в любой ситуации и тем более в «трудной». В свою очередь, это чувство угрозы усиливает ощущение, что действия любых людей, которые не разделяют наши взгляды и ценности, направлены против нас, формируя представления человека о социальном мире как опасном и угрожающем (Белинская, Агадуллина, 2020). Подчеркнем, что эти индивидуальные переживания проявляются (и нередко подкрепляются!) в рамках определенных коллективных переживаний, которые выступают «аффективно-когнитивным механизмом конструирования образа изменяющегося мира» (Хорошилов, 2024, с. 25). Их сочетание ложится в основу принятия повседневных решений в нарастающей неоднозначности и транзитивности социального пространства, в том числе и решений, касающихся совладания с субъективными трудностями, конструируя в итоге индивидуальное жизненное пространство и стиль повседневной жизни (Крюкова, Сапоровская, Хазова, 2018).

Еще одна «точка согласия» в изучении копинга, а именно — все более активно реализующийся переход к сочетанию количественной и качественной методологии, также, на наш взгляд, имеет свое «созвучие» с теоретико-методологическими акцентами современной социальной психологии. Традиционное для нее внимание к феноменологии социальных изменений позволяет рассмотреть процесс индивидуального совладания с

трудностями, включенными в более широкую «рамку», как разворачивающийся в определенном социальном контексте. Не останавливаясь на возможных характеристиках последнего, которые сегодня достаточно подробно представлены в социально-философских, социологических и социально-психологических трудах (см., например: Бен-Чхоль Хан, 2023; Иллуз, 2020; Марцинковская, Полева, Хорошилов, 2024) и не только центрированы на констатации повышенной сложности, неопределенности и непрогнозируемости социального пространства, но акцентируют его индивидуализацию и подверженность негативным коллективным переживаниям в виде усталости и депрессии, подчеркнем, что именно качественные методы позволяют «схватить» меняющуюся картину современной социальности как пространство постоянного и повседневного совладания, раскрывая новые и нередко нетривиальные способы копинга с трудностями, не представленные в публичном дискурсе (Хорошилов, Белинская, Лянгузова, 2021).

Как же видятся в социально-психологической перспективе возможные линии дальнейшего развития проблематики совладания с трудными ситуациями?

Вместо заключения. Социально-психологический ракурс в изучении совладания: «точки развития»

Представляется, что социально-психологический взгляд на проблему совладания позволяет выделить следующие три ее потенциальные «точки развития».

Во-первых, это касается включения в анализ процесса копинга новых субъектов: очевидно, что ряд трудных ситуаций неизбежно требует их груп-

пового разрешения. Таковы, например, конфликтные ситуации в семье, и неслучайно сегодня изучение семейного (диадического, межличностного) копинга становится все более и более развернутым (Крюкова, Екимчик, Опекина, 2019), накапливая принципиально новый эмпирический материал. Но представляется, что переход в анализе копинга от уровня личности к уровню группы не может ограничиваться только этим, ведь многие трудные ситуации предполагают обращение к групповым ресурсам и в качестве таковых выступают, прежде всего, особенности групподинамических процессов (соотношение влияния большинства/меньшинства, уровень сплоченности группы и т.п.). Включение в анализ индивидуального копинг-ответа влияния группового контекста жизнедеятельности человека расширяет понимание совладания, связывая его с широким спектром социально-психологических явлений — коллективными переживаниями, социальными представлениями, исторической памятью и т.п. (Емельянова, 2023).

Во-вторых, значительные социально-психологические перспективы в исследовании совладания связаны с включением в его анализ временных параметров. Мы имеем в виду прежде всего исследование проактивного копинга: будучи по определению ориентирован в будущее, этот вид совладания в максимальной степени отвечает задаче изучения процесса преодоления трудных жизненных ситуаций в актуальном социальном контексте. Дело в том, что проактивность сегодня в максимальной степени эпистемологически противоречива — как можно прогнозировать собственные

стратегии совладания с трудностями завтрашнего дня в условиях социальной неопределенности, глобальных рисков, объективной непредсказуемости развития тех или иных социальных ситуаций и субъективной невозможности их контролировать? Каковы вообще могут быть в этих условиях антиципационные возможности преодоления? На какие ресурсы может опираться подобный вид совладания с трудностями? С одной стороны, исследования проактивного совладания уже имеют определенные традиции, подчеркивая, в частности, взаимовлияние реактивного и проактивного копинга, а также взаимосвязь последнего с временной перспективой личности, что, как уже отмечалось выше, отражено в достаточном количестве зарубежных и отечественных работ (Greenglass, Fiksenbaum, 2009; Holman, 2015; Chang et al., 2020; Агадуллина и др., 2020; Куфтык и др., 2023; Секацкая, 2024; Сулим, 2024). Однако, с другой стороны, представляется, что внимание к временной перспективе совладания может быть обогащено обращением к такой социально-психологической феноменологии, как коллективный образ будущего, который имеет свою структуру и механизмы формирования в виде как минимум социального воображения, конкретизируясь в социальных ожиданиях, групповых идеалах, коллективных страхах и надеждах (Нестик, 2025). Тем самым коллективный образ будущего может выступать комплексным (когнитивным, аффективным, конативным) ресурсом совладания для индивидуальных и групповых субъектов.

Третья возможная «точка развития» проблематики совладания, взятая в со-

циально-психологическом ракурсе, определяется, на наш взгляд, обращением к фундаментальным атрибутам личности, реализуемым в современном социальном контексте. Так, для психологии совладания достаточно устоявшимся является выделение в качестве одной из основных переменных, влияющих на выбор стратегий совладания, представления человека о самом себе: структурно-динамические характеристики персональной и социальной идентичности рассматриваются как принципиальный личностный ресурс, задействованный в процессе копинга и определяющий степень субъектности человека в контроле за своим поведением. Однако одним из ведущих современных трендов динамики идентичности является ее «текучесть» и способность к быстрым изменениям. Соответственно, возникает вопрос о том, какую роль с точки зрения совладания может играть подобная гибкость Я? Станет ли она основанием для расширения репертуара копинг-стратегий, гибкости в оценках самой трудной ситуации или же столь изменчивая система представлений человека о себе окажется препятствием для преодоления трудностей? Определенным ответом на эти вопросы является, на наш взгляд, понимание идентичности как феноменологического проявления целостности личности (Гришина, 2024), в которой основную роль играет постоянное взаимодействие человека с социальным контекстом своего бытия, в том числе и с теми его гранями, которые оцениваются как субъективно трудные. И в этой связи характерно современное обращение исследователей копинга к принципиально другому уровню его анализа, базирующемуся на включении в процесс совлада-

ния динамики личностных смыслов. Это позволяет не только выделить новый тип копинга (смысловое совладание), но и считать подобное субъективное смысловое «расширение» контекста возникающих трудностей, включение их в общее субъективное «пространство жизни» базовым механизмом совладания в целом (Eisenbeck et al., 2022; Леонтьев, 2025а; Леонтьев, 2025б). И здесь социальному психологу представляется необходимым подчеркнуть, что подобное контекстуальное переосмысление трудностей невозможно без обращенности к Другому, без реальной или символической интеракции с ним, без создания общего пространства доверительного взаимодействия, что задает новые перспективы преодоления онтологических рисков для нашего современника.

Подытоживая, зафиксируем, что исследования совладания в настоящий момент объединяет общая содержательная интенция: выраженный переход к холистическому видению процесса взаимодействия человека и трудной ситуации. Это может конкретизироваться по-разному: и как комплексное понимание ресурсов совладания (личностных, ситуационных, групповых, социокультурных) в актуальном социальном контексте, приводящее к существенному переосмыслению самого процесса преодоления трудностей, и как внимание к временным аспектам совладания, в частности, в виде взаимосвязи и взаимовлияния стратегий реактивного и проактивного копинга, и как обращение к тем фундаментальным личностным характеристикам, которые собственно и определяют феноменологию устойчивости человека в современной повседневности.

Список источников / References

1. Агадуллина, Е.Р., Белинская, Е.П., Джураева, М.Р. (2020). Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия. *Национальный психологический журнал*, 3, 30–38.
Agadullina, E.R., Belinskaya, E.P., Dzhuraeva, M.R. Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences. *National Psychological Journal*, (3), 30–38. (In Russ.).
2. Альперович, В.Д. (2020). Копинг-стратегии субъекта в связи с образами трудной жизненной ситуации в метафорах и социальной фрустрированностью. *Экспериментальная психология*, 13(3), 143–155. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130311>
Alperovich, V.D. (2020). Coping strategies of the subject in connection with images of difficult life situations in metaphors and social frustration. *Experimental Psychology*, 13(3), 143–155. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130311> (In Russ.).
3. Белинская, Е.П., Агадуллина, Е.Р. (2020). Переживание относительной депривации как фактор копинг-стратегии избегания в сетевой коммуникации. *Социальная психология и общество*, 11(1), 92–106.
Belinskaya, E.P., Agadullina, E.R. (2020). Experiencing relative deprivation as a factor in avoiding coping strategies in online communication. *Social Psychology and Society*, 11(1), 92–106. (In Russ.).
4. Белинская, Е.П. (2022). Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 24(6), 760–771.
Belinskaya, E.P. (2022). Coping with Difficulties in an Era of Uncertainty and Global Risks: Main Research Trends. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 24(6), 760–771. (In Russ.).
5. Белинская, Е.П. (2023а). Личностные и социально-психологические ресурсы совладания юношества с трудными жизненными ситуациями в современном цифровом обществе. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, 4, 16–31.
Belinskaya, E.P. (2023). Personal and socio-psychological resources of youth coping with difficult life situations in modern digital society. *Bulletin of RGGU. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, (4), 16–31. (In Russ.).
6. Белинская, Е.П., Авазматова, Ф.Х. (2023б). Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 25(5), 635–644.
Belinskaya, E.P., Avazmatova, F.Kh. (2023). The Relationship between Gender Stereotypes and Coping with Difficult Life Situations. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 25(5), 635–644. (In Russ.).
7. Бён-Чоль, Хан. (2023). Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А.С. Салина, предисловие и научная редакция А.В. Павлова. М.: Издательство АСТ, 2023.
Byung-Cheol, Han. (2023). The Society of Fatigue. Negative Experiences in an Era of Excessive Positivity / Translated from German by A.S. Salin, Foreword and Scientific Editing by A.V. Pavlov. Moscow: AST Publishing House, 2023. (In Russ.).
8. Бехтер, А.А. (2025). Первичная адаптация русскоязычной версии Утрехтской шкалы проактивной копинг-компетентности. *Экспериментальная психология*, 18(2), 187–205. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180211>

- Bekhter, A.A. (2025). Primary adaptation of the Russian version of the Utrecht Proactive Coping Competence Scale. *Experimental Psychology*, 18(2), 187–205. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180211> (In Russ.).
9. Битюцкая, Е.В. (2020). Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации. *Вопросы психологии*, 66(3), 116–131.
Bityutskaya, E.V. (2020). The structure and dynamics of the image of a difficult life situation. *Voprosy Psikhologii*, 66(3), 116–131. (In Russ.).
10. Битюцкая, Е.В. (2022a). Проблема циклической динамики копинга: характеристики процесса и методические решения. *Вопросы психологии*, 68(1), 57–72.
Bityutskaya, E.V. (2022). The Problem of Cyclic Dynamics of Coping: Process Characteristics and Methodological Solutions. *Voprosy Psikhologii*, 68(1), 57–72. (In Russ.).
11. Битюцкая, Е.В. (2022b). Успешность копинга. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(2), 382–404.
Bityutskaya, E.V. (2022). Coping success. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(2), 382–404. (In Russ.).
12. Битюцкая, Е.В., Кунашенко, М.И. (2024). Стремление к трудности как тип восприятия жизненных ситуаций. Вестник Московского университета. Серия 14: Психология, 47(1), 31–62.
Bityutskaya, E.V., Kunashenko, M.I. (2024). The Desire for Difficulty as a Type of Perception of Life Situations. *Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*, 47(1), 31–62. (In Russ.).
13. Гилович, Т., Росс, Л. (2019). Наука мудрости. М.: Individuum.
Gilovich, T., Ross, L. The science of wisdom. Moscow: Individuum. (In Russ.).
14. Гришина, Н.В. (2024). Идентичность как проявление целостности личности. *Социальная психология и общество*, 15(4), 12–24.
Grishina, N.V. (2024). Identity as a manifestation of personality integrity. *Social Psychology and Society*, 15(4), 12–24. (In Russ.).
15. Емельянова, Т.П. (2023). Функции коллективных чувств в общественной жизни. Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований (с. 477–480). М.: ИП РАН.
Emelianova, T.P. (2023). Functions of Collective Feelings in Social Life. Man, Subject, Personality: Prospects for Psychological Research (pp. 477–480). Moscow: IP RAS. (In Russ.).
16. Иллуз, Е. (2020). Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / пер. с нем. С.В. Сидоровой. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг.
Illuz, E. (2020). *Why Does Love Hurt? A Sociological Explanation* / Translated from German by S.V. Sidorova. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing. (In Russ.).
17. Крюкова, Т.Л., Гушина, Т.В. (2015). Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова.
Kryukova, T.L., Gushchina, T.V. Culture, Stress, and Coping: Sociocultural Contextualization of Coping Behavior. Kostroma: N.A. Nekrasov Kostroma State University. (In Russ.).
18. Крюкова, Т.Л., Сапоровская, М.В., Хазова, С.А. (2017). Совладание с трудностями и жизненный стиль современника. Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология, 23(1), 91–96.
Kryukova, T.L., Saporovskaya, M.V., Khazova, S.A. (2017). Coping with Difficulties and the Lifestyle of a Contemporary Person. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya*, 23(1), 91–96. (In Russ.).
19. Крюкова, Т.Л., Екимчик, О.А., Опекина, Т.П. (2019). Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома: Изд-во КГУ.

- Kryukova, T.L., Ekimchik, O.A., Opekina, T.P. (2019). *Psychology of Coping with Difficulties in Close (Interpersonal) Relationships*. Kostroma: KSU Publishing House. (In Russ.).
20. Куфтяк, Е.В., Бехтер, А.А., Филатова, О.А., Газзаева, Н.М., Сиукаева, Е.Г. (2023). Предикторы проактивного преодоления на этапе ранней взрослости: кросс-культурное исследование. *Клиническая и специальная психология*, 12(2), 164–191. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120208>
- Kuftyak, E.V., Bekhter, A.A., Filatova, O.A., Gazzaeva, N.M., Siukaeva, E.G. (2023). Predictors of Proactive Coping in Early Adulthood: A Cross-Cultural Study. *Clinical and Special Psychology*, 12(2), 164–191. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120208> (In Russ.).
21. Леонтьев, Д.А. (2025 а). Совладание в контексте саморегуляции. Часть 1. Концептуальные проблемы и вызовы. *Психологический журнал*, 46(1), 5–13. <https://doi.org/10.31857/S0205959225010014>
- Leontiev, D.A. (2025). Coping in the self-regulation context. Part 1. Conceptual problems and challenges. *Psychological Journal*, 46(1), 5–13. (In Russ.).
22. Леонтьев, Д.А. (2025 б). Совладание в контексте саморегуляции. Часть 2. Полиресурсная модель. *Психологический журнал*, 46(2), 5–12. <https://doi.org/10.31857/S0205959225020014>
- Leontiev, D.A. (2025). Coping in the self-regulation context. Part 2. A poliresource model. *Psychological Journal*, 46(2), 5–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0205959225020014>
23. Львова, Е.Н., Шлягина, Е.И., Митина, О.В. (2018). Предикторы совладающего поведения. *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* (с. 425–441). Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский дом ЯСК.
- Lvova, E.N., Shlyagina, E.I., Mitina, O.V. (2018). Predictors of Coping Behavior. *Mobilis in mobili: Personality in an Era of Change* (pp. 425–441). Ed. by A.G. Asmolov. Moscow: YASK Publishing House. (In Russ.).
24. Марцинковская, Т.Д., Полева, Н.С., Хорошилов, Д.А. (2024). *Психология повседневности*. М.: МИП.
- Martsinkovskaya, T.D., Poleva, N.S., Khoroshilov, D.A. (2024). *Psychology of Everyday Life*. Moscow: MIP. (In Russ.).
25. Нестик, Т.А. (2025). *Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Nestik, T.A. (2025). *The Collective Image of the Future: A Socio-Psychological Analysis*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
26. Петраш, М., Стрижицкая, О., Муртазина, И., Вартанян, Г., Шукин, А. (2021). Отношение к одиночеству: поведенческие стратегии как ресурсы преодоления. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 11(4), 341–355.
- Petrash, M., Strizhitskaya, O., Murtazina, I., Vartanyan, G., Shchukin, A. (2021). Attitude towards Loneliness: Behavioral Strategies as Coping Resources. *Bulletin of Saint Petersburg University. Psychology*, 11(4), 341–355. (In Russ.).
27. Рассказова, Е.И. (2022). Возможности диспозиционной и ситуативной оценки копинг-стратегий (на примере применения общей и специфичной для пандемии версий методики COPE). *Экспериментальная психология*, 15(1), 204–219.
- Rasskazova, E.I. (2022). Possibilities of dispositional and situational variants of coping strategies assessment (on the model of general and pandemic-specific versions of COPE). *Experimental Psychology (Russia)*, 15(1), 204–219. (In Russ.).
28. Секацкая, Е.О. (2024). Исследование взаимосвязи проактивных копинг-стратегий с эмоциональным состоянием, временной перспективой и личностными

- характеристиками. *Мир науки. Педагогика и психология*, 12(1). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PSMN124.pdf>
- Sekatskaya, E.O. (2024). Study of the Relationship between Proactive Coping Strategies and Emotional State, Time Perspective, and Personal Characteristics. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 12(1). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PSMN124.pdf> (In Russ.).
29. Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко (2008). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
Coping Behavior. Current State and Prospects / edited by A.L. Zhuravlev, T.L. Kryukova, E.A. Sergienko (2008). Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
30. Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности (2022). М.: Individum.
Complex Feelings. A Conversation Guide for the New Reality: From Abuse to Toxicity (2022). Moscow: Individum. (In Russ.).
31. Сулим, О.С. (2024). Событийная временная перспектива будущего как адаптационный ресурс в условиях глобальных кризисов. *Психологические исследования*, 17(93). URL: <https://psystudy.ru>
Sulim, O.S. (2024). Event-based time perspective of the future as an adaptive resource in the context of global crises. *Psychological Research*, 17(93). URL: <https://psystudy.ru> (In Russ.).
32. Хорошилов, Д.А., Белинская, Е.П., Лягузова, В.В. (2021). Качественные методы в изучении культурной детерминации совладания: проблемы и перспективы. Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование, 1, 12–27.
Khoroshilov, D.A., Belinskaya, E.P., Lyanguzova, V.V. (2021). Qualitative Methods in the Study of Cultural Determinants of Coping: Problems and Prospects. *Bulletin of RGGU. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, 1, 12–27. (In Russ.).
33. Хорошилов, Д.А. (2024). Социальное познание и социальный контекст: новое прочтение научного наследия Г.М. Андреевой. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 20–30.
Khoroshilov, D.A. (2024). Social Cognition and Social Context: A New Reading of the Scientific Legacy of G.M. Andreyeva. *National Psychological Journal*, 19(3), 20–30. (In Russ.).
34. Carver, C.S., Scheier, M.F., Weintraub, J.K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56, 267–283. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.2.267>
35. Chang, O.D., Batra, M.M., Premkumar, V., Chang, E.C., Hirsch, J.K. (2020). Future orientation, depression, suicidality, and interpersonal needs in primary care outpatients. *Death studies*, 44(2), 98–104.
36. Couples coping with stress. Emerging Perspectives on Dyadic Coping (2005) / Ed. by Revenson T.A., Kayser K., Bodenmann G. APA: Washington, DC.
37. Eisenbeck, N. et al. (2022). An international study on psychological coping during COVID-19: Towards a meaning-centered coping style. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 22(1). <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2021.100256>
38. Holman, E.A. (2015). Time Perspective and Social Relations: A Stress and Coping Perspective. In: M. Stolarski, N. Fieulaine, W. van Beek (Eds.) *Time Perspective Theory; Review, Research and Application* (pp. 419–436). Cham: Springer International Publishing.
39. Greenglass, E., Fiksenbaum, L. (2009). Proactive coping, positive affect, and well-being. *European Psychologist*, 14(1), 29–39.

40. Frydenberg, E. (2014). Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes. *Australian Journal of Psychology*, 66(2), 82–92.
41. Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal, and Coping*. New York, NY: Springer.
42. Lazarus, R.S. (1993). Coping theory and research: Past, present and future. *Psychosomatic Medicine*, 55(3), 234–247.
43. Moeller, R.W., Seehuus, M., Simonds, J., Lorton, E., Randle, T.S., Richter, C., Peisch, V. (2020). The differential role of coping, physical activity, and mindfulness in college student adjustment. *Frontiers in Psychology*, 11.
44. Weber, H. (2003). Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations. *Anxiety, Stress and Coping*, 16(2), 133–153.
45. Wong, P.T.P., Wong, L.C.J. (Eds.) (2006). *Handbook of multicultural perspectives on stress and coping*. Boston, MA: Springer. https://doi.org/10.1007/0-387-26238-5_11

Информация об авторах

Елена Павловна Белинская, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 30.09.2025

Поступила после рецензирования 14.11.2025

Принята к публикации 05.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.30

Revised 2025.11.14

Accepted 2025.12.05

Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

Человек во взаимодействии с окружающим миром: от ситуации к контексту

Н.В. Гришина ✉

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ n.v.grishina@spbu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современная реальность определяет новый ракурс рассмотрения проблемы отношений человека с окружающей средой, обусловленный включенностью современного человека в более широкий контекст существования. Принцип контекстуальности является одним из методологических принципов описания психологической феноменологии в современной психологии, что требует поиска подходов и языков описания взаимодействия человека с контекстом его существования.

Цель данной статьи: анализ понятий, используемых в психологии для обозначения отношений человека с окружающим миром, описание результатов разработки проблем психологии ситуаций, аргументация перехода психологической науки к понятию контекста и уточнение единиц описания контекста.

Использованная методология: теоретико-методологический и концептуальный анализ понятий современной психологии, описывающих окружающий человека мир.

Основные выводы. Для психологии XX века основным в описании отношений человека с окружающим миром было понятие ситуации. Реальность существования человека в современном мире описывается понятием контекста, которое отвечает принципу целостности в описании личности и восполняет недостающее звено в описании «выхода личности за свои пределы». В качестве единиц описания контекста выступают концепты жизненного пространства, жизненного мира и хронотопа.

Ключевые слова: отношения со средой, среда, ситуация, контекст, жизненное пространство, жизненный мир, хронотоп

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-18-00308 «Процессуальная модель целостности личности: теоретическое обоснование и эмпирические референты».

Для цитирования: Гришина, Н.В. Человек во взаимодействии с окружающим миром: от ситуации к контексту. *Социальная психология и общество*, 16(4), 31–48. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160403>

Man in interaction with the surrounding world: from situation to context

N.V. Grishina ✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ n.v.grishina@spbu.ru

Abstract

Context and relevance. *Modern reality defines a new perspective on the problem of human relations with the environment, due to the inclusion of modern man in the broader context of existence. The principle of contextuality is one of the methodological principles of describing psychological phenomenology in modern psychology, which requires the search for principles and languages for describing human interaction with the context of his existence.*

Objective. *To analyze the concepts used in psychology to denote human relations with the outside world, describe the results of the development of the psychology of situations, argue for the transition of psychological science to the concept of context and clarify the units of context description.*

Methodology used: *theoretical, methodological and conceptual analysis of the concepts of modern psychology describing the world around a person.*

Conclusions. *For twentieth-century psychology, the concept of a situation was the main one in describing a person's relationship with the outside world. The reality of human existence in the modern world is described by the concept of context, which corresponds to the principle of integrity in the description of personality and fills in the missing link in the description of "personality going beyond its limits." The concepts of life space, life world, and chronotope serve as units of context description.*

Keywords: *relations with the environment, environment, situation, context, life space, life world, chronotope*

Funding. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 24-18-00308.

For citation: Grishina, N.V. Man in interaction with the surrounding world: from situation to context. *Social Psychology and Society*, 16(4), 31–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160403>

Введение

Отношения человека с окружающей средой являются предметом внимания психологической науки и практики на протяжении всей истории их становления. В разных теориях личности, социально-психологических подходах, объяснительных моделях предлагаются различные описания взаимодействия человека с контекстами его жизнедеятельности. Со-

временная реальность не просто актуализирует данную тематику, но задает новый ракурс ее рассмотрения, обусловленный включенностью современного человека в более широкий контекст существования, что превращает его в мощный фактор влияния на жизнь человека.

Изменения реальности требуют нового рассмотрения проблемы «человек в окружающем мире». В современной

психологии изучение психологической феноменологии с учетом контекста ее возникновения и проявления становится обязательным методологическим условием релевантного описания личности во всей ее целостности.

В психологии XX века основным в описании отношений человека с окружающим миром было понятие ситуации как конкретизации более общего понятия среды. В фокусе социально-психологических исследований и психологии личности — трудные, экстремальные, критические жизненные ситуации, которые обладают особой значимостью в жизни человека. Благодаря проведенным исследованиям в современной психологии накоплен значительный объем эмпирических данных, не только имеющих большое практическое значение, но и позволяющих расширить представления психологической науки о природе ситуаций.

Вместе с тем в психологии XXI века все более явной становится тенденция к использованию понятия контекста в описании взаимодействия человека с окружающим миром как отвечающего существованию человека в современной реальности.

Целью данной статьи является анализ основных понятий, используемых в психологии для обозначения отношений человека с окружающим миром, описание результатов разработки проблем психологии ситуаций, аргументация перехода психологической науки к понятию контекста и уточнение единиц описания контекста.

Начальный этап: понятие среды

Наиболее общим в описании окружающего человека мира является понятие среды, которое относится к условиям существования человека в самом широком

смысле слова — к физическим, социальным и культурным условиям.

Само понятие «психология среды» (environmental psychology) появляется в первой половине XX века, чему предшествовали отдельные исследования, проводившиеся еще в начале прошлого века в виде изучения влияния стимулов физической среды на человеческую активность. Впоследствии начинают изучаться городские феномены и выделяться различные виды среды (естественная, социальная, историко-культурная и др.).

С конца 60-х годов средовая психология уже рассматривается в качестве самостоятельной области психологии, занимающейся систематическими исследованиями взаимодействия человека со средой. Ее становление было сопряжено с трудностями исследовательского характера (многие из которых не преодолены до сих пор); даже по прошествии двух десятилетий, в конце 80-х гг. М. Черноушек в своей книге, посвященной психологии жизненной среды, пишет: «Психологии окружающей среды, или экологической психологии, как отрасли науки с четко выраженными чертами до сих пор нет. Не выработана еще система, которая помогла бы объяснить экологию с социально-психологической точки зрения, и в рамках психологии нет еще четко очерченной сферы ее применения в области экологии» (Черноушек, 1989, с. 25).

Все более очевидным становится влияние средовых изменений (ухудшение экологии, климатические изменения и др.) на мировые экосистемы. Признается, что именно поведение людей становится одной из основных причин возникающих проблем, что усиливает внимание к психологии поведения человека, связанного с возрастаю-

щим влиянием людей и жизнедеятельности человеческих сообществ на окружающую среду. Акценты в проводимых исследованиях начинают фокусироваться на том, как найти пути изменения поведения людей, каковы эффективные средства побуждения людей к стратегиям поведения, направленным на сохранение и поддержание окружающей среды, и это становится одним из основных вопросов современной психологии среды (Garling, 2014).

Психология среды определяется как дисциплина, изучающая взаимодействие между индивидами и окружающей естественной и искусственной средой (Environmental Psychology..., 2013). Для современных исследований в этой области характерно усиление внимания к психологическим следствиям климатических изменений, природных катаклизмов, ухудшающейся экологии; нарастание интереса к природной среде, к ее возможным терапевтическим эффектам, способствующим преодолению негативных влияний городской среды; расширение понятия среды, в которой, наряду с традиционно изучаемыми физической, городской и природной средами, начинают выделяться среда дома, рабочая среда, жизненная среда и т.д.¹

Актуальность исследований в области психологии среды очевидна. Нарастающие в 21 веке экологические проблемы

усиливают внимание к данной области и создают хорошие перспективы для ее развития. Вместе с тем психология среды остается областью, слабо интегрированной в общее проблемное поле современной психологической науки². Т.А. Нестик и А.Л. Журавлев отмечают, что, несмотря на очевидную актуальность темы и многочисленные исследования экологических и экономических последствий изменения климата, очевидно «абсолютно недостаточное внимание ученых к изучению его психологических эффектов» (Нестик, Журавлев, 2020, с. 86). По их мнению, «психологические последствия изменения климата связаны прежде всего с *ростом тревоги по поводу будущего, дистресса в связи с последствиями природных бедствий, а также ностальгией и депрессией по поводу утраты привычной окружающей среды*» (там же, с. 87).

В качестве общего вывода из проведенного анализа стоит отметить, что исследования в области отношений человека с окружающей средой, сохраняя в качестве неизменной составляющей изучение ее влияния на человека, эволюционируют от описания отдельных стимулов среды и их воздействия к описанию целостной среды, ее восприятия человеком и ее потенциала с точки зрения психологического благополучия человека и удовлетворения его

¹ Современные направления исследований в данной области можно оценить по публикациям «Journal of Environmental Psychology», издаваемого Международной Ассоциацией прикладной психологии. Журнал выходит ежемесячно и позиционируется как первый журнал в этой области, ориентированный на публикацию широкого круга междисциплинарных исследований ученых всего мира. Он имеет постоянную тематическую рубрику: устойчивое развитие, сохранение и изменение климата; строительство, природная среда и реставрация, дизайн и планирование; приверженность месту; пространственное познание и ориентация в пространстве.

² Так, в описании интеллектуальной истории психологии в Кембриджском издании, подготовленном ведущими западными учеными, среди основных тематических областей психологической науки психология среды не представлена (Гусельцева, 2022).

жизненных потребностей; при этом само понятие среды сохраняет статус описания окружающей человека реальности в объективных параметрах.

От понятия среды к понятию ситуации

В исследованиях XX века понятие среды редуцируется до понятия ситуации, что связано с влиянием позитивистской идеологии с ее ориентацией на количественные описания и «измерение» психологических феноменов. Ситуация представляет собой фрагмент среды, обладая меньшим масштабом, она легче поддается изучению и может быть описана в пространственно-временных границах, конкретных условиях и характеристиках. Ситуация рассматривается как имеющая двойственную природу — как фрагмент окружающей среды она включает объективные обстоятельства, но для психологических исследований важнее ее субъективная природа, восприятие и интерпретация ситуации индивидом, что и определяет его поведение в данной ситуации.

В 20–30-е годы закладываются методологические основания в понимании и изучении ситуаций. Это, прежде всего, работы К. Левина, обосновывающие принцип понимания ситуации в субъективной оценке и интерпретации участвующего в ней субъекта. В качестве конкретизации этого принципа может рассматриваться концепт «определение ситуации», предложенный У. Томасом и представляющий собой когнитивный компонент взаимодействия человека с окружающим миром. Еще одной конкретизацией — уже в качестве аффективного компонента — выступает понятие «переживание», которое Л.С. Выготский пред-

лагает рассматривать в качестве единицы отношений человека со средой.

Понятие ситуации становится основным в рассмотрении взаимодействия человека с окружающим миром, а само это взаимодействие описывается с помощью концептуальных и объяснительных схем, построенных в основном на разных типах соотношения ситуационных и личностных детерминант активности человека (к таковым, в частности, относятся известные концептуальные описания Х. Хеккаузена, 1986).

В 70–80-е годы XX века выходит ряд работ, сыгравших значительную роль в привлечении внимания психологов к изучению ситуаций. Среди них должна быть названа посвященная личностной психодиагностике работа У. Мишела, которая продемонстрировала ограниченные прогностические возможности традиционных персонологических подходов и поставила вопрос о необходимости выхода за их рамки (Росс, Нисбетт, 1999).

В это же время впервые начинают появляться работы, прямо посвященные изучению ситуаций.

В конце 80-х годов выходит книга Л. Росса и Р. Нисбетта «Человек и ситуация. Уроки социальной психологии», которая была оценена как одна из важнейших психологических работ десятилетия и стала сильным вызовом ситуационного подхода к современной психологии. «Сила» их работы — в убедительной аргументации невозможности предсказания поведения человека в конкретной ситуации на основе знания его личностных особенностей или его поведения в других ситуациях (Росс, Нисбетт, 1999).

В 1979 году в Стокгольме была проведена конференция по интеракционистской

психологии под названием «Ситуация в психологической теории и исследовании». Представленные на ней доклады были опубликованы в 1981 году в специальном издании под многообещающим названием «По направлению к психологии ситуаций: интеракционистская перспектива», составителем и редактором которого стал один из известных исследователей в данной области Д. Магнуссон. По его мнению, создание и развитие новой области — психологии ситуаций — является актуальной задачей психологической науки (Toward a Psychology of Situations..., 1981).

В том же 1981 году выходят посвященные исследованиям психологии ситуаций две, сегодня ставшие уже классическими, работы британских психологов М. Аргайла, А. Фернхэма и Дж. Грэм (Argyle, Furnham, Graham, 1981; Furnham, Argyle, 1981). В них описываются возможные подходы к изучению ситуаций, обозначаются и подробно анализируются их характеристики, приводятся примеры многочисленных эмпирических и экспериментальных исследований ситуаций (подробнее см. Психология социальных ситуаций, 2001).

Фундаментальность данных работ обеспечивает им интерес и современных исследователей. Закономерно, что на этом этапе разработка понятия ситуации отражала влияние доминирующей в психологии личности диспозициональной парадигмы и идет по пути описания черт и характеристик ситуации, их таксономий и типов. Так, один из наиболее авторитетных их перечней содержит следующие характеристики ситуаций: цели; правила, регулирующие поведение людей в ситуации; роли участников ситуации; наборы элементарных дей-

ствий по реализации взаимодействия в данной ситуации; последовательность действий (поведенческих актов); концепты-знания, необходимые для понимания ситуации; окружающая среда с ее пространственными и материальными параметрами; язык и речь; трудности и навыки, необходимые для их преодоления (Argyle, Furnham, Graham, 1981). Нетрудно видеть, что эти характеристики описывают некий обобщенный тип ситуации, который максимально абстрагирован от «личностного фактора» — особенностей ее участников.

Параметрические описания ситуаций страдают той же ограниченностью, которая отличает описания личности через совокупность ее черт с их статичным и фиксированным характером. В качестве основных к изучению ситуаций используются измерительный и компонентный подходы, обеспечивающие «поэлементное» изучение ситуаций со всеми присущими ему плюсами и минусами: отдельные характеристики ситуаций легче фиксируются и дают возможность сравнения разных ситуаций по определенным критериям, но не способны обеспечивать целостную картину ситуации.

Более современные решения переносят акцент с «чистого» описания ситуаций на изучение взаимодействия человека с ситуацией, делая акцент на психологически значимых для человека особенностях ситуации.

Наиболее распространенными в зарубежной психологии являются две методики описания ситуаций — SAAP и DIMONDS.

Методика SAAP (Situational Affordances for Adaptive Problems) (Brown et al., 2015) разработана на осно-

ве концепции фундаментальных мотивов человека, которые, как предполагается, сформировались в результате эволюционного процесса и имеют универсальный характер. К таким фундаментальным мотивам относятся мотивы самозащиты, построения удовлетворяющих отношений с людьми, обеспечения статуса и т.д. SAAP измеряет то, насколько характеристики ситуаций соответствуют этим адаптивным целям человека.

Методика DIMONDS («Ситуационная восьмерка», название которой образовано из букв названий входящих в методику шкал) (Rauthmann, Sherman, 2015) решает схожие задачи, измеряя характеристики ситуации, психологически значимые для индивида и его поведения в данной ситуации. К этим значимым для целей индивида особенностям ситуации относится то, в какой степени, по мнению индивида, ситуация апеллирует к чувству долга человека и предполагает выполнение им обязательств по отношению к другим людям, необходимость решения проблем и т.д.; в какой степени люди воспринимают ситуацию как требующую когнитивных усилий, интеллектуального участия или проявления интеллектуальных способностей; насколько в оценке человека ситуация связана с угрозами, конфликтами, обвинениями или критикой и так далее.

Преимущества данных методик описания ситуаций в том, что они, в отличие от параметрических описаний «чистых» ситуаций, фокусируются именно на взаимодействии человека с ситуацией. Описанные методики начинают находить применение и в отечественных исследованиях (Мамаева-Найлз, 2023; Мамаева-Найлз, Гришина, 2024).

Однако, несмотря на «взрыв» интереса к изучению ситуаций в 80-е гг. XX века, проведение в последующие годы исследований в этой области и создание исследовательских методик, проблема деконтекстуализированного характера исследований, прежде всего в области психологии личности и социальной психологии, остается «большим» местом. Именно с этим — проведением исследований «вне времени и пространства» — связываются противоречия данных, получаемых в эмпирических исследованиях, а также отсутствие прогресса в развитии ряда областей психологии. Критика, начатая еще в 70-е гг. прошлого века выходом своеобразного манифеста европейских психологов (The Context of Social Psychology, 1972), продолженная в работах С. Московиси об экспериментах в социальной психологии, в работах Г.М. Андреевой (2002 и др.) и многих других, сохраняет свою актуальность.

Соответственно, и поиск подходов и методических решений в области описания ситуаций остается актуальной задачей развития психологических исследований в этой области. Дж. Раутман, один из самых авторитетных исследователей в области изучения ситуаций, в коллективной работе со своими коллегами отмечает, что недостаточное продвижение в исследовании ситуаций связано с отсутствием ясности в понимании того, как именно следует их изучать, и с отсутствием согласованных концептуальных схем и представлений в этой сфере (Rauthmann et al., 2015).

В качестве методологических оснований исследования ситуаций им предлагаются три ключевых принципа. Принцип процессности предполагает, что психоло-

гически ситуация представляет собой процесс ее переживания человеком. Принцип реальности означает, что любой опыт проживания ситуации основан на трех типах реальности: объективной физической реальности, квазиобъективной социальной реальности и субъективной, персональной реальности; при этом предполагается, что люди будут проявлять больше согласия в восприятии характеристик социальной (согласованной) реальности и больше индивидуальных вариаций в восприятии ситуационных характеристик, относящихся к их персональной реальности. Принцип цикличности подчеркивает связь индивида с ситуацией, поскольку ситуационные переменные определяются личностными переменными, и они не могут быть разделены. Данные принципы, по мнению авторов, имеют аксиоматический характер, что означает, что они представляют собой интуитивно правдоподобные предположения и не могут быть прямо проверены, но эмпирически могут быть проверены следствия этих принципов и их практическое приложение в исследованиях.

Однако предлагаемые решения вызывают вопросы. Так, в работе К. Геукес и др. для преодоления недостатков де-контекстуализированных исследований предлагается так называемый интегральный подход, направленный на получение информации об индивиде в контексте («контекстуализированном индивиде») и самом контексте. С помощью опросных методов собирается информация об индивиде (личностные черты, состояние, поведение, самооценка), которая затем соотносится с контекстом (определяемого вопросом «В какой ситуации имеет место взаимодействие?») (Geukes, e.a., 2017). При таком методическом ре-

шении, механически складывающем информацию о личности и о ситуации, в которой человек находится, выпадает важнейшая характеристика — взаимодействие человека с контекстом.

Ограниченность такого типа подходов связана не только с вызывающими сомнения в их релевантности методическими решениями, но и — прежде всего — с тем, что декларируемое изучение контекста фактически сводится к конкретной ситуации.

Интуитивное понимание ограниченности подобных ситуационных описаний проявляется в том, что в психологии XXI века понятие ситуации вытесняется понятием контекста, которое становится основным в описании окружающей человека среды.

От понятия ситуации к понятию контекста

Понятие ситуации не просто редуцирует понятие окружающего человека мира до измеримых единиц, но замыкает человека прагматикой его существования. Современный человек включен во взаимодействие с событиями и процессами глобального мира, благодаря современным технологиям его жизненное пространство не ограничено узкой ситуацией его конкретного существования. И этой реальности сегодняшней жизни человека отвечает понятие контекста.

Помимо этих онтологических оснований перехода к понятию контекста его методологический смысл связан с тем, что понятие контекста восполняет недостающее звено в описании отношений человека с окружающим миром. В психологии личности не единичны попытки описания выхода человека за свои пределы. В раз-

ных формулировках представление о том, что личность больше, чем она есть, встречается в самых разных работах.

Данная метафора может быть уточнена и конкретизирована обращением к ряду работ.

Методологические основания к пониманию существования человека в мире представлены в работах С.Л. Рубинштейна. Центральным моментом антропологического подхода С.Л. Рубинштейна является понимание природы человека через совокупность его отношений к миру, что предполагает исследование структуры бытия человека и способов его существования в этом мире. Именно включенность человека в мир в конечном счете определяет не просто его способ жизни, но и его самого, уровень развития человека, становление его личности (Рубинштейн, 2003). Ключевой идеей творчества ученицы С.Л. Рубинштейна, продолжательницы его идей Л.И. Анцыферовой является представление о том, что личность существует в процессе постоянного развития и саморазвития, преодолевая свои границы, в процессе постоянного несовпадения с собой, выхода за свои пределы (Анцыферова, 2006).

Особый ракурс развития данной темы можно обозначить благодаря понятию внеаходимости, введенному в научный дискурс М.М. Бахтиным (Бахтин, 1963). Это понятие описывает особенную позицию субъекта в отношениях с другим человеком (шире — в отношениях с окружающим миром), которая позволяет ему через диалог с этим другим как бы вживаться в его (иную) точку зрения, тем самым расширяя свое жизненное пространство (становиться большим, чем ты есть).

Важнейшее место тема «выхода за свои пределы» занимает и в концепции В. Франкла. Он пишет о двух понятиях — «самотрансценденция» и «самоотстранение (самодистанцирование)»: оба эти понятия подчеркивают разные аспекты выхода человека за пределы ситуации и описывают духовные акты личности в процессе поиска и воплощения смысла. Способность к самодистанцированию, к выходу за пределы пространственной и временной реальности обеспечивает свободу человека. Самотрансценденция (от латинского *transcendentis* — «выходящий за пределы») связана со способностью личности к направленности на нечто вне себя, к личностной включенности в мир. Франкл пишет: «...Сущность человека характеризуется также и тем, что он открыт, что он “открыт миру”. *Быть человеком — значит выходить за пределы самого себя* [курсив мой — Н.В.]. Я бы сказал, что сущность человеческого существования заключена в его самотрансценденции» (Франкл, 1990, с. 51). О концепции самотрансценденции В.А. Петровский пишет, что она «фокусируется на анализе актов полагания индивидом своего “Я” за пределы испытанного и познанного». Личность — это «субъект, бросающий вызов ситуации» (Петровский, 2006, с. 148–160).

Куда «выходит» человек, когда он «выходит за пределы своей ситуации»? Он выходит в более широкий контекст своего существования, в другие, иногда новые, ранее не существовавшие координаты своего жизненного пространства. Образно говоря, из ситуации выйти можно, из контекста нельзя.

Именно в этом смысле можно утверждать, что понятие контекста необходимо дополняет описание взаимодействия

личности с окружающим миром, когда речь идет о выходе человека в другие координаты своего существования.

Введение понятия контекста в психологию представляет собой не просто замену одного понятия (ситуации) другим (контекстом), но означает принципиально иное понимание природы психологической феноменологии, возникновение и характер которой определяются не только (и не столько) непосредственной ситуацией окружения, сколько более широким пространством. Понятие контекста отвечает принципу целостности в изучении человека: во взаимодействии с ситуацией поведение человека может быть реактивным, описываемым отдельными навыками и стратегиями поведения; в отношениях с контекстом личность участвует целиком, «проживая» эти отношения.

Контекст — слово латинского происхождения (от *contextus* — «соединение», «связь», «сцепление»; складывается из латинских *com-* (*con-*) — «вместе» и *textere* — «ткать, плести»). Первоначально используется в научном дискурсе, связанном с изучением языка и речи, для анализа письменных текстов, который затем дополняется изучением устной речи и ситуации коммуникации; соответственно, начинают различаться вербальный и ситуативный (невербальный, экстралингвистический) контексты. Интерес к контексту при изучении речевой коммуникации обусловлен признанием факта того, что значение слова или более объемной

лексической единицы определяется контекстом. В гуманитарных науках контекст определяется как ситуация или процесс, которые определяют понимание и интерпретацию явления. Контекст представляет собой совокупность условий интерпретации различных культурных явлений (Касавин, 2008). (Особенность контекста как фактора, определяющего значение коммуникативного послания, хорошо известна и осознается обыденной психологией, когда в ответ на какую-то реплику человека его собеседник может возразить ему, сославшись на то, что фраза «вырвана из контекста», что означает, что ее смысл искажен.) Именно эта смыслообразующая функция контекста и делает понятие контекста привлекательным для современных социальных и гуманитарных наук³.

Роль контекста и контекстуальных факторов как определяющих значение происходящего не могла пройти мимо внимания психологов. Прообразом последующих исследований в этой области можно назвать эксперименты в школе гештальтпсихологии. Широко известны работы о взаимодействии фигуры и фона (понятие фона и сегодня часто упоминается как ближайший синоним контекста). Именно этот взгляд на психологическую феноменологию, определенную не только свойствами самих явлений, но и факторами, находящимися за их пределами, был развит в методологических идеях Курта Левина о переходе к галилеевскому способу мышления.

³ Если за 10 лет (с 2005 по 2015 год) число публикаций в отечественной литературе по теме контекста (по всем областям научного знания и практики) достигает немногим более 43 тысяч, то за следующие 5 лет, в период с 2015 по 2020 год, эта цифра уже превышает 60 тысяч, а в следующие 5 лет эта цифра удваивается и достигает 128 тысяч (по данным РИНЦ, на май 2025).

Понятие контекста в психологии, однако, и по сей день нельзя считать определенным. В психологическом словаре Американской психологической ситуации (2018) понятие контекста соотносится с четырьмя средами: наиболее общее понимание контекста — это условия или обстоятельства, в которых возникают феномены; в лингвистике — части устной речи или письменного текста, которые предшествуют или следуют за словом, фразой или другой единицей и проясняют их смысл; в когнитивных исследованиях — среда, в которой имеет место стимульное событие, влияющее на память, научение, суждения или другие когнитивные процессы; в лабораторных задачах на распознавание стимулов — условия, в которых предъявляется целевой стимул, включая помехи или отвлекающие факторы.

«Лингвистическое» происхождение понятия контекста сохраняется в его определениях. Так, в «Большом психологическом словаре» под контекстом понимается «законченный в смысловом отношении отрывок текста, необходимый для определения смысла отдельно входящего в него слова или фразы. В широком смысле контекст включает также ситуацию, в которой текст создается и/или воспринимается» (2006, с. 183). Это традиционное понимание дополняется отсылкой к еще одному значению: «...нередко употребляется выражение “социальный контекст”, “культурный контекст”, “духовный контекст” для обозначения окружающей человека социальной среды, ситуации. Подразумевается, что понимание поведения личности невозможно вне учета актуального и прошлого контекста» (там же).

Очевидная значимость фактора контекста для психологии и растущий интерес

к этому понятию требуют уточнения его содержания. Анализ понятия контекста в работах А.А. Вербицкого приводит его к выводу о необходимости введения понятия «контекст» в категориальный строй психологической науки. При этом понятие «контекст», по мнению Вербицкого, должно иметь статус метапсихологической категории (как, например, понятие сознания) (Вербицкий, Калашников, 2011 и др.).

Немногие определения, которые можно встретить в литературе, сводятся к указанию на внешние факторы или условия, в которых происходят те или иные события; фактически в этих определениях контекст ничем не отличается от среды и средовых факторов, хотя иногда к указанию на факторы контекста добавляется их роль в определении значения или смысла происходящего.

Если разграничение понятий ситуации и контекста может быть довольно просто обозначено как различия масштабов этих фрагментов реальности, то различия в понятиях среды и контекста не столь очевидны, хотя, возможно, их несинонимичность интуитивно и ощущается. Уточнение этих понятий, однако, необходимо в силу активной интеграции понятия «контекст» в понятийный аппарат психологической науки и перспективы обретения им статуса самостоятельной категории.

Различия между понятиями среды и контекста (в психологии) следует искать как раз в психологических факторах.

Среда не имеет пространственных ограничений, к ней фактически может быть отнесено все, что окружает человека, даже и не имеющее к нему прямого отношения, в нее входят в том числе и те характеристики и условия окружающей

среды, влияние которых на человека не очевидно. Контекст имеет более «человеческий» характер, он включает в себя то, что имеет отношение к человеку. Среда описывается в объективных понятиях, в терминах условий и факторов внешней среды. Субъективное проявляется в том, как человек реагирует на те или иные факторы. Средовое поведение человека описывается как реактивное, индивидуальные особенности в поведении людей проявляются в характере этой реакции.

Контекст жизнедеятельности человека — это не только (и не столько) объективные условия его жизни, сколько жизненное пространство человека, образованное (сконструированное) самим человеком, его активным отношением к окружающему миру, превращающим общий социальный контекст в персональное пространство жизни человека.

Контекст можно назвать психологической средой существования человека, она образуется общим социальным контекстом его жизни, в рамках которого формируется индивидуальное жизненное пространство человека, его жизненный мир.

Традиционно социальный контекст рассматривается как совокупность существующих в обществе социальных отношений, социальных институтов, систем социальных норм и правил, регулирующих их взаимодействие и кристаллизующихся в культурных сценариях. Г.М. Андреева в своей «Психологии социального познания» рассматривает социальный

контекст как конфигурацию социальных институтов, в которой запечатлеваются многообразные формы взаимодействий между людьми и группами, входящих в общество (Андреева, 2007). Социальный контекст определяется реалиями жизнедеятельности общества, но это не просто социальная структура общества и институты его функционирования. Социальный контекст рождает культурный контекст общества, его ментальность, «дух времени», атмосферу общества, коллективные настроения и переживания, которые в свою очередь определяются пространством существования сообщества, его историей и «моментом времени»⁴.

Описания социального контекста — и в его онтологических реалиях, и в его духовных состояниях — относятся к целостному обществу. На основе этого общего социального контекста человек формирует контекст своей собственной жизни, представляющий собой индивидуально значимый фрагмент общего контекста, определяющий его существование и психологическую феноменологию. В сущности, жителю творчество человека состоит в преобразовании социального контекста, общего бытия в свое индивидуальное, персональное пространство.

Поиск исследовательских подходов к описанию контекста требует решения нескольких задач.

Одна из них состоит в соединении онтологических описаний с феноменологией контекста. В литературе неоднократно отмечалось, что психологическое «про-

⁴ Одним из известных примеров описания влияния социальных процессов на психологию своего времени является теория поколений У. Штраусса и Н. Хоуи, в которой биография поколения соотносится с историей общества, а исторический социальный контекст — с психологией людей (Strauss, Howe, 1991).

странство существует и как *система реальных психологических отношений субъекта*, однако в исследованиях последнего времени преимущественно изучается лишь их *ментальная модель*» (Журавлев, Купрейченко, 2011). Следует напомнить, что главу «Онтология человеческой жизни» в своей книге «Человек и мир» С.Л. Рубинштейн начинает с утверждения, что «анализ отношения человека к миру должен идти сначала не в плане психологическом и субъективно-этическом, а в онтологическом, что и предполагает раскрытие способа существования человека в мире» (Рубинштейн, 2003, с. 357).

Также необходимо уточнение понятий, которые используются при описании контекста. В качестве «единиц» описания индивидуального жизненного контекста человека можно рассматривать такие концепты, как жизненный мир, жизненное пространство и хронотоп. Особенности этих «единиц» жизненного контекста являются ключом к пониманию жизни человека в его взаимодействии с окружающим миром.

Классическим для психологии является понятие жизненного пространства, введенное в психологическую науку К. Левином. В этом понятии, по замыслу Левина, соединяются объективные характеристики пространства («объективные факты») и их преломление в субъективной оценке индивида («квази-факты» по Левину). В работах Курта Левина описаны структура жизненного пространства и динамика его изменений, в том числе связанных с процессами развития.

Понятие жизненного мира имеет философское происхождение и входит в психологический дискурс через работы экзистенциально ориентированных уче-

ных. В отечественной психологии понятие жизненного мира привлекает внимание психологов благодаря работам Ф.Е. Василюка, в которых используется понятие «онтология жизненного мира индивида» (Василюк, 1984). В своем анализе понятия жизненного мира Д.А. Леонтьев отмечает его отличие от понятия среды, поскольку «человек живет не просто в среде, как другие живые существа, но в мире» (2019, с. 25): «Мир отличается от среды и не сводится к среде. Он целостен, но не единствен. Мир выходит за рамки актуального, того, что окружает субъекта здесь и сейчас, он находится за рамками данной ситуации, за пределами перцептивного поля, он существует также в прошлом и в будущем» (там же, с. 27). Леонтьев формулирует свое видение особенностей жизненного мира, его строения и возможных типологий жизненных миров. Предложенное им понимание жизненного мира обладает несомненным эвристическим потенциалом. Примечательно, что анализ Леонтьева во многом основывается на философском дискурсе, что отражает недостаточную освоенность понятия жизненного мира психологической наукой.

Еще менее удачной оказалась судьба понятия хронотопа в психологии. Как известно, первоначально введенное в науку физиологом Ухтомским, понятие хронотопа как неразрывной связи пространственных и временных координат в гуманитарных науках получило распространение благодаря работам М.М. Бахтина. С психологической точки зрения хронотоп представляет собой атрибутивную характеристику жизнедеятельности человека: это единство пространства и времени, в которых протекает активность человека и вне которых она (как

и сам человек) не может существовать; это синтез, взаимодействие и взаимовлияние пространственных и временных условий разнообразных форм жизнедеятельности человека.

Несмотря на очевидное значение понятия хронотопа для психологии, посвященные ему работы единичны и ограничены форматом статей. Исключение составляет монография Н.Н. Толстых «Хронотоп: культура и онтогенез» (2010). Отсутствие продвижения в данной области очевидным образом связано с трудностями концептуализации и конкретизации понятия хронотопа. Приходится согласиться с Н.Н. Толстых, ссылающейся на высказывание В.П. Зинченко: «Хронотоп, являющийся результатом и условием развития сознательной и бессознательной жизни, ...как все живое, упорно сопротивляется концептуализации» (2010, с. 10).

Все упомянутые понятия могут рассматриваться в качестве единиц описания контекста, различия между ними связаны с тем, какие именно аспекты контекста они отражают. Мир жизни человека многоконтекстуален, и понятие жизненного пространства относится к его жизненному контексту, а понятие жизненного мира выходит в экзистенциальное пространство жизни человека. Понятие хронотопа, вероятно, может быть отнесено к контекстам разного уровня, фиксируя «здесь-и-сейчас» жизненного момента человека.

Еще одной и, возможно, наиболее сложной задачей является разработка исследовательских решений, обеспечивающих корректное эмпирическое описание контекста.

Одним из методологических принципов развивающихся в современной пси-

хологии процессуально-динамических подходов к описанию психологической феноменологии является принцип контекстуальности. Его реализация предполагает учет пространственно-временных координат возникновения и проявления психологических феноменов.

В проведенном нами исследовании целевой детерминации активности человека целеполагание рассматривалось как имеющее контекстуальный характер, и полученные результаты исследования подтвердили правомерность данного подхода.

Эмпирические данные показали связь целеполагания — выраженность целевой ориентации и значимость постановки целей в конкретных сферах жизнедеятельности — с более широким форматом жизненной ситуации человека, оценкой им возможностей, предоставляемых его жизненной ситуацией для реализации своих целей, видением своего будущего и опытом реализации своих целей в прошлом, готовностью к изменению своей жизненной ситуации и др.; таким образом, полученные результаты подтвердили «вписанность» целей человека в более широкий пространственный и временной контекст (Гришина и др., 2023). Дальнейшие исследования должны позволить сформулировать более четкие исследовательские решения.

Заключение

Традиционно взаимодействие человека с контекстом его существования относилось к предметному полю социальной психологии, однако сегодня ее представления о закономерностях существования человека в мире становятся основанием общеметодологических принципов всей психологической науки.

Наиболее общим в обозначении отношений человека с окружающим миром является понятие среды, описывающее объективные условия жизни человека. В современной психологии усиливается интерес к психологическим аспектам отношений человека со средой, которые рассматриваются как ключевые в современном понимании качества жизни.

В психологии XX века ключевое место занимало понятие ситуации, которое, как уже отмечалось, оказалось удобной единицей для реализации эмпирических исследований. Благодаря им в психологии накоплен значительный эмпирический материал, описывающий природу ситуаций, их характеристики, закономерности субъективного восприятия и интерпретации ситуаций. Вместе с тем его систематизация и оформление научной области психологии ситуаций, о необходимости создания которой ученые говорили еще в 80-х годах прошлого века, далеки от завершения.

Исследования в области психологии ситуаций, равно как и эмпирические исследования психологической феноменологии, опирающиеся на сложившееся понимание ситуации, также имеют перспективы и задачи, связанные с восполнением дефицита существующих представлений в этой области. Вместе с тем они имеют и свои ограничения, а также и определенные издержки, связанные с

недостаточно четкими разграничениями понятий ситуации и контекста.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что понятие контекста, которое активно интегрируется в дискурс современной отечественной психологии, более точно отражает объемные отношения современного человека с реальностью. Далее, необходимо подчеркнуть, что использование для их описания понятия контекста отвечает принципу целостности в изучении личности и позволяет найти подходы к описанию феноменологии выхода личности за свои пределы. Несомненную привлекательность для психологии имеет и смыслообразующая функция контекста.

Важным дальнейшим шагом является уточнение и разработка единиц описания контекста, в качестве которых рассматриваются понятия жизненного пространства, жизненного мира и хронотопа. Это общая задача, стоящая перед социальной психологией и психологией личности. Неслучайно Г.М. Андреева в свое время отмечала, что новые подходы в психологии личности становятся фактором и вызовом к их развитию в социальной психологии. Именно социальная психология с ее традициями обращения к социальному контексту обладает возможностями описания контекста в его современном понимании.

Список источников / References

1. Андреева, Г.М. (2002). В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI в. В: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (ред.). *Социальная психология в современном мире* (с. 9–26). М.: Аспект-Пресс.
Andreeva, G.M. (2002). In Search of a New Paradigm: Traditions and Starts of the 21st Century. In: G.M. Andreeva, A.I. Dontsov (eds.). *Social Psychology in the Modern World* (pp. 9–26). Moscow: Aspect-Press. (In Russ.).

2. Андреева, Г.М. (2004). Психология социального познания. М.: Аспект Пресс.
Andreeva, G.M. (2004). Psychology of social cognition. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
3. Анцыферова, Л.И. (2006). *Развитие личности и проблемы геронтопсихологии*. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН».
Antsyferova, L.I. (2006). Personality development and problems of gerontopsychology. Moscow: Publishing house "In-t Psichologii RAS". (In Russ.).
4. Бахтин, М.М. (1963). *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Художественная литература.
Bakhtin, M.M. (1963). Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Fiction. (In Russ.).
5. *Большой психологический словарь* (2006). Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко (ред.). 3-е изд., доп. и переработанное. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК.
The Large Psychological Dictionary (2006). B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko (eds.). 3rd ed., supplemented and revised. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK (In Russ.).
6. Василюк, Ф.Е. (1984). *Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций*. М.: Изд-во Московского университета. 1984.
Vasilyuk, F.E. (1984). Psychology of experience. Analysis of overcoming critical situations. Moscow: Moscow University Press. 1984. (In Russ.).
7. Вербицкий, А.А., Калашников, В.Г. (2011). Контекст как психологическая категория. *Вопросы психологии*, 6, 3–15.
Verbitsky, A.A., Kalashnikov, V.G. (2012). Category of «Context» and Contextual approach in psychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 5, 117–130. (In Russ.).
8. Гришина, Н.В., Аванесян, М.О., Макарова, М.В., Мамаева-Найлз, В.Д. (2023). Контекстуальный характер жизненных целей: ситуационные и индивидуально-психологические детерминанты целеполагания. *Российский психологический журнал*, 20(3), 6–28.
Grishina, N.V., Avanesyan, M.O., Makarova, M.V., Mamaeva-Niles, V.D. (2023). Contextual nature of life goals: situational and individual psychological determinants of goal setting. *Russian Psychological Journal*, 20(3), 6–28. (In Russ.).
9. Гусельцева, М.С. (2022). Обзор The Cambridge Handbook of the Intellectual History of Psychology. Eds. Robert J. Sternberg, Wade E. Pickren. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. *Новые психологические исследования*, 3, 231–249. DOI:10.51217/npsyresearch_2022_02_03_11
Guseltseva, M.S. (2022). Book review. The Cambridge Handbook of the Intellectual History of Psychology. Eds. R. Sternberg, Pickren W. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. *New Psychological research*, 3, 231–249. DOI:10.51217/npsyresearch_2022_02_03_11 (In Russ.).
10. Журавлев, А.Л., Купрейченко, А.Б. (2011). Психологическое и социально-психологическое пространство личности и группы: понимание, виды и тенденции исследования. *Психологический журнал*, 32(4), 45–56.
Zhuravlev, A.L., Kupreichenko, A.B. (2011). Psychological and socio-psychological space of the individual and group: understanding, types and research trends. *Psychological Journal*, 32(4), 45–56. (In Russ.).
11. Касавин, И.Т. (2008). *Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка*. М.: Канон.
Kasavin, I.T. (2008). *Text. Discourse. Context. Introduction to the Social Epistemology of Language*. Moscow: Canon. (In Russ.).
12. Леонтьев, Д.А. (2019). Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии. *Культурно-историческая психология*, 15(1), 25–34. DOI:10.17759/chp.2019150103 2019
Leontiev, D.A. (2019). Man and the Life-World: from Ontology to Phenomenology. *Cultural-Historical Psychology*, 15(1), 25–34. DOI:10.17759/chp.2019150103 2019 (In Russ.).

13. Мамаева-Найлз, В.Д. (2023). Изменение саморепрезентации личности в условиях неконгруэнтности целей и ситуационных возможностей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 375–395. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.306>
Mamaeva-Niles, V.D. (2023). Personality self-representation change in circumstances of “goal – affordance” incongruity and situational opportunities. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13(3), 375–395. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.306> (In Russ.).
14. Мамаева-Найлз, В.Д., Гришина, Н.В. (2024). Личность в ситуациях целевой неконгруэнтности: факторы оценивания. *Новые психологические исследования*, 1, 30–56. DOI:10.51217/npsyresearch_2024_04_01_02
Mamaeva-Niles, V.D., Grishina, N.V. (2024). Personality in the situations of goal incongruity: assessment factors. *New Psychological Research*, 1, 30–56. DOI:10.51217/npsyresearch_2024_04_01_02 (In Russ.).
15. Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (2020). Влияние изменения климата на человека: психологический анализ. *Психологический журнал*, 41(5), 86–96. <https://doi.org/10.31857/S020595920011084-8>
Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2020). Climate impact on mental health: psychological analysis. *Psychological Journal*, 41(5), 86–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920011084-8>
16. Петровский, В.А. (2006). Леонтьевские истоки общей персонологии. В: А.А. Леонтьев (ред.). *Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра*. М.: Смысл.
Petrovsky, V.A. (2006). Leontiev's sources of general personology. In: A.A. Leontiev (ed.). *Psychological theory of activity: yesterday, today, tomorrow*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
17. *Психология социальных ситуаций* (2001). Сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. СПб.: Питер.
Psychology of social situations (2001). Compiled and generally edited by N.V. Grishina. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
18. Росс, Л., Нисбетт, Р. (1999). *Человек и ситуация. Уроки социальной психологии*. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс.
Ross, L., Nisbett, R. (1999). *The Person and the Situation. Perspectives of Social Psychology*. Trans. from English. Moscow: Aspect Press (In Russ.).
19. Рубинштейн, С.Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер.
Rubinstein, S.L. (2003). *Being and Consciousness. Man and the World*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
20. Толстых, Н.Н. (2010). *Хронотон: культура и онтогенез*. Монография. Смоленск – Москва.
Tolstykh, N.N. (2020). *Chronotope: culture and ontogenesis*. Monograph. Smolensk – Moscow. (In Russ.).
21. Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс.
Frankl, V. (1990). *Man's Search for Meaning*. Trans. From English and German. Moscow: Progress. (In Russ.).
22. Хеккаузен, Х. (1986). *Мотивация и деятельность*. Пер. с нем. М.: Педагогика. Т. 1.
Heckhausen, H. (1986). *Motivation and activity*. Trans. from germ. Moscow: Pedagogy. Vol. 1. (In Russ.).
23. Черноушек, М. (1989). *Психология жизненной среды*. Пер. с чеш. М.: Мысль.
Chernoushek, M. (1989). *Psychology of living environment*. Trans. from czech. Moscow: Mysl. (In Russ.).
24. Argyle, M., Furnham, A., Graham, J.A. (1981). *Social Situations*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511558283>

25. Brown, N.A., Neel, R., Sherman, R.A. Measuring the evolutionarily important goals of situations: Situational affordances for adaptive problems (2025). *Evolutionary Psychology*, 13(3), 1–15. <https://doi.org/10.1177/1474704915593662>
26. *Environmental Psychology: In Introduction* (2023). Ed. by L. Steg, A. van den Berg, J. de Groot. Wiley & Sons.
27. Furnham, A., Argyle, M. (1981). *The Psychology of Social Situations: Selected Readings*. Pergamon Press.
28. Garling, T. (2014). Past and Present Environmental Psychology. *European Psychologist*, 19(2), 127–131. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000184>
29. Geukes, K., Nestler, St., Hutteman, R., Ku fner, A., Back, M. (2017). Trait personality and state variability: Predicting individual differences in within- and cross-context fluctuations in affect, self-evaluations, and behavior in everyday life. *Journal of Research in Personality*, 69, 124–138. <https://doi.org/10.1019/j.jrp.2016.06.003>
30. *Journal of Environmental Psychology* <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-environmental-psychology/>
31. Lewin, K. (1936). *Principles of Topological Psychology*. New York; London.
32. Rauthmann, J., Sherman, R., Funder, D. (2015). Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations. *European Journal of Personality*, 29(3), 363–381. <https://doi.org/10.1002/per.1994>
33. Strauss, W., Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York, 1991.
34. *The Context of Social Psychology: A Critical Assessment* (1972). In J. Israel, H. Tajfel (Eds.). London: Academic Press.
35. *Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective* (1981). New Jersey: Hillsdale.

Информация об авторах

Наталья Владимировна Гришина, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>, e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Information about the authors

Natalia V. Grishina, Doctor of Sciences (Psychology), Professor of the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>, e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 13.09.2025

Поступила после рецензирования 24.10.2025

Принята к публикации 05.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.13

Revised 2025.10.24

Accepted 2025.12.05

Published 2025.12.30

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Ценностная структура и материальный статус семьи как индикаторы и ресурсы устойчивости молодежи в трудной жизненной ситуации

А.А. Реан¹, А.О. Шевченко², А.А. Ставцев¹, А.Л. Линьков¹ ✉,
И.А. Коновалов¹, Р.Г. Кузьмин¹

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Москва, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ tonypsy@ya.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Ценности играют значимую роль в процессах социализации и могут выступать психологическим ресурсом в трудных жизненных ситуациях в условиях ограниченного материального благополучия. Теоретической основой послужили модели ценностей Ш. Шварца и Р. Инглхарта, а также концепция экономической социализации.

Цель исследования. Определить особенности ценностных ориентаций студентов в зависимости от субъективной оценки материального положения семьи.

Гипотеза. Субъективное восприятие материального неблагополучия связано с преобладанием определенных ценностных ориентаций, которые выполняют функцию психологических ресурсов, способствующих адаптации к трудным жизненным ситуациям.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 2315 студентов из 10 городов России ($M = 20,19$; $SD = 2,9$; 83% девушек). Использовались ценностный опросник Шварца (PVQ-R2) и субъективная самооценка материального положения семьи. Статистическая обработка данных произведена с помощью дисперсионного анализа ANOVA, критериев Уоллера-Дункана и Геймса-Хоуэлла.

Результаты. Установлена значимая связь между финансовым положением семьи и предпочтением ряда ценностей: «Традиции», «Благожелательность — Забота», «Гедонизм», «Достижение», «Безопасность — Общественная», «Конформизм — Межличностный», «Власть — Ресурсы», «Самостоятельность — Мысли», «Безопасность — Личная», «Благожелательность — Чувство долга». Наиболее выраженные ценности среди молодежи из обеспеченных семей — «Традиции», «Гедонизм», «Достижение», «Благожелательность», в то время как у молодежи из малообеспеченных семей чаще выражена ценность «Конформизм — Межличностный».

Выводы. Ценностная структура молодежи на этапе вторичной экономической социализации связана с субъективной оценкой материального положения семьи. Согласно полученным результатам, ценность «Конформизм — Межличностный» может выступать в роли психологического ресурса, способствующего адаптации к трудным жизненным ситуациям. Полученные результаты показывают, что российский социальный контекст модифицирует общие закономерности, предложенные теориями Шварца и Инглхарта, что требует дальнейших междисциплинарных исследований, учитывающих социокультурную специфику общества.

Ключевые слова: ценности, семья, социализация, материальное положение, трудные жизненные ситуации

Для цитирования: Реан, А.А., Шевченко, А.О., Ставцев, А.А., Линьков, А.Л., Коновалов, И.А., Кузьмин, Р.Г. (2025). Ценностная структура и материальный статус семьи как индикаторы и ресурсы устойчивости молодежи в трудной жизненной ситуации. *Социальная психология и общество*, 16(4), 49–70. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160404>

Value structure and material status of the family as indicators and resources of youth resilience in difficult life situations

A.A. Rean¹, A.O. Shevchenko², A.A. Stavtsev¹, A.L. Linkov¹ ✉,
I.A. Kononov¹, R.G. Kuzmin¹

¹ Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ tonypsy@ya.ru

Abstract

Context and relevance. Values play a significant role in socialization processes and can serve as a psychological resource in difficult life situations under conditions of limited material well-being. Theoretical foundations of the study include the value models of Sh. Schwartz and R. Inglehart, as well as the concept of economic socialization.

Objective. To identify the features of students' value orientations depending on their subjective assessment of a family's material status.

Hypothesis. The subjective perception of material disadvantage is associated with the predominance of certain value orientations that function as psychological resources facilitating adaptation to difficult life situations.

Methods and materials. The study involved 2315 students from 10 cities of Russia ($M = 20,19$; $SD = 2,9$; 83% female). The Schwartz Value Survey (PVQ-R2) and subjective self-assessment of the family's material status were used. Statistical data analysis was carried out using ANOVA, Waller–Duncan and Games–Howell tests.

Results. A significant relationship was found between the family's financial status and the preference for several values: Tradition, Benevolence — Caring, Hedonism, Achievement, Security — Societal, Conformity — Interpersonal, Power — Resources, Self-Direction — Thought,

Security — Personal, and Benevolence — Dependability. The most prominent values among youth from well-off families were Tradition, Hedonism, Achievement, and Benevolence, whereas young people from low-income families more often demonstrated the value of Conformity — Interpersonal.

Conclusions. *The value structure of youth at the stage of secondary economic socialization is associated with subjective assessment of the family's material status. According to the results, the value of Conformity — Interpersonal may serve as a psychological resource contributing to adaptation in difficult life situations. The findings suggest that Russian social context modifies the general patterns proposed by Schwartz's and Inglehart's theories, which calls for further interdisciplinary research considering the sociocultural specificity of society.*

Keywords: *values, family, socialization, material status, difficult life situations*

For citation: Rean, A.A., Shevchenko, A.O., Stavtsev, A.A., Linkov, A.L., Kononov, I.A., Kuzmin, R.G. (2025). Value structure and material status of the family as indicators and resources of youth resilience in difficult life situations. *Social Psychology and Society*, 16(4), 49–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160404>

Введение

Социализация — это «процесс и результат усвоения и последующего активного воспроизводства индивидом социального опыта» (Реан, 2013, с. 14). Выделяется первичная и вторичная социализация. Первичная связана с формированием цельного образа окружающей действительности, вторичная — с приобретением специфического ролевого знания, в котором роли, как правило, связаны с разделением труда. В подходе Б.Г. Ананьева социализация представляется как процесс, протекающий в двух направлениях — становление человека-личности и человека-субъекта деятельности, что ведет к образованию индивидуальности (Реан, 2013).

В свою очередь семья является одним из самых важных институтов социализации личности, именно в семье закладывается основа социального поведения, половой роли, идентичности, усваивается система норм и правил (Мухина, 2017). Также важным моментом, по Г.М. Андреевой (2009), является формирование

у ребенка в семье его системы ценностей, мировоззрения. Согласно Л.С. Выготскому (1983), это происходит за счет интериоризации социального опыта при взаимодействии со значимыми взрослыми. То есть ребенок сначала перенимает ценности родителей, разделяя их с ними, а потом сам является носителем этих ценностей. Это доказано, в частности, исследованием Н.В. Гришиной и С.Ю. Лавренчук (2008), где была выявлена значимая межпоколенческая передача ценностей. Причем она происходит как через осознанные убеждения, так и через наблюдаемое поведение, в рамках тесного взаимодействия поколений.

Социализацию можно рассматривать и в разных жизненных сферах человека, в том числе и финансовой. Ш. Дэйнс (S. Danes) (1994) понимала финансовую социализацию как некий процесс приобретения знаний и навыков, а также поведения, способствующего финансовой жизнеспособности и финансовому благополучию. К. Гудмунсон (C. Gudmunson) вместе с Ш. Дейнс (2011) отмечают, что

финансовая социализация происходит на протяжении всей жизни человека, а именно от детского возраста, когда дети наблюдают за родителями и их финансовым поведением, через развитие самостоятельности во времена студенчества и в дальнейшем при изменении и приобретении различных социальных ролей. Авторы также подчеркивают, что исследование процессов семейной финансовой социализации позволяет рассматривать «целостную личность» в контексте изучения финансовых достижений человека (Gudmunson, Danes, 2011). В рамках первичной экономической социализации происходит усвоение социально-экономического опыта, приобретение и формирование соответствующих знаний, а также последующее воспроизведение финансового поведения у детей и подростков. Вторичная экономическая социализация связана с построением и формированием экономических связей и опытом взаимодействия с другими людьми и финансовыми институтами и пр. (Дробышева, 2018). Экономическую социализацию в таком случае можно определить как «процесс и результат включения индивида в систему экономических отношений общества, благодаря чему он становится субъектом экономических отношений, т.е. присваивая социально-экономический опыт (овладевая им), элементы экономической культуры (нормы, ценности, традиции и т.п.), а также преобразуя их в собственные установки, ценности, нормы экономического поведения, индивид становится субъектом экономических отношений данного общества» (Дробышева, 2018).

В зарубежных исследованиях существует модель переживаний семьями

экономического стресса, разработанная Р. Конджером (R. Conger) и Дж. Элдером (J. Elder) (Conger et al., 1992). Она предлагает схему того, как ухудшение финансового положения семьи влияет на психологическую адаптацию и здоровье ребенка. Авторы отмечают, что, когда степень ухудшения финансового положения становится очень высокой, родители становятся более подавленными, деморализованными, пессимистичными в отношении будущего и менее эмоционально устойчивыми, что оказывает влияние на качество детско-родительских отношений. Так как родители могут подвергнуться фрустрации, существует риск, что они чаще прибегают к более авторитарным стилям воспитания (Шведовская, Загвоздкина, 2013). Мы можем предполагать, что финансовая фрустрация родителей создает общесемейный стресс и, как следствие, отражается на детско-родительских отношениях, что может негативно сказываться на возможностях социально-экономической адаптации ребенка. Отметим также, что низкий уровень социально-экономического благополучия выступает значимым фактором различного рода рисков: образовательных (Фрумин, 2006; Michalos, 2017), рисков психологического неблагополучия (Michalos, 2017), агрессии и агрессивности (Реан, Коновалов, 2019), преступности (Kelly, 2000; Бартол, 2004). Иными словами, долгосрочное переживание последствий острой материальной нужды может быть рассмотрено как трудная жизненная ситуация, совладание с которой на психологическом уровне имеет свои особенности, которые могут быть связаны, в частности, со спецификой ценностных ориентаций.

Отдельно стоит обсудить конструкт ценностей. Ш. Шварц определяет ценности как мотивационные ориентации, которые служат руководящими принципами для действий и оценки событий (Шварц и др., 2012). В своей модели ценностей Шварц представил их распределение (см. Приложение А, раздел 2, рис. А1), основываясь на принципах схожести и противоположности, где ценности располагаются на континууме во внутреннем круге, каждая из которых несет свой мотивационный смысл (Schwartz et al., 2012): Самостоятельность — Мысли; Самостоятельность — Поступки; Стимуляция; Гедонизм; Достижение; Власть — Доминирование; Власть — Ресурсы; Репутация; Безопасность — Личная; Безопасность — Общественная; Традиции; Конформизм — Правила; Конформизм — Межличностный; Скромность; Универсализм — Забота о других; Универсализм; Универсализм — Толерантность; Благожелательность; Благожелательность — Чувство долга. Круги, располагающиеся над внутренним, представляют концептуальные блоки распределения ценностей. Второй круг (отсчет из центра) объединяет ценности в четыре блока метаценностей: «Открытость изменениям», «Самоутверждение», «Сохранение» и «Самопреодоление». Важно отметить, что некоторые ценности могут входить в два рядом находящихся блока (например, ценность «Репутация» входит и в «Самоутверждение», и в «Сохранение»). Третий круг связан с направленностью ценностей: личностный или социальный фокусы. Четвертый круг объединяет ценности, которые связаны с ростом, развитием и свободой от тревог, и ценности, связанные с самозащитой и

избеганием тревог (Schwartz et al., 2012; Шварц и др., 2012).

Также стоит рассмотреть теорию Р. Инглхарта (2020), в которой эмпирически выявлены ценностные измерения в рамках World Values Survey (WVS) — глобального исследования ценностей, проводящегося с 1981 г. В теории Инглхарта страны расположены в координатном пространстве, где выделяются две основные оси: «Традиционные — Секулярно-рациональные» ценности и ценности «Выживания — Самовыражения» (см. Приложение А, раздел 2, рис. А2). Ось «Традиционные — Секулярно-рациональные» ценности отражает переход от традиционных и религиозных ценностей аграрных обществ к более рациональным и секулярным ценностям в индустриальных обществах, в то время как ось «Выживание — Самовыражение» отражает трансформацию в ценностных ориентациях общества в зависимости от уровня его экономического развития. Чем ниже уровень финансового развития, тем более выражены ценности выживания, ориентированные на безопасность, стабильность и удовлетворение базовых потребностей. Напротив, в более финансово развитых обществах преобладают ценности самовыражения, связанные с независимостью, толерантностью и стремлением к самореализации.

С методологической точки зрения модели Шварца и Инглхарта представляют собой разные уровни анализа, которые не противоречат, а дополняют друг друга. В этом контексте можно предположить, что финансовое положение индивидов соотносится с преобладанием определенных ценностных ориентаций: у представителей групп с более низким

уровнем финансового достатка чаще будут выражены ценности, ориентированные на сохранение стабильности и адаптацию к внешним условиям (блоки «Сохранение» и «Самоутверждение» по Шварцу), тогда как у финансово более обеспеченных групп скорее будут преобладать ценности, отражающие стремление к самореализации и открытости новым возможностям (блоки «Открытость изменениям» и «Самопреодоление») (Шмидт, 2011).

В свою очередь ценности можно рассматривать не только как элемент социализации в рамках семьи, но и как психологический ресурс, актуализирующийся в трудных жизненных ситуациях, который обеспечивает смысловую опору в условиях неопределенности и потерь: «ценности подобного рода мы назовем “ценностями отношения”». Ибо действительно значимым является отношение человека к судьбе, выпавшей на его долю. <...> То, как он принимает тяготы жизни, как несет свой крест, то мужество, что он проявляет в страданиях, достоинство, которое он выказывает, будучи приговорен и обречен, — все это является мерой того, насколько он состоялся как человек» (Франкл, 1990). Можно сказать, что предпочтение определенных ценностей влияет на ощущение целостности, придает происходящему личностную значимость и тем самым активизирует внутренние адаптационные механизмы.

Таким образом, можно предположить, что ценности могут выступать психологическим ресурсом поддержки в трудных жизненных ситуациях, связанных с плохим материальным положением семьи. В связи с этим актуален вопрос, как финансовое положение семьи отражается на

ценностной структуре личности на этапе вторичной экономической социализации? Изучение ценностей помогает понять мотивационный смысл деятельности сферы молодежи и ресурсы совладания с трудными жизненными ситуациями.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие студенты вузов, осваивающие программы первого и второго высшего образования, из 10 городов Российской Федерации: Москва, Санкт-Петербург, Ижевск, Тверь, Нижний Новгород, Саранск, Ярославль, Пермь, Владимир, Новосибирск. Выборка составила 2315 респондентов (средний возраст — 20,19 ($SD = 2,9$)). Большинство респондентов (83%) — учащиеся женского пола. Выбор участников исследования осуществлялся случайным образом и основывался на их добровольном согласии принять участие в исследовании, которое было включено в форму анкетного опроса. Исследование проходило в онлайн-формате на платформе forms.yandex.ru.

Для оценки ценностной структуры личности использовался Ценностный опросник Шварца (PVQ-R2) (Шварц, Бутенко, Седова, Липатова, 2012). Также респондентам предлагалось оценить уровень материального обеспечения их семьи. Необходимо было выбрать одно из четырех утверждений, по выбору утверждения строились группы материального благополучия: «На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности», «На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т.д. представляет трудности», «Мы достаточно материально обеспечены, но чтобы купить автомо-

биль, придется залезть в долги», «Мы материально обеспечены, можем позволить себе покупку автомобиля и дорогостоящий отпуск».

Процедура статистического анализа проведена в IBM SPSS Statistics v. 23. Был реализован однофакторный дисперсионный анализ с критерием Уоллера-Дункана, который использует Байесовский подход при анализе. «Этот критерий диапазона использует гармоническое среднее объемов выборок, когда объемы выборок не равны» (IBM SPSS Statistics Base 25, р. 46). Дополнительно был проведен дисперсионный анализ с критерием Геймса-Хоуэлла, который показывает себя как более универсальный критерий оценки (Sauder, DeMars, 2019). Представлены значимые различия в рамках двух методик сравнения средних, данная методология позволяет минимизировать ошибку I рода при сравнении неравных выборок респондентов.

Результаты

В данном разделе представлены результаты количественного анализа выраженности ценностных ориентаций у молодежи с различным уровнем субъективного материального положения семьи. Исследование охватывает как общую структуру ценностей, так и статистически значимые различия и взаимосвязи между переменными. Все переменные демонстрируют допустимый уровень симметрии распределения, хотя некоторые (например, Благожелательность — забота и Благожелательность — чувство долга) имеют заметную отрицательную асимметрию и высокие значения эксцесса, что свидетельствует о концентрации значений в верхнем диапазоне шкалы. Почти

все переменные имеют медиану, близкую к среднему значению, что указывает на нормальность распределения. Эти данные подтверждают корректность последующего применения корреляционного анализа и анализа вариаций (см. Приложение А, раздел 1, табл. А1).

Наибольшее среднее значение наблюдается по шкале «Благожелательность — Забота» ($M = 12,41$), минимальное — по шкале «Власть — Доминирование» ($M = 6,90$), что отражает общую направленность ценностной структуры молодежи на просоциальные ориентации, такие как забота и альтруизм, в противовес стремлению к власти. Распределения большинства переменных можно считать близкими к нормальному: значения асимметрии и эксцесса по большей части не превышают ± 1 . Это подтверждает возможность применения параметрических методов статистического анализа, включая корреляционный анализ и сравнение групповых средних.

Для оценки взаимосвязей между уровнем субъективного материального положения и шкалами ценностей был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона. Установлены статистически значимые положительные связи материального положения с ценностями: «Гедонизм» ($r = 0,082; p < 0,01$), «Достижение» ($r = 0,064; p < 0,01$), «Благожелательность — Забота» ($r = 0,091; p < 0,01$), «Благожелательность — Чувство долга» ($r = 0,055; p < 0,01$), «Безопасность — Личная» ($r = 0,045; p < 0,05$), «Безопасность — Общественная» ($r = 0,077; p < 0,01$), «Конформизм — Правила» ($r = 0,055; p < 0,01$), «Традиции» ($r = 0,108; p < 0,01$), «Репутация» ($r = 0,049; p < 0,05$) и «Са-

мостоятельность — Мысли» ($r = 0,049$; $p < 0,05$). Отрицательная связь выявлена с «Конформизмом — Межличностным» ($r = -0,047$; $p < 0,05$). По остальным шкалам статистически значимых корреляций с уровнем материального положения не обнаружено. Эти результаты подтверждают, что субъективное материальное положение связано с предпочтением ценностей, ориентированных на комфорт, самореализацию и устойчивость, в то время как ценности власти и подчинения менее выражены вне зависимости от финансового контекста.

Для более углубленного анализа полученных различий между группами, различающимися по субъективному материальному положению, был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) между группами, различающимися по уровню субъективного финансового благополучия (см. Приложение А, раздел 1, табл. А2). Наиболее значимыми ценностями стали: «Традиции», «Благожелательность — Забота», «Гедонизм», «Достижение», «Безопасность — Общественная», «Конформизм — Межличностный», «Власть — Ресурсы», «Самостоятельность — Мысли», «Безопасность — Личная» и «Благожелательность — Чувство долга».

В дальнейшем для анализа этих групп был использован критерий Уоллера-Дункана, который позволяет разделить группу на подмножества, данные результаты были также согласованы критерием Геймса-Хоуэлла (см. Приложение А, раздел 1, табл. А3).

Субъективно воспринимаемое материальное неблагополучие может рассматриваться как форма трудных жизненных ситуаций, потенциально мо-

дифицирующая структуру ценностей. В этом контексте различия в выборе ценностей между группами отражают не только социально-экономические реалии, но и внутренние адаптационные стратегии, запускаемые в ответ на жизненные ограничения.

Обсуждение результатов

В результате нашего исследования было выявлено, что блок «Сохранение» сильнее всего связан с материальным положением семьи, ценности внутри которого «акцентированы на избегании изменений, самоограничении и порядке» (Шварц и др., 2012, с. 51). В этот блок входят такие ценности, как «Традиции», «Конформизм», «Безопасность», «Скромность» и «Репутация». В результате нашего анализа связанные с материальным положением ценности из этого блока — это «Традиции», «Безопасность — Общественная», «Конформизм — Межличностный» и «Безопасность — Личная».

Наибольшей силой обладает **ценность «Традиции»** ($F = 9,086$, $p = 0,000$), мотивационный смысл которой заключается в «поддержании культурных, социальных и семейных традиций» (Шварц и др., 2012, с. 48). Анализ полученных данных по распределению на подмножества показал формирование трех групп для альфы = 0,05: семьи с низким доходом, средними доходами и высокими доходами. Исходя из теории экономической социализации, предполагаем, что участвующая в опросе студенческая молодежь находится на этапе вторичной экономической социализации. Ее можно рассматривать как процесс восприятия и приобретения новых экономических

знаний, а также паттернов поведения, позволяющих адаптироваться к изменяющимся условиям жизни (Дробышева, 2017). Предполагаем, что у молодых людей из менее обеспеченных семей может происходить переосмысление традиций (включая и семейные), которые могут оцениваться как нерелевантные сложившейся социально-экономической ситуации в обществе. У респондентов из этих семей может появляться нужда заново формировать, модифицировать навыки экономических отношений, которые гораздо шире, чем накопление и распределение. Напротив, для респондентов из обеспеченных семей ценность «Традиции» высока, так как может быть связана с устоявшимися эффективными практиками, которые обеспечивают большую экономическую выгоду (рис. 1).

Изначальное предположение о соотношении теорий Шварца и Инглхарта в части связи материального положения и ценностей блока «Сохранение» оказывается под вопросом, поскольку на теоретическом уровне следовало бы ожидать, что у индивидов с более низким уровнем финансового благополучия будут преимущественно выражены ценности, ориентированные на сохранение и приспособление. Однако эмпирические данные демонстрируют, что ценность «Традиции» в большей степени выражена в группе с более высоким экономическим благополучием. Данный результат может свидетельствовать о том, что теория Инглхарта при сопоставлении с теорией Шварца сталкивается с ограничениями, и что выявленные различия могут быть обусловлены спецификой выборки, в частности, российским социальным контекстом. В таком случае мы не можем го-

ворить, что ценность «Традиции» может выступать ресурсом в трудной жизненной ситуации.

Ценность «Конформизм — Межличностный» ($F = 4,811, p = 0,002$) характеризуется избеганием причинения вреда другим людям (Шварц и др., 2012). Анализ распределения на подмножества показал две группы, во вторую вошли респонденты, оценившие материальное благополучие семьи как «на ежедневные расходы хватает...». Чем выше уровень материального благополучия у семьи, тем меньше выражена данная ценность. Вероятно, молодежь, воспитанная в семьях с более низким доходом, более склонна к аккуратности в общении, чтобы иметь как возможность встроиться в новые экономические отношения, так и сохранить социальный статус (рис. 2). Этот вывод соответствует положениям теории Инглхарта, согласно которым постматериалистические ценности, такие как независимость и самовыражение, усиливаются в условиях экономической стабильности общества. Следовательно, мы можем сделать предположение, что ориентация на ценность «Конформизм — Межличностный» выступает как ресурс совладания с трудными жизненными ситуациями.

Результаты нашего исследования показали значимые различия в выраженности ценностей «**Безопасность — Общественная**» и «**Безопасность — Личная**» в зависимости от уровня материального благополучия семьи. **Ценность «Безопасность — Общественная»** ($F = 5,054, p = 0,002$), согласно Шварцу и др. (2012), нацелена на поддержание стабильности общества в целом (анализ Уоллера-Дункана показывает распределение на три подмножества: группу семей с низким

уровнем материального обеспечения, со средним уровнем дохода и с высоким уровнем дохода, график демонстрирует рост средних значений выраженности ценности с ростом материального благополучия). **Ценность «Безопасность — личная»** ($F = 2,908, p = 0,033$) нацелена на безопасность близкого окружения (формируются два подмножества, согласно критерию Уоллера-Дункана: 1 — группа людей с низким и средним уровнем дохода, 2 — группа с высоким и средним уровнем дохода). Отмечается, что чем выше уровень обеспеченности, тем выше выраженность вышеуказанных ценностей (см. Приложение А, раздел 1, табл. А2). Ценности «Безопасности» связывают во многом с сохранением и защитой

статуса-кво. Исследование В.А. Федотовой (2017), посвященное изучению ценностей в контексте возрастных различий, показало, что молодежь больше склонна к ценностям блока «Открытость новому» и «Самопреодоление». Однако в контексте связи ценностей и материального обеспечения можно предполагать, что молодые люди больше склонны к сохранению и защите устоявшихся семейных финансовых стратегий, обеспечивающих «финансовую подушку безопасности» или приемлемый уровень благосостояния/качества жизни. Ценности «безопасности» были важны для всех поколений людей, это подтверждается и нашим исследованием, что может помочь в преодолении трудных жизненных ситуаций.

Рис. 1. График средних ценности «Традиции» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана

Fig. 1. Graph of average values of “Tradition” and financial status of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

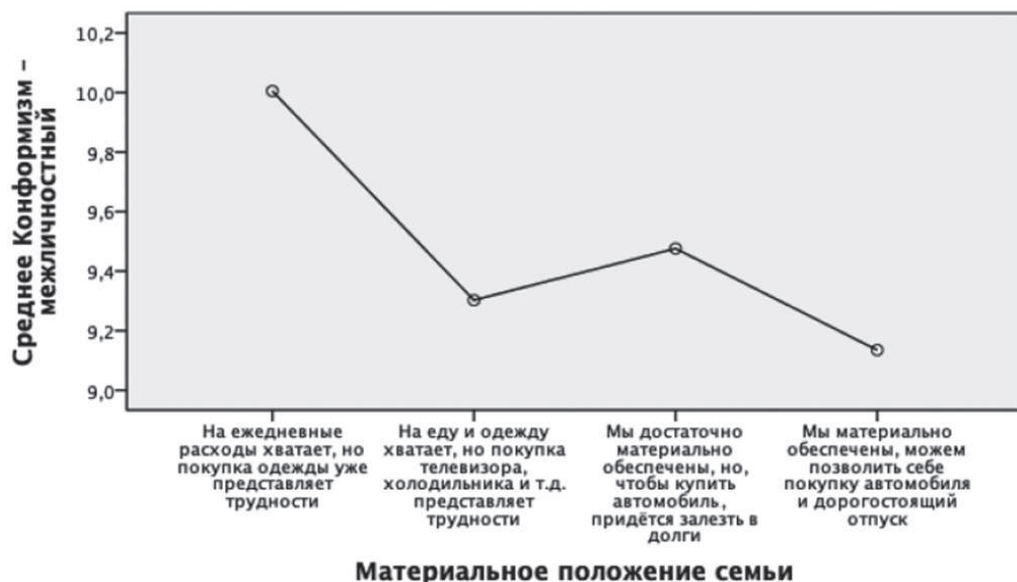

Рис. 2. График средних ценности «Конформизм — Межличностный» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана
Fig. 2. Graph of the average value “Conformity-Interpersonal” and the material status of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

Второй наиболее представленный блок ценностей в нашем исследовании — **«Самоутверждение»**. Этот блок описывается Шварцем как блок, связанный со стремлением удовлетворить собственные интересы (Шварц и др., 2012). В него входят ценности «Гедонизм», «Достижение», «Власть» и «Репутация». Наше исследование показало, что с уровнем материального положения семьи связаны ценности «Гедонизм», «Достижение» и «Власть — Ресурсы».

«Гедонизм» ($F = 5,703, p = 0,001$, три подмножества для альфы = 0,05) определяется как стремление к удовольствию. Анализ подмножеств показал формирование трех групп: с низкой материальной обеспеченностью, со средней и с высо-

ким уровнем материальной обеспеченности (рис. 3). Ценность «Гедонизм» более поддерживаема в семьях с высоким и средним достатком и, вероятно, является результатом устоявшегося жизненного опыта, ассоциированного с комфортным образом жизни, удовлетворяющим имеющиеся потребности.

Ценность «Достижение» ($F = 5,155, p = 0,001$, два подмножества для альфы = 0,05: 1 — семьи с низким и средним достатком, 2 — с высоким) нацелена на «достижение успеха в соответствии с социальными стандартами (нормами)» (Шварц и др., 2012, с. 48). Молодежь из семей с высокой материальной обеспеченностью сильнее других нацелена на достижение успеха (рис. 4). Эти результа-

ты согласуются с исследованием К. Муздыбаева (2001), который отмечал, что для людей из малообеспеченных семей характерны пассивные формы совладания с материальными трудностями, большая фаталистичность, что может быть связано с самым образом бедности — пессимистичным, ограниченным и депрессивным.

Ценность «Власть — Ресурсы» ($F = 3,703$ и значимость $= 0,011$, два подмножества для альфа $= 0,05$: 1 группа — семьи с низкой и средней материальной обеспеченностью, 2 группа — семьи с высокой и средней) нацелена на использование материальных и социальных ресурсов как средства влияния (Шварц и др., 2012). Чем выше уровень материального благополучия семьи, тем привычнее

использовать имеющиеся возможности для выражения своей воли.

Блок «Самопреодоление» связывают с ценностями, нацеленными на «преодоление личных интересов ради других» (Шварц и др., 2012, с. 51). Анализ показал, что ценности «Благожелательность — Забота» ($F = 7,036$, значимость $= 0,000$) и «Благожелательность — Чувство долга» ($F = 2,776$, значимость $= 0,040$, два подмножества для альфы $= 0,05$: 1 — семьи с низким и средним доходом, 2 — с высоким и средним) также связаны с материальным положением семьи. Графики средних этих ценностей показывают рост средних показателей с ростом материального благополучия семьи, что также согласуется с теорией Инглхарта.

Рис. 3. График средних ценности «Гедонизм» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана

Fig. 3. Graph of the average value of “Hedonism” and the financial situation of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

Рис. 4. График средних ценности «Достижение» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана
 Fig. 4. Graph of average values of “Achievement” and financial status of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

Ценность «Благожелательность — Забота» характеризуется преданностью группе и заботой о ее членах. Анализ результатов, полученных с помощью критерия Уоллера-Дункана, показал формирование трех подмножеств для значимых альфа: 1 группа — молодежь с низкой материальной обеспеченностью, 2 группа — со средней, 3 группа — с высокой (рис. 5). Рост выраженности этой ценности с ростом финансового благополучия может объясняться тем, что у людей появляется больше ресурсов для оказания помощи и заботы о других.

Ценность «Благожелательность — Чувство долга» — стремление быть надежным членом группы (Шварц и др., 2012). Выражена эта ценность сильнее у молодежи, оценивающей уровень ма-

териального обеспечения как высокий, что может быть объяснено повышенным чувством ответственности перед семьей и благодарностью ей за то, что больше всего «вложила» в жизнь молодого человека.

Блок «Открытость изменениям» описывается как «готовность к новым или преобразующим идеям, действиям и переживаниям». В рамках нашего исследования только одна ценность из этого блока связана с материальными возможностями семьи — **«Самостоятельность — Мысли»** ($F = 3,467$, $p = 0,016$), определяющаяся в методике как «свобода развивать собственные идеи и способности» (Шварц и др., 2012, с. 48). Анализ распределения по подмножествам этой ценности показывает

Рис. 5. График средних ценности «Благожелательность — Забота» и материального

положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана

Fig. 5. Graph of average values of “Benevolence — Caring” and financial status of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

формирование двух подгрупп: 1 — семьи с низким и средним уровнем дохода, 2 группа — семьи со средним и высоким уровнем дохода, график показывает рост средних значений выраженности ценности с ростом материального благополучия семьи. Связано это может быть с тем, что за спиной у таких детей есть большая финансовая опора на семью, позволяющая более свободно высказывать свои мысли и идеи, что обусловлено и более широким социокультурным опытом и взглядом на мир. Согласно схеме распределения ценностей Шварца (см. Приложение А, раздел 2, рис. А1), ценности «Традиции» и «Самостоятельность — Мысли» стоят противоположно-

но друг другу, однако следует отметить, что в контексте финансовых отношений они могут быть взаимодополняющими, поскольку опора на эффективные экономические семейные традиции и сформированные эффективные социально-экономические стереотипы позволяет более свободно выражаться.

Обобщая полученные результаты в контексте подгруппы респондентов с низким уровнем материального благополучия, отметим, что ценность «Конформизм — Межличностный» выражена значительно выше по сравнению с иными группами, а, в частности, ценности «Традиции», «Безопасность — Общественная», «Благожелательность — Забота», «Благо-

желательность — Чувство долга» значимо ниже по сравнению с группами респондентов с более высоким материальным положением. Можно предположить, что приведенное выше «сочетание» ценностных ориентаций несет в себе «потенциал» ряда рисков. «Высокий» межличностный конформизм в сочетании с низкой значимостью общественной безопасности и благожелательности к окружающим может быть индикатором «формального» отношения к правилам общественного порядка и, вероятно, возникать как следствие переживания последствий экономического неравенства или же дискриминации (в более радикальном случае), что, в свою очередь, является одним из факторов риска радикализации (Реан и др., 2021).

С другой стороны, в условиях ограниченных ресурсов, воспринимаемых участниками как форма жизненной нестабильности, предпочтение ценностей, связанных с конформизмом, может выступать как способ поддержания субъективной устойчивости, в частности, в межличностном взаимодействии, что может быть и адаптивным механизмом в рамках трудных жизненных ситуаций, обусловленных материальными трудностями.

Заключение

Было выявлено, что существуют устойчивые различия в ценностной структуре в группах с разным уровнем финансового благополучия семей студенческой молодежи. В результате нашего исследования можно выделить десять ценностей с наибольшим уровнем связи: «Традиции», «Благожелательность — Забота», «Гедонизм», «Достижения», «Безопасность — Общественная», «Конформизм — Межличностный»,

«Власть — Ресурсы», «Самостоятельность — Мысли», «Безопасность — Личная» и «Благожелательность — Чувство долга». Сильнее всего представлен блок «Сохранение», а наиболее «сильной» ценностью, связанной с финансовым положением, является ценность «Традиции», мотивационный смысл которой заключается в «поддержании культурных, социальных и семейных традиций» (Шварц и др., 2012, с. 48). У молодых людей из менее обеспеченных семей может происходить переосмысление семейных и культурных паттернов, они могут оценивать прежние как неэффективные в рамках сложившейся в обществе социально-экономической ситуации. С другой стороны, ценность «Конформизм — Межличностный» характеризуется большей выраженностью у респондентов из менее обеспеченных семей. Это может быть связано с большим запросом быть включенным в социально-экономические взаимодействия на фоне отсутствия финансовой опоры и устойчивости.

Ценностная структура личности не константа, а динамична. Молодые люди, выросшие в семьях с низким достатком, могли испытывать на себе родительскую фрустрацию и не получить благоприятных условий для создания эффективных стратегий финансового поведения. Респонденты из малообеспеченных семей и на этапе вторичной экономической социализации могут продолжать сталкиваться со стрессом и фрустрацией и в меньшей степени чувствовать себя защищенными и удовлетворенными. В связи с этим доминирование ценностей различно: у молодых людей формируется разный опыт жизненных ситуаций и разрешения трудностей. Так, на этапе вторичной эконо-

мической социализации респонденты со средним и более финансовым достатком имеют большую выраженность ряда ценностей, однако это не говорит о их большей дальнейшей эффективности. Личность — это не только социальный индивид, но и активный субъект социального развития, и, что не менее важно, активный субъект саморазвития. Таким образом, чрезвычайно важно не просто говорить об усвоении социального опыта индивидом, но обязательно рассматривать личность в качестве активного субъекта социализации (Реан, 2016). Эффективное усвоение социального опыта индивидом может быть вне зависимости от достатка семьи, что будет приводить и к изменению структуры ценностей личности.

Интересно, что при сопоставлении социологической теории Инглхarta и психологической теории Шварца можно наблюдать неравномерность в плане соотношения ценностных ориентаций, экономического благополучия и культурного контекста. Можно предположить, что теория Шварца предполагает у людей с более низким уровнем финансового достатка преобладание ценностей сохранения, тогда как у более обеспеченных индивидов должны быть выражены ценности открытости изменениям. Тем временем теория Инглхarta предполагает, что постматериалистические ценности, такие как независимость и самовыражение, усиливающиеся в условиях экономической стабильности, имеют большую значимость в обществах, где наблюдается экономическая стабильность. При этом при рассмотрении эмпирических данных можно наблюдать, что ценность «Традиции», представленная в российской молодежной выборке, оказывается

более выраженной у экономически благополучных студентов, что не вполне согласуется с ожиданиями, проистекающими из моделей Шварца и Инглхarta.

Это инициирует дискуссии об ограничениях теорий, так как эмпирические закономерности выраженности ценностных ориентаций могут варьироваться в зависимости от культурного и социально-экономического контекста. Согласно исследованиям, в российском обществе высокая степень неопределенности, исторический опыт социально-экономических потрясений и значительная роль коллективистских норм может приводить к тому, что экономическая стабильность способствует усилению традиционалистских установок, а не переходу к ценностям открытости (Лапин, 1996; Магун, Руднев, 2010), что может быть связано с особенностями российской культурной среды, в которой традиции не противопоставляются экономическому прогрессу, а воспринимаются как фактор социальной стабильности, на которую есть большой запрос.

Можно сказать, что сопоставление психологических и социологических подходов в исследовании ценностей представляется удачным, поскольку высвечивает связь между экономическим положением и ценностными ориентациями, которая является контекстуально зависимой. Таким образом, российская специфика ценностных трансформаций требует более детального анализа, учитывающего как исторические факторы, так и особенности социально-экономического развития страны.

Вывявленные закономерности предпочтения ценностей в зависимости от субъективной оценки материального положения позволяют предположить, что

в условиях социальной и экономической нестабильности предпочтение определенных ценностей может служить способом внутренней регуляции. В этом смысле ценности становятся ресурсом, помогающим человеку справляться с трудностями повседневной жизни. Также полученные данные показывают, что предпочтения ценностей варьируются в зависимости от субъективной оценки материального положения. Такое положение может интерпретироваться как фоновый контекст трудной жизненной ситуации, поскольку оно связано с ограничением возможностей, неопределенностью, виктимностью и неудовлетворенностью, необходимостью переоценки жизненных ориентиров и трансформации поведенческих стратегий. Выраженная в этих условиях ценность «Конформизм — Межличностный», согласно полученным результатам, может выступать в роли внутреннего ресурса, на котором основываются социальная солидарность и чувство идентичности.

Ограничения. К ограничениям проведенного нами исследования можно отнести существенное преобладание в выборке респондентов женского пола, что затрудняет экстраполяцию полученных

результатов на более широкую генеральную совокупность. При этом следует отметить, что выборка формировалась в соответствии с целями исследования и спецификой анализируемой группы, вследствие чего может рассматриваться как репрезентативная в пределах заданной подсовкупности, обладающей сходными признаками.

Еще одно ограничение состоит в том, что выявленные различия в ценностной структуре в группах с разным уровнем финансового благополучия семей студенческой молодежи не позволяют делать выводы об их причинно-следственной связи.

Limitations. The limitations of our research include the significant predominance of female respondents in the sample, which makes it difficult to extrapolate the results to a broader general population. It should be noted that the sample was formed in accordance with the objectives of the study and the specifics of the analyzed group, as a result of which it can be considered representative within a given subset with similar characteristics.

Another limitation is that the identified differences in the value structure in groups with different levels of financial well-being of student families do not allow us to draw conclusions about their cause-and-effect relationship.

Список источников / References

1. Андреева, Г.М. (2009). *Социальная психология сегодня: поиски и размышления: сборник статей*. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, Российская академия образования.
Andreeva, G.M. (2009). *Social psychology today: research and reflections: a collection of articles*. Moscow: Publ. Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, Rossiiskaia akademiia obrazovaniia. (In Russ.).
2. Бартол, К. (2004). Психология криминального поведения. СПб.: Прайм-Еврознак.
Bartol, C. (2004). *Psychology of criminal behavior*. Saint Petersburg: Praim-Evrozak. (In Russ.).
3. Выготский, Л.С. (1983). *Проблемы развития психики*. В: А.М. Матюшкин (Ред.), *Собрание сочинений: В 6-ти т. (Т. 3) (С. 145)*. М.: Педагогика.

- Vygotsky, L.S. (1983). Problems of mental development. In A.M. Matyushkin (Ed.), *Collected Works: In 6 Volumes (Vol. 3)* (p. 145). Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
4. Гришина, Н.В., Лавренчук, С.Ю. (2008). Ценностные ориентации личности: семья и поколение. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Социология. Педагогика*, 3, 113–123. Grishina, N.V., Lavrenchuk, S.Yu. (2008). Value orientations of personality: family and generation. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 3, 113–123. (In Russ.).
 5. Дробышева, Т.В. (2017). Вторичная экономическая социализация личности и группы: понятие и основные направления исследования. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 6(4), 312–317. Drobysheva, T.V. (2017). Secondary economic socialization of personality and group: concept and main research directions. *Izv. of Sarat. Univ. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 6(4), 312–317. (In Russ.).
 6. Дробышева, Т.В. (2018). Экономическая социализация личности: анализ отечественных подходов к пониманию феномена. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, (1), 29–39. Drobysheva, T.V. (2018). Economic socialization of personality: analysis of Russian approaches. *Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 1, 29–39. (In Russ.).
 7. Инглхарт, Р. (2020). *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* (С.Л. Лопатина, Пер.; 2-е изд., эл.). Москва; Челябинск: Социум. Inglehart, R. (2020). *Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world* (S.L. Lopatina, Trans.; 2-e izd., el.). Moscow; Cheliabinsk: Sotsium. ISBN 978-5-91603-607-7 (In Russ.).
 8. Лапин, Н.И. (1996). Динамика ценностей населения реформируемой России. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, 2, 141–150. Lapin, N.I. (1996). Dynamics of values of the population of reforming Russia. *Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*, 2, 141–150. (In Russ.).
 9. Магун, В.С., Руднев, М.Г. (2010). Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года). *Вопросы экономики*, 12, 57–72. Magun, V.S., Rudnev, M.G. (2010). Basic values of Russians and other Europeans (based on 2008 surveys). *Voprosy ekonomiki*, 12, 57–72. (In Russ.).
 10. Муздыбаев, К. (2001). Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладания и индикаторы депривации. *Социологический журнал*, 1, 5–32. Muzdybaev, K. (2001). Experiencing poverty as social failure: Attribution of responsibility, coping strategies and deprivation indicators. *The Sociological Journal*, 1, 5–32. (In Russ.).
 11. Мухина, В.С. (2017). Личность. Мифы и реальность: альтернативный взгляд, системный подход, инновационные аспекты. Екатеринбург: ИнтелФлай. Mukhina, V.S. (2017). Personality. Myths and reality: An alternative view, systemic approach, innovative aspects. Ekaterinburg: IntelFlai. (In Russ.).
 12. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта / А.А. Реан, И.А. Коновалов, М.А. Новикова, Д.В. Молчанова; под ред. акад. А.А. Реана. (2021). СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА». Rean, A.A., Kononov, I.A., Novikova, M.A., Molchanova, D.V. (Eds.). (2021). Prevention of aggression and destructive behavior in youth: international experience. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya "KOSTA". (In Russ.).
 13. Реан, А.А. (2016). Психология личности (С. 15). СПб.: Питер. Rean, A.A. (2016). Personality psychology (p. 15). Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).

14. Реан, А.А., Коновалов, И.А. (2019). Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи. Национальный психологический журнал, 1(33), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
- Rean, A.A., Kononov, I.A. (2019). Aggressiveness in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family. Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal, 1(33), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103> (In Russ.).
15. Франкл, В. (1990). Человек в поисках смысла. М.: Прогресс.
Frankl, V. (1990). Man's search for meaning. Moscow: Progress. (In Russ.).
16. Фрумин, И.Д. (2006). Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей. Вопросы образования, 2, 5–22.
Frumin, I.D. (2006). Main approaches to the problem of equality in educational opportunities. Voprosy obrazovaniya, 2, 5–22. (In Russ.).
17. Шварц, Ш., Бутенко, Т.П., Седова, Д.С., Липатова, А.С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 9(2), 43–70.
Schwartz, S., Butenko, T.P., Sedova, D.S., Lipatova, A.S. (2012). Refined theory of basic individual values: application in Russia. Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki, 9(2), 43–70. (In Russ.).
18. Шведовская, А.А., Загвоздкина, Т.Ю. (2013). Социально-экономический статус семьи и психическое развитие ребенка: зарубежный опыт исследования. Психологическая наука и образование, 18(1), 65–76.
Shvedovskaya, A.A., Zagvozdkina, T.Yu. (2013). Socioeconomic status of the family and child's mental development: international research experience. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie, 18(1), 65–76. (In Russ.).
19. Шмидт, П. (2011, 11 апреля). Ценности Шварца vs. Ценности Инглхарта. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. <https://scr.hse.ru/news/29248801/>
Schmidt, P. (2011, April 11). Schwartz's values vs. Inglehart's values. Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VSHE. <https://scr.hse.ru/news/29248801/> (In Russ.).
20. Федотова, В.А. (2017). Ценности россиян в контексте возрастных различий. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 1, 78–86.
Fedotova, V.A. (2017). Values of Russians in the context of age differences. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya, 1, 78–86. (In Russ.).
21. Conger, R.D., Conger, K.J., Elder, G.H., Lorenz, F.O., Simons, R.L., Whitbeck, L.B. (1992). A family process model of economic hardship and adjustment of early adolescent boys. *Child Development*, 63(3), 526–541. <https://doi.org/10.2307/1131344>
22. Danes, S.M. (1994). Parental perceptions of children's financial socialization. *Financial Counseling and Planning*, 5, 127–149.
23. Gudmunson, C.G., Danes, S.M. (2011). Family financial socialization: Theory and critical review. *Journal of Family and Economic Issues*, 32(4), 644–667. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9275-y>
24. IBM SPSS. (n.d.). *IBM SPSS Statistics Base 25*. https://www.ibm.com/docs/en/SSLVMB_25.0.0/pdf/ru/IBM_SPSS_Statistics_Base.pdf
25. Inglehart, R. (2023). The ingelehart-welzel World cultural Map-World values survey 7. WVS. <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.
26. Kelly, M. (2000). Inequality and crime. *Review of Economics and Statistics*, 82(4), 530–539. <https://doi.org/10.1162/003465300559028>

27. Michalos, A.C. (2017). *Connecting the quality of life theory to health, well-being and education*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-51161-0>
28. Sauder, D.C., DeMars, C.E. (2019). An updated recommendation for multiple comparisons. *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*, 2(1), 23–38. <https://doi.org/10.1177/2515245918808784>
29. Schwartz, S.H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J.-E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O., Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103(4), 663–688. <https://doi.org/10.1037/a0029393>

Приложение / Appendix

Приложение А. Таблицы уровня ценностных ориентаций, результаты дисперсионного анализа и пространственные схемы ценностей. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160404>

Appendix A. Tables of the level of value orientations, results of dispersion analysis and spatial schemes of values. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160404>

Информация об авторах

Артур Александрович Реан, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, e-mail: profrean@yandex.ru

Андрей Олегович Шевченко, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Проектно-учебной лаборатории «Молодежная политика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9118-2617>, e-mail: andreyshevchenkomsu@gmail.com

Алексей Андреевич Ставцев, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>, e-mail: stavtsev.alex@yandex.ru

Антон Львович Линьков, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4364-0182>, e-mail: tonypsy@yandex.ru

Иван Александрович Коновалов, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>, e-mail: iv.kononov@yandex.ru

Роман Геннадьевич Кузьмин, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8851-5313>, e-mail: romquz@gmail.com

Реан А.А., Шевченко А.О., Ставцев А.А.,
Линьков А.Л., Коновалов И.А., Кузьмин Р.Г. (2025)
Ценностная структура и материальный статус...
Социальная психология и общество,
16(4), 49–70.

Rean A.A., Shevchenko A.O., Stavtsev A.A.,
Linkov A.L., Kononov I.A., Kuzmin R.G. (2025)
Value structure and material status of the family...
Social Psychology and Society,
16(4), 49–70.

Information about the authors

Artur A. Rean, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, e-mail: profrean@yandex.ru

Andrey O. Shevchenko, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher, Project and Educational Laboratory “Youth Policy”, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9118-2617>, e-mail: andreyshevchenkomsu@gmail.com

Alexey A. Stavtsev, Candidate of Science (Psychology), Research Fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>, e-mail: stavtsev.alex@yandex.ru

Anton L. Linkov, Research Fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4364-0182>, e-mail: tonypsy@yandex.ru

Ivan A. Kononov, Candidate of Science (Psychology), Research Fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>, e-mail: iv.kononov@yandex.ru

Roman G. Kuzmin, Research Fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8851-5313>, e-mail: romquz@gmail.com

Вклад авторов

Реан А.А. — формулирование замысла/идеи исследования, целей и задач; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Шевченко А.О. — программирование, разработка и проектирование программного обеспечения; написание программного кода и реализация вспомогательных алгоритмов; тестирование существующих компонентов кода; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи.

Ставцев А.А. — проверка воспроизводимости результатов экспериментов и исследования в рамках основных или дополнительных задач работы.

Линьков А.Л. — разработка или проектирование методологии исследования; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Коновалов И.А. — создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Кузьмин Р.Г. — создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Artur A. Rean — ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; preparation, creation and / or presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision — including pre- or post-publication stages.

Andrey O. Shevchenko — programming, software development; designing computer programs; implementation of the computer code and supporting algorithms; testing of existing code components; preparation, creation and / or presentation of the published work, specifically writing the initial draft.

Alexey A. Stavtsev — verification, whether as a part of the activity or separate, of the overall replication / reproducibility of results / experiments and other research outputs.

Anton L. Linkov — development or design of methodology; creation of models; preparation, creation and / or presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision — including pre- or post-publication stages.

Ivan A. Konovalov — preparation, creation and / or presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision — including pre- or post-publication stages.

Roman G. Kuzmin — preparation, creation and / or presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision — including pre- or post-publication stages.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Респонденты предоставили письменное добровольное согласие на участие в исследовании, включенное в форму анкетного опроса.

Ethics statement

The respondents provided written informed consent to participate in the study, which was included in the questionnaire form.

Поступила в редакцию 16.05.2025

Поступила после рецензирования 21.10.2025

Принята к публикации 05.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.05.16.

Revised 2025.10.21.

Accepted 2025.12.05

Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

Переживание одиночества и совладания с ним в ситуации вынужденной изоляции (на примере России и Болгарии)

Л.В. Стоилова¹, О.Ю. Стрижицкая² ✉

¹ Академия музыкального, танцевального и изобразительного искусства им. А. Диямандиева, Пловдив, Болгария

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ o.strizhitskaya@spbu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Одиночество является одним из важных вызовов современного общества. Будучи социально обусловленным, одиночество чувствительно к различным изменениям социального окружения, включая вынужденную изоляцию. При этом даже в ситуации вынужденной изоляции и социальных ограничений люди демонстрировали разную выраженность переживания одиночества, что делает важным изучение способов преодоления одиночества в такой трудной ситуации.

Цель. Изучение особенностей переживания одиночества и совладания с ним в России и Болгарии в ситуации социальных ограничений и изоляции.

Гипотеза. Переживание одиночества, а также механизмы совладания с ним различаются в зависимости от кросс-культурных и возрастных особенностей.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 422 человека в возрасте 30–75 лет из России и Болгарии ($M = 50,58$ лет; $SD = 12,55$). Одиночество исследовалось с помощью Дифференциального опросника переживания одиночества (ДОПО), стратегии совладания оценивались с использованием опросника «Способы совладающего поведения», автономность — с помощью шкалы опросника «Социотропность — самодостаточность», также учитывались пол и возраст.

Результаты. Уровень переживания одиночества более чувствителен к кросс-культурным эффектам, чем к возрастным. Респонденты из обеих стран активно используют различные стратегии совладания для преодоления одиночества в ситуации вынужденной изоляции, при этом в младшей возрастной группе (30–45) эти стратегии используются активно респондентами из обеих стран, в группе 50–75 лет — чаще эти стратегии используют болгарские респонденты.

Выводы. Результаты показали, что в целом уровень переживания одиночества в нашей выборке был ниже, чем в сходных исследованиях допандемийного периода. Наши данные предполагают, что для преодоления одиночества в трудной, нестандартной жизненной ситуации стратегии совладания могут претерпевать структурные изменения, формируя специфические паттерны.

Ключевые слова: одиночество, социальная изоляция, вынужденная изоляция, взрослые, стратегии совладания, копинг, Россия, Болгария

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-513-18015.

Для цитирования: Стоилова, Л.В., Стрижицкая, О.Ю. (2025). Переживание одиночества и совладания с ним в ситуации вынужденной изоляции (на примере России и Болгарии). *Социальная психология и общество*, 16(4), 71–89. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160405>

The experience of loneliness and coping with it in a situation of forced isolation (in Russia and Bulgaria)

L.V. Stoilova¹, O.Yu. Strizhitskaya² ✉

¹ Academy of Music, Dance and Fine Arts “Prof. Asen Diamandiev”, Plovdiv, Bulgaria

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ o.strizhitskaya@spbu.ru

Abstracts

Context and relevance. *Loneliness is one of the most important challenges for modern society. Being socially conditioned, loneliness is sensitive to various changes in the social environment, including forced isolation. However, even in situations of forced isolation and social restrictions, people have shown varying degrees of loneliness, making it important to explore ways to cope with loneliness in such difficult circumstances.*

Objective. *To study the characteristics of experiencing loneliness and coping with it in Russia and Bulgaria in a situation of social restrictions and isolation.*

Hypothesis. *The experience of loneliness, as well as the mechanisms for coping with it, vary depending on cross-cultural and age-related factors.*

Methods and materials. *The study involved 422 people aged 30–75 years from Russia and Bulgaria ($M = 50,58$ years; $SD = 12,55$). Loneliness was examined using the Differential Questionnaire of the Experience of Loneliness, coping strategies were assessed using the questionnaire “Ways of Coping”, autonomy — using the scale of the questionnaire “Sociotropy — Self-sufficiency”, and sex and age were also taken into account.*

Results. *The level of loneliness is more sensitive to cross-cultural effects than to age-related effects. Respondents from both countries actively used various coping strategies to overcome loneliness in a situation of forced isolation, and in the younger age group (30–45), these strategies were actively used by respondents from both countries, while in the 50–75 age group, these strategies are more commonly used by Bulgarian respondents.*

Conclusions. *The results showed that, in general, the level of loneliness in our sample was lower than in similar studies conducted before the pandemic. Our data suggests that coping strategies may undergo structural changes in order to overcome loneliness in difficult and unusual life situations, forming specific patterns.*

Keywords: *loneliness, social isolation, forced isolation, adults, coping strategies, coping, Russia, Bulgaria*

Funding. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-513-18015.

For citation: Stoilova, L.V., Strizhitskaya, O.Yu. (2025). The experience of loneliness and coping with it in a situation of forced isolation (in Russia and Bulgaria). *Social Psychology and Society*, 16(4), 71–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160405>

Введение

Люди — социальные существа, обладающие фундаментальной, эволюционно обусловленной потребностью в формировании значимых межличностных связей. Эта потребность в принадлежности является ключевой для человеческого выживания и со временем трансформировалась в психологическую нужду. Несмотря на эту сильную внутреннюю мотивацию к установлению социальных связей, люди иногда переживают диссонанс между желаемым и актуально воспринимаемым уровнем социальной связанности, что приводит к феномену одиночества, когда потребности в принадлежности остаются неудовлетворенными (Hawkley, Cacioppo, 2010).

Хотя ситуативное переживание одиночества встречается часто и обычно легко преодолевается путем установления социальных связей (Cacioppo, Cacioppo, 2018), существуют два основных проблемных аспекта. Во-первых, для значительной части населения переживание одиночества переходит в хроническое состояние. Это хроническое одиночество может быть предиктором болезней и преждевременной смертности (Cacioppo, Cacioppo, 2018; Lim, Eres, Vasan, 2020). Во-вторых, доля людей, переживающих хроническое одиночество, является как значительной, так и растущей, что позволяет говорить об «эпидемии одиночества», которая дополнительно усугу-

билась во время пандемии COVID-19 (O'Sullivan et al., 2021). Однако, несмотря на прогнозировавшийся рост переживания одиночества в период COVID-19, результаты исследований показали, что невозможно назвать единый тренд в переживании одиночества (Su, 2023; Rebecchi, 2024).

Переживание одиночества является субъективным переживанием человека, которое может происходить как на фоне физической социальной изоляции, так и в результате субъективной оценки социального взаимодействия как неудовлетворительного (Heinrich, Gullone, 2006). Люди с небольшим количеством социальных контактов не обязательно одиноки, а общее количество социальных связей или время, проведенное с другими, не являются значимыми предикторами одиночества (Hawkley et al., 2003; Danvers, 2023). Связь между количеством социальных взаимодействий и благополучием незначительна (Ren et al., 2022), а субъективные факторы и психологическая гибкость играют существенную роль в интенсивности переживания одиночества (Rodriguez, Schertz, Kross, 2025; Tilburg et al., 2024).

Возрастные различия в переживании одиночества

Существует распространенное представление, что пожилые люди подвержены большему риску одиночества по

сравнению с молодыми. Однако процент пожилых людей старше 60 лет, которые чувствуют себя одинокими, аналогичен показателям других возрастных групп (Schnittker, 2007). Также существуют данные о том, что молодые люди чувствуют себя более одинокими, например, в одном из исследований выраженность переживания одиночества у молодых людей (21–30 лет) была в два раза выше, чем у взрослых (50–70 лет) (Child, Lawton, 2019). Похожие данные были получены в лонгитюдном исследовании во время пандемии COVID-19 (Köster, Lipps, 2024).

Тем не менее вероятность переживания одиночества увеличивается после 75 лет из-за негативных жизненных событий, таких как потеря друзей, близких и особенно партнера (Susanty et al., 2025). Партнер часто является основным источником поддержки и удовлетворяет большинство потребностей в интимности и привязанности, особенно если качество отношений было хорошим (de Jong-Gierveld et al., 2009). Также значимым фактором, способствующим усилению переживания одиночества, может быть здоровье (Susanty et al., 2025; Rokach, Patel, 2024).

Стратегии преодоления одиночества: возрастные и кросс-культурные различия

В научной литературе существует большое разнообразие стратегий преодоления, используемых людьми, переживающими одиночество, а выбор стратегий преодоления зависит от возраста индивида, жизненного опыта и доступных ресурсов. Например, религия является более предпочтительной стратегией пре-

одоления переживания одиночества для пожилых людей, чем молодых (Upenieks, 2023). Другие часто используемые стратегии преодоления среди пожилых людей включают активное уединение, поиск социального контакта, пассивность, повышенную активность, дистанцирование и отрицание (Rokach, 2023). Избегающий копинг в долгосрочной перспективе связывают с депрессивными симптомами (Holahan et al., 2005).

Часто встречающиеся стратегии, предпочитаемые молодыми людьми для преодоления одиночества, включают общение и поиск социальной поддержки, а также повышение активности для решения повседневных задач (Rokach, 2001). Однако эти стратегии оказались трудными для применения во время пандемии (Golemis et al., 2022). Например, в Греции (Golemis et al., 2022) наиболее распространенным механизмом преодоления, используемым во время карантина, был обмен мыслями и чувствами о COVID-19 с другими людьми, и эта стратегия чаще использовалась женщинами. Исследования, посвященные влиянию использования социальных медиа на переживание одиночества во время карантина, продемонстрировали неоднозначные результаты, показывая как потенциально позитивные, так и потенциально негативные последствия (Fumagalli, Dolmatzian, Shrum, 2021).

Влияние культурного контекста также имеет значение при рассмотрении стратегий преодоления одиночества. Например, в исследовании Рокач, Оржек и Нето (Rokach, Orzeck, Neto, 2004) установлено, что канадские пожилые люди по сравнению с португальскими чаще используют стратегии «размышление и

принятие», «дистанцирование и отрицание» и «религия и вера».

Одиночество в России и Болгарии

Несмотря на историческую и культурную близость, исследования показывают как сходства, так и различия в переживании одиночества в России и Болгарии. В сознании молодежи обеих стран одиночество связано как с отрицательными, так и с положительными аспектами (например, отдых, уединение). Однако россияне более склонны воспринимать одиночество с позитивной точки зрения, в то время как болгарская молодежь больше акцентирует внимание на его негативных аспектах (по результатам гранта РФФИ № 19-513-18015).

В пожилом возрасте в Восточной Европе (включая Болгарию и Россию) уровни переживания одиночества выше, чем в Западной Европе. Даже при совместном проживании с родственниками (что более распространено в Восточной Европе) переживание одиночества остается высоким (de Jong-Gierveld, Tesch-Römer, 2012). Мужчины в России и Болгарии демонстрируют значительно более высокие уровни переживания одиночества по сравнению с женщинами, что объясняется различной ориентацией мужчин и женщин на семью и домашнее хозяйство в постсоветскую эпоху (Korinek, 2013).

Материалы и методы

Целью данного исследования было изучение особенностей переживания одиночества и совладания с ним в России и Болгарии в ситуации социальных ограничений и изоляции.

Мы предположили, что интенсивность переживания одиночества в период изоляции может отличаться от наблюда-

емой в некризисные периоды (основываясь на уже существующих данных). Также мы предположили, что поскольку ограничения для разных возрастных групп имели разную степень строгости, то возможны различия между группами, относящимися к периодам средней и поздней зрелости.

Также исследования показывают, что переживание одиночества и способы совладания с ним могут различаться в разных странах, что может быть связано с особенностями ценностей и установок в конкретном обществе, поэтому предположили наличие кросс-культурных различий.

Исследование было реализовано в рамках международного проекта по проблемам одиночества и было направлено на комплексный анализ одиночества в различных контекстах. Исследование проводилось в Санкт-Петербурге (Россия), Софии и Пловдиве (Болгария) до и во время пандемии COVID-19: первый этап исследования проводился с ноября 2019 года по февраль 2020 года; второй этап — с октября 2020 по март 2021 года.

Выборку составили 422 респондента в возрасте от 30 до 75 лет, проживающие в России (Санкт-Петербург и средняя полоса России, $N = 203$) и Болгарии ($N = 219$). Средний возраст составил 50,58 лет ($SD = 12,55$). Участие в исследовании было добровольным, метод сбора выборки — спонтанная произвольная выборка. Подробнее демографические характеристики представлены в Приложении А, табл. А1.

Методики

1. Для изучения особенностей переживания одиночества применялась краткая версия «Дифференциального

опросника переживания одиночества» (ДОПО — 3к) Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева (Осин, Леонтьев, 2013). Опросник включает три шкалы: «Общее переживание одиночества», «Зависимость от общения», «Позитивное одиночество».

Перевод и адаптация опросника на болгарский язык были выполнены в рамках проекта РФФИ № 19-513-18015. Адаптированная методика сохранила исходную структуру и продемонстрировала достаточно высокую согласованность шкал (показатели α -Кронбаха: «Общее одиночество» — 0,891; «Зависимость от общения» — 0,822; «Позитивное одиночество» — 0,863).

2. Для оценки автономии использовалась шкала «Автономия» из методики «Социотропность — самодостаточность» (русская адаптация — Стрижицкая и соавторы (2021), болгарская — Бабакова (2017)). Шкала «автономия» данной методики позволяет оценить автономию человека в условиях социального взаимодействия, независимость от социума.

3. Для оценки стратегий совладания использовался опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса в адаптации Крюковой, Куфтяк (Крюкова, Куфтяк, 2007). Методика рассматривает 8 стратегий совладания: конфронтативный копинг, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство—избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка. Для болгарской выборки методика была адаптирована в рамках кандидатской диссертации Л.В. Бабаковой (Бабакова, 2017).

Методы математико-статистической обработки. Математическая обработка выполнена на базе программного

обеспечения IBM SPSS 23.0. Для обработки применялись описательные статистики, многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), а также регрессионный анализ. Там, где это допустимо, вероятности проверялись множественными выборками.

Результаты

В соответствии с современными представлениями о влиянии нормальности распределения на результаты анализа данных для больших выборок (200+), нормальность оценивалась по асимметрии и эксцессу, которые при таком объеме выборки не должны превышать $+/-3$ и $+/-10$ соответственно (Kline, 2016). Для нашей выборки асимметрия пунктов не превышала 1,376, а эксцесс — 2,084 для общей выборки; для болгарской выборки асимметрия не превышала 1,230, а эксцесс — 1,384; для российской выборки асимметрия — 1,378, эксцесс — 2,363. Такие результаты позволяют рассматривать наши данные как нормально распределенные и применять к ним параметрические инструменты оценки.

Поскольку наш предыдущий анализ показал, что автономия в социальном контексте может выполнять опосредующую функцию при переживании одиночества, то при множественном дисперсионном анализе она рассматривалась как созависимая переменная, как и пол. Их статистически значимое влияние на изменение дисперсий переменных одиночества было подтверждено: для автономии F составила 11,183 ($p = 0,000$), для пола $F = 4,142$ ($p = 0,007$).

Многомерный дисперсионный анализ с поправкой на пол, автономию и проверкой на множественность выборок

показал, что принадлежность к болгарской **или** российской выборке являлась фактором, оказывающим эффект на интенсивность переживания общего и позитивного одиночества (табл. 1). В свою очередь принадлежность к возрастной группе оказывала эффект на переменную «зависимость от общения». Однако сочетание этих факторов статистически значимых эффектов не имело.

Сравнительный анализ выраженности одиночества между российской и болгарской выборками показал (Приложение А, табл. А2), что в целом в ситуации социальных ограничений и частичной изоляции уровень переживания общего одиночества был выше в болгарской выборке, а позитивного одиночества — в российской. Таким образом, можно говорить о том, что в схожих условиях ограничений российские респонденты видели больше возможностей для уединения и самопознания, в то время как для болгар-

ских респондентов данная ситуация была связана с переживанием тревожного и в некоторой мере негативного одиночества.

С точки зрения возрастных различий мы обнаружили, что респонденты старших возрастных групп в обеих выборках демонстрировали большую зависимость от общения, чем представители младшей (для нашего исследования) группы. Такой результат может быть связан как с возрастными особенностями, так и с более строгими социальными ограничениями, наложенными на старшее поколение, как в Болгарии, так и в России.

При многомерном дисперсионном анализе стратегий совладания по факторам «страна», «возрастная группа» и «Страна × Возрастная группа» мы также предположили возможные эффекты автономии ($F = 16,045, p = 0,000$) и пола ($F = 5,094, p = 0,000$), и они были включены в модель как созависимые переменные. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 1 / Table 1

Результаты MANOVA для одиночества по факторам «страна», «возрастная группа» и «Страна × Возрастная группа» в российской и болгарской выборках ($N = 422$)
MANOVA results for loneliness variables with factors “country”, “age group”, “Country × Age group” in Russian and Bulgarian samples ($N = 422$)

Параметры одиночества / Loneliness variables	Страна / Country		Возрастная группа / Age group		Страна × Возрастная группа / Country × Age group	
	<i>F</i>	<i>p</i>	<i>F</i>	<i>p</i>	<i>F</i>	<i>p</i>
Общее одиночество / General loneliness	8,389	0,004	0,664	0,416	0,910	0,341
Зависимость от общения / Dependence of communication	3,485	0,063	10,528	0,001	0,094	0,759
Позитивное одиночество / Positive loneliness	7,793	0,005	0,007	0,932	0,168	0,682

Примечание: *F* — критерий (базовый показатель значимости), *p* — уровень значимости.

Note: *F* — statistics (basic statistics of significance), *p* — probability value.

Таблица 2 / Table 2

**Результаты MANOVA для стратегий совладания по факторам «страна»,
 «возрастная группа» и «Страна × Возрастная группа» в российской
 и болгарской выборках (N = 422)**
**MANOVA results for coping strategies variables with factors “country”, “age
 group”, “Country × Age group” in Russian and Bulgarian samples (N = 422)**

Копинг-стратегии / Coping Strategies	Страна / Country		Возрастная группа / Age group		Страна × Возрастная группа / Country × Age group	
	<i>F</i>	<i>p</i>	<i>F</i>	<i>p</i>	<i>F</i>	<i>p</i>
Конфронтация / Confrontive coping	11,061	0,001	0,089	0,766	0,794	0,373
Дистанцирование / Distancing	22,153	0,000	8,583	0,004	0,435	0,510
Самоконтроль / Self-control	102,355	0,000	2,012	0,157	1,470	0,226
Поиск социальной поддержки / Seeking social support	1,623	0,203	0,096	0,757	0,011	0,917
Принятие ответственности / Ac- cepting responsibility	19,225	0,000	13,808	0,000	0,150	0,699
Бегство—избегание / Escape— avoidance	54,962	0,000	0,053	0,819	0,113	0,737
Планирование решения проблемы / Planful problem-solving	17,968	0,000	3,248	0,072	1,948	0,164
Положительная переоценка / Posi- tive reappraisal	52,907	0,000	2,040	0,154	0,080	0,777

Примечание: *F* — критерий (базовый показатель значимости), *p* — уровень значимости.

Note: *F* — statistics (basic statistics of significance), *p* — probability value.

Отдельные различия в использовании стратегий совладания были обнаружены и в болгарской, и в российской выборках (Приложение А, табл. АЗ). Так, болгарские респонденты реже использовали все виды стратегий совладания по сравнению с российскими респондентами. Исключение составила стратегия «поиск социальной поддержки».

Фактор возраста был не так выражен, однако в обеих странах респонденты старших групп чаще использовали дистанцирование и реже — принятие ответственности. Таким образом, можно предположить, что эти особенности в

большей мере имеют универсально-возрастную природу и схожи для двух стран.

Как и в случае с одиночеством, не было выявлено совместного влияния факторов «страна» и «возрастная группа», что позволяет говорить о том, что хотя каждый из этих факторов имеет определенное влияние на стратегии совладания, тем не менее сочетанного влияния они не оказывают.

Следующим этапом анализа стал анализ регрессионных моделей. Мы предположили, что в трудных жизненных условиях, таких как социальные ограничения и изоляция, роль стратегий совладания в

переживании одиночества может становиться более выраженной.

Сравнительный анализ регрессионных моделей (табл. 3), оценивающих вклад различных стратегий совладания в переживание общего одиночества в России и Болгарии для группы 30–45 лет, показал различные механизмы.

Так, для российской выборки стратегии принятия ответственности в сочетании с дистанцированием при отсутствии стратегии планирования решения проблемы усиливала переживание одиночества. Для болгарской выборки такими стратегиями были бегство–избегание в сочетании со сниженным поиском социальной поддержки. При различиях в стратегиях, усиливающих переживание общего одиночества, в целом можно сказать, что общий механизм заключается в избегании разрешения трудных ситуа-

ций вместо использования более активных стратегий.

Регрессионный анализ стратегий совладания как предикторов зависимости от общения в российской группе 30–45 лет не выявил ни одного предиктора. В болгарской группе 30–45 лет такой предиктор был один: принятие ответственности ($\beta = -0,231$, $t = -2,069$, $p = 0,042$, $R^2 = 0,053$).

Регрессионный анализ вклада стратегий совладания в «позитивное одиночество» показал различные механизмы для российской и болгарской выборок (табл. 4).

Возможность переживания позитивного одиночества в российской выборке подкрепляется внутренней автономностью в социальном контексте, выраженным самоконтролем и сниженным планированием решения проблемы. Такое сочетание стратегий может говорить о

Таблица 3 / Table 3

Сравнительный анализ регрессионных моделей для зависимой переменной «Общее одиночество» для российской и болгарской групп в возрасте 30–45 лет ($N = 181$)

Comparative analysis of regression models for dependent variable “General loneliness” in Russian and Bulgarian samples aged 30–45 ($N = 181$)

Россия / Russia ($N = 103$), $R^2 = 0,208$				
	Статистики предикторов / Statistics of Predictors	β	t	p
Предикторы / Predictors	Принятие ответственности / Accepting responsibility	0,292	2,901	0,005
	Планирование решения проблемы / Planful problem-solving	-0,306	-3,235	0,002
	Дистанцирование / Distancing	0,244	2,453	0,016
Болгария / Bulgary ($N = 78$), $R^2 = 0,380$				
Предикторы / Predictors	Бегство–избегание / Escape–avoidance	0,562	6,178	0,000
	Поиск социальной поддержки / Seeking social support	-0,263	-2,889	0,005

Примечание: R^2 – объясненная дисперсия, β – стандартизированный коэффициент дисперсии, t – значение регрессионных коэффициентов, p – уровень значимости.

Note: R^2 – variance explained, β – standardized regression coefficient, t – value for regression coefficients, p – probability level.

Таблица 4 / Table 4

**Сравнительный анализ регрессионных моделей для зависимой
 переменной «Позитивное одиночество» для российской и болгарской групп
 в возрасте 30–45 лет ($N = 181$)**
**Comparative analysis of regression models for dependent variable “Positive
 loneliness” in Russian and Bulgarian samples aged 30–45 ($N = 181$)**

Россия / Russia ($N = 103$), $R^2 = 0,217$				
	Статистики предикторов / Statistics of Predictors	β	t	p
Предикторы / Predictors	Автономия / Autonomy	0,356	3,823	0,000
	Самоконтроль / Self-control	0,311	3,214	0,002
	Планирование решения проблемы / Planful problem-solving	–0,275	–2,762	0,007
Болгария / Bulgaria ($N = 78$), $R^2 = 0,201$				
Предикторы / Predictors	Дистанцирование / Distancing	0,332	3,173	0,002
	Положительная переоценка / Positive reappraisal	0,250	2,388	0,019

Примечание: R^2 — объясненная дисперсия, β — стандартизированный коэффициент дисперсии, t — значение регрессионных коэффициентов, p — уровень значимости.

Note: R^2 — variance explained, β — standardized regression coefficient, t — value for regression coefficients, p — probability level.

том, что позитивное одиночество давалось нашим российским респондентам ценой определенного напряжения и усилий. В то же время болгарские респонденты (30–45 лет) в большей степени переживали позитивное одиночество в тех случаях, когда абстрагировались от сложившейся ситуации и старались найти в ней что-то хорошее.

Анализ регрессионных моделей для переменной «общее одиночество» в старшей возрастной группе показал (табл. 5), что болгарские респонденты старшей группы демонстрируют механизмы, схожие с младшей группой, в то время как российские респонденты переживали одиночество в большей степени при избегании трудных ситуаций и непринятии ответственности за них.

Механизмы, использованные российскими респондентами, напоминают выу-

ченную, а где-то и стереотип-зависимую беспомощность: с одной стороны, человек не предпринимает усилий, чтобы решить проблему, с другой — не чувствует своей ответственности за сложившуюся ситуацию, что и приводит к большей зависимости от общения. Для болгарских респондентов мы также видим нежелание решать проблему вместе с отсутствием поиска социальной поддержки и планирования решения этой проблемы, что делает этот механизм в некоторой мере схожим с российским.

Как и в более молодой группе, ни одна из стратегий совладания или автономия не стали предиктором зависимости от общения в российской группе. Это можно интерпретировать как культуральную особенность, при которой способ совладания с трудными жизненными ситуациями, будь то невозможность активно

Таблица 5 / Table 5

**Сравнительный анализ регрессионных моделей для зависимой
 переменной «Общее одиночество» для российской и болгарской групп
 в возрасте 50–75 лет ($N = 241$)**
**Comparative analysis of regression models for dependent variable “General
 loneliness” in Russian and Bulgarian samples aged 50–75 ($N = 241$)**

Россия / Russia ($N = 100$), $R^2 = 0,129$				
	Статистики предикторов / Statistics of Predictors	β	t	p
Предикторы / Predictors	Бегство—избегание / Escape—avoidance	0,391	3,657	0,000
	Принятие ответственности / Accepting responsibility	–0,272	–2,546	0,012
Болгария / Bulgaria ($N = 141$), $R^2 = 0,210$				
Предикторы / Predictors	Поиск социальной поддержки / Seeking social support	–0,313	–4,053	0,000
	Планирование решения проблемы / Planful problem-solving	–0,213	–2,707	0,008
	Бегство—избегание / Escape—avoidance	0,194	2,461	0,015

Примечание: R^2 — объясненная дисперсия, β — стандартизированный коэффициент дисперсии, t — значение регрессионных коэффициентов, p — уровень значимости.

Note: R^2 — variance explained, β — standardized regression coefficient, t — value for regression coefficients, p — probability level.

и лично общаться с друзьями и коллегами или полная социальная изоляция, не приводит к росту или снижению зависимости от общения.

Для болгарской выборки мы наблюдали иную картину (табл. 6).

В ситуации строгой изоляции взрослые люди (50–75 лет) испытывают

Таблица 6 / Table 6

**Регрессионный анализ вклада стратегий совладания и автономии в
 зависимость от общения у болгарской выборки (возраст — 50–75, $N = 141$)**
**Regression analysis of coping strategies and autonomy as independent
 variables and dependence of communication as independent variable in Bulgarian
 sample (aged 50–75, $N = 141$)**

Болгария / Bulgaria ($N = 141$), $R^2 = 0,140$				
	Статистики предикторов / Statistics of Predictors	β	t	p
Предикторы / Predictors	Конфронтация / Confrontive coping	0,321	3,769	0,000
	Дистанцирование / Distancing	0,255	3,158	0,002
	Автономия / Autonomy	–0,172	–2,032	0,044

Примечание: R^2 — объясненная дисперсия, β — стандартизированный коэффициент дисперсии, t — значение регрессионных коэффициентов, p — уровень значимости.

Note: R^2 — variance explained, β — standardized regression coefficient, t — value for regression coefficients, p — probability level.

большую зависимость от общения в тех случаях, когда они активно используют конфронтативный копинг и дистанцирование и при этом не обладают выраженной автономией. Таким образом, можно предположить, что в сочетании с некоторой ориентированностью на социум в целом конфронтация и дистанцирование являются попыткой человека привлечь, хоть и неконструктивным образом, необходимое ему общение.

Для переменной «позитивное одиночество» у российской выборки также не было выявлено ни одного предиктора. Результаты для болгарской выборки представлены в табл. 7.

Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что более автономные болгарские респонденты из старшей группы, не использовавшие конфронтацию и самоконтроль, но использовавшие принятие ответственности как способ справиться со сложной ситуацией, могли воспринимать вынужденную изоляцию

как позитивную возможность побыть наедине с собой.

Обсуждение результатов

Наше исследование проводилось в условиях социальной изоляции и социальных ограничений, которые не могли не оказать влияния на особенности взаимодействия между людьми и, как следствие, могли повлиять на переживание ими одиночества. В начале пандемии многие ученые (например, Norbury, 2021) предсказывали, что переживание одиночества будет расти, но в противовес этим прогнозам многие исследования (например, Su, 2023) регистрировали снижение уровня одиночества. Хотя наше исследование носило срезовой характер, тем не менее сравнивая результаты российской выборки в нашем исследовании с результатами, опубликованными Е.Н. Осиным и Д.А. Леонтьевым в допандемийный период (Осин, Леонтьев, 2013), можно сказать, что наши данные согласуются

Таблица 7 / Table 7

**Регрессионный анализ вклада стратегий совладания и автономии
 в позитивное одиночество у болгарской выборки (возраст – 50–75, N = 141)**

**Regression analysis of coping strategies and autonomy as independent
 variables and positive loneliness as independent variable in Bulgarian sample
 (aged 50–75, N = 141)**

Болгария / Bulgaria (N = 141), R ² = 0,205				
	Статистики предикторов / Statistics of Predictors	β	t	p
Предикторы / Predictors	Автономия / Autonomy	0,363	4,352	0,000
	Конфронтация / Confrontive coping	–0,180	–2,151	0,033
	Принятие ответственности / Accepting responsibility	0,292	3,203	0,002
	Самоконтроль / Self-control	–0,257	–2,760	0,007

Примечание: R² – объясненная дисперсия, β – стандартизированный коэффициент дисперсии, t – значение регрессионных коэффициентов, p – уровень значимости.

Note: R² – variance explained, β – standardized regression coefficient, t – value for regression coefficients, p – probability level.

с этим трендом и также демонстрируют более низкие показатели. Как и западные исследователи, мы связываем такой результат с тем, что, несмотря на ограничения в социальном взаимодействии с широким социальным сообществом, существенно увеличился объем взаимодействия в кругу семьи. Для пожилых людей, которые зачастую оказывались в полной социальной изоляции (в том числе от собственных родственников), данная трудная ситуация могла нивелироваться тем, что, будучи физически изолированными, пожилые люди, как правило, получали достаточное количество поддержки и внимания как от собственных родственников, так и от волонтерских организаций, обеспечивавших доставку всего необходимого, что могло выступать косвенной поддержкой и восприниматься как социальное внимание, снижая тем самым ощущение покинутости и одиночества.

Анализ стратегий совладания, использованных нашими респондентами, показал, что российские респонденты в целом, независимо от возраста, более интенсивно используют стратегии совладания, нежели болгарские респонденты. При этом при анализе копингов, помимо интенсивности, важным показателем также является количество используемых стратегий. Так, для адаптивного поведения характерно активное использование разных стратегий, что обеспечивает большую гибкость при возникновении различных трудных ситуаций. Наши респонденты в обеих группах продемонстрировали активное использование 5 из 8 стратегий, причем, несмотря на некоторые различия в уровне их использования, сами стратегии были идентичны:

самоконтроль, поиск социальной поддержки, бегство—избегание, планирование решения проблемы и положительная переоценка. Хотя в трудных жизненных ситуациях стратегии совладания могут использоваться более интенсивно, в целом их принято рассматривать как стилевые характеристики, поэтому, несмотря на социальную изоляцию, мы не ожидали увидеть существенных отличий по сравнению с некризисными периодами.

Наше исследование показало, что стратегии совладания могут выступать в некоторых ситуациях предикторами, усиливающими или, наоборот, ослабляющими переживание одиночества. Причем эти механизмы различались в зависимости от параметра одиночества, возраста и культурной принадлежности. Согласно исследованиям (Rokach, 2023), среди стратегий, способствующих совладанию с одиночеством, можно выделить активное уединение и поиск социальной поддержки. В рамках нашего исследования аналогами активного уединения можно считать дистанцирование и бегство-избегание. В то же время некоторые исследователи подчеркивали, что во время пандемии в силу социальной изоляции некоторые из этих стратегий стали труднодоступными, например, поиск социальной поддержки (Golemis et al., 2022). Наши результаты отчасти совпадают с данными зарубежных исследователей, так эти три стратегии действительно присутствовали во многих регрессионных моделях, но их эффект был противоположен ожидаемому. При этом поиск социальной поддержки в сочетании с такими стратегиями, как планирование решения проблемы или неиспользова-

ние стратегии бегство—избегание, соответствовал более низкой интенсивности переживания одиночества. Использование активного уединения усиливало переживание общего одиночества и зависимости от общения. Поиск социальной поддержки — наоборот. Следует также отметить, что для болгарской выборки стратегии совладания были в большей степени связаны с переживанием одиночества, нежели для российской. В то же время следует отметить, что помимо классических стратегий совладания, выделенных Лазарусом, существуют иные способы совладания, в том числе с использованием цифровых технологий (мессенджеры, социальные сети и т.д.). Активное внедрение этих технологий в разнообразные сферы жизни россиян в период пандемии могло опосредовать полученные нами результаты.

Заключение

Одиночество является одним из глобальных вызовов современного общества. Его связи с такими негативными состояниями, как депрессия и тревожность, широко известны, а широта охвата включает возрастные группы от подростков до пожилых и старых людей. Вместе с тем переживание одиночества является динамичным явлением, оно зависит от разных, прежде всего субъективных факторов и может быть не только негативным состоянием, но и ресурсом.

В трудных жизненных ситуациях, таких как социальная изоляция или социальные ограничения, переживание одиночества может меняться, как и способы совладания с ним. Целью нашего исследования было оценить переживания одиночества и стратегий совладания с ним в

период изоляции в России и Болгарии на разных возрастных группах, а также роль стратегий совладания как предикторов одиночества.

Наши результаты показали, что в целом уровень переживания одиночества в нашей выборке был ниже, чем в сходных исследованиях допандемийного периода, с несколько более высокими значениями для болгарской выборки. Сравнительный анализ регрессионных моделей показал, что некоторые стратегии, которые рассматривались как способы совладания с одиночеством в некризисный допандемийный период, в нашей выборке усиливали переживание одиночества. Результаты, полученные в нашем исследовании, говорят о том, что хотя стратегии совладания и являются стилевыми характеристиками и не слишком чувствительны к ситуативным изменениям, тем не менее, для преодоления одиночества в трудной, нестандартной жизненной ситуации они могут претерпевать структурные изменения, формируя специфические паттерны.

Перспективы исследования. Несмотря на то, что пандемия закончилась, человек может сталкиваться с ситуацией социальных ограничений и изоляции и в менее масштабных ситуациях — например, переезжая в другой город на учебу или работу, мигрируя в другую страну и т.д. Для более глубокого понимания изменения механизмов совладания с одиночеством необходимы лонгитюдные исследования и масштабные кросс-культурные сравнения.

Ограничения. К ограничениям нашего исследования можно отнести использование данных, собранных методом

поперечных срезов, которые не позволяют говорить о динамике переживания одиночества, лишь дают возможность по косвенным признакам судить о его изменении по сравнению с допандемийным периодом. Также мы использовали количественные методы для сбора данных, что несколько ограничивает репертуар стратегий, включенных в анализ. Дополнение этой методологии качественными методами в будущем позволит получить более объемные данные.

Limitations. The limitations of our study include the use of cross-sectional data, which does not allow us to talk about the dynamics of experiencing loneliness, and to interpret its change compared to the pre-pandemic period indirectly. We also used quantitative methods to collect data, which somewhat limits the repertoire of strategies included in the analysis. Enhancing this methodology with qualitative methods in the future will allow us to obtain more abundant data.

Список источников / References

1. Бабакова, Л.В. (2017). Повседневные неприятности и удовлетворенность жизнью в связи со стратегиями совладания в период старения (на примере Болгарии). Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т. Babakova, L.V. (2017). Daily stressors and life satisfaction in the context of coping strategies during aging (based on Bulgarian sample). PHD thesis, Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University. (In Russ.).
2. Крюкова, Т.Л., Куфтяк, Е.В. (2007). Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ). *Журнал практического психолога*, 3, 93–112. Kryukova, T.L., Kuftyak, E.V. (2007). Ways of coping questionnaire (adaptation of WCQ). *Journal of applied psychologist*, 3, 93–112. (In Russ.).
3. Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2013). Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства [Электронный ресурс]. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 10(1), 55–81. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/31/1283223356/Osin_Leontiev_10-01pp55-81.pdf (дата обращения: 10.07.2025). Osin, E.N., Leont'ev, D.A. (2013). Differential questionnaire of loneliness: structure and characteristics. *Psychology. Journal of the High School of Economics*, 10(1), 55–81. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/31/1283223356/Osin_Leontiev_10-01pp55-81.pdf (viewed: 10.09.2024). (In Russ.).
4. Стрижицкая, О.Ю., Петраш, М.Д., Муртазина, И.Р., Вартанян, Г.А. (2021). Адаптация методики «социотропность — самодостаточность» на российской выборке взрослых и пожилых людей. *Экспериментальная психология*, 14(3), 217–233. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140315> Strizhitskaya, O.Y., Petrash, M.D., Murtazina, I.R., Vartanyan, G.A. (2021). Adaptation of “Sociotropy — Self-Sufficiency” Questionnaire for Russian Sample on Middle Adults and Ageing People. *Experimental Psychology (Russia)*, 14(3), 217–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140315>
5. Стрижицкая, О.Ю., Петраш, М.Д., Муртазина, И.Р., Вартанян, Г.А., Маневский, Ф.С., Александрова, Н.Х., Бабакова, Л.В. (2020). Адаптация болгарской версии шкалы социального и эмоционального одиночества (SELSA-S) для взрослых и пожилых людей.

- Консультативная психология и психотерапия, 28(4), 79–97. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280405>
- Strizhitskaya, O.Y., Petrash, M.D., Murtazina, I.R., Vartanyan, G.A., Manevsky, F.S., Alexandrova, N.C., Babakova, L.V. (2020). Adaptation of the Bulgarian Version of the Social and Emotional Loneliness Scale (Short Form) for Adults and Older Adults. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 28(4), 79–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280405>
6. Cacioppo, J.T., Cacioppo, S. (2018). Loneliness in the modern age: An evolutionary theory of loneliness (ETL). In J. M. Olson (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (pp. 127–197). Elsevier Academic Press.
 7. Child, S.T., Lawton, L. (2019). Loneliness and social isolation among young and late middle-age adults: Associations with personal networks and social participation. *Aging Mental Health*, 23(2), 196–204. <https://doi.org/10.1080/13607863.2017.1399345>
 8. Danvers, A.F., Efinger, L.D., Mehl, M.R., Helm, P.J., Raison, C.L., Polsinelli, A.J., Moseley, S.A., Sbarra, D.A. (2023). Loneliness and time alone in everyday life: A descriptive-exploratory study of subjective and objective social isolation. *Journal of Research in Personality*, 107, 104426. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2023.104426>
 9. de Jong-Gierveld, J., Tesch-Romer, C. (2012). Loneliness in old age in Eastern and Western European societies: theoretical perspectives. *European Journal of Ageing*, 9(4), 285–295. <https://doi.org/10.1007/s10433-012-0248-2>
 10. de Jong-Gierveld, J., Broese Van Groenou, M.I., Hoogendoorn, A.W., Smit, J.H. (2009). Quality of marriages in later life and emotional and social loneliness. *The Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 64B(4), 497–506. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbn043>
 11. Fumagalli, E., Dolmatzian, M.B., Shrum, L.J. (2021). Centennials, FOMO, and Loneliness: An Investigation of the Impact of Social Networking and Messaging/VoIP Apps Usage During the Initial Stage of the Coronavirus Pandemic. *Frontiers in Psychology*, 12, 620739. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.620739>
 12. Golemis, A., Voitsidis, P., Parlapani, E., Nikopoulou, V.A., Tsiropoulou, V., Karamouzi, P., Giazkoulidou, A., Dimitriadou, A., Kafetzopoulou, C., Holeva, V., Diakogiannis, I. (2022) Young adults' coping strategies against loneliness during the COVID-19-related quarantine in Greece. *Health Promotion International*, 37(1), daab053. <https://doi.org/10.1093/heapro/daab053>
 13. Hawkey, L.C., Cacioppo, J.T. (2010). Loneliness matters: A theoretical and empirical review of consequences and mechanisms. *Annals of Behavioral Medicine*, 40(2), 218–227. <https://doi.org/10.1007/s12160-010-9210-8>
 14. Hawkey, L.C., Burleson, M.H., Berntson, G.G., Cacioppo, J.T. (2003). Loneliness in everyday life: Cardiovascular activity, psychosocial context, and health behaviors. *Journal of Personality and Social Psychology*, 85(1), 105–120. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.1.105>
 15. Heinrich, L.M., Gullone, E. (2006). The clinical significance of loneliness: A literature review. *Clinical Psychology Review*, 26(6), 695–718. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2006.04.002>
 16. Holahan, C.J., Moos, R.H., Holahan, C.K., Brennan, P.L., Schutte, K.K. (2005). Stress generation, avoidance coping, and depressive symptoms: a 10-year model. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 73(4), 658–666. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.73.4.658>
 17. Kline, R.B. (2016). *Principles and practice of structural equation modeling* (4th ed.). New York, NY: Guilford.
 18. Korinek, K. (2013). Family Relations and the Experience of Loneliness among Older Adults in Eastern Europe. In: *Global Ageing in the Twenty-First Century: Challenges*,

- Opportunities and Implications* (S.A. McDaniel, Ed.) (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/978131558472>
19. Köster, F., Lipps, O. (2024). How loneliness increased among different age groups during COVID-19: a longitudinal analysis. *European Journal of Ageing*, 21(2), <https://doi.org/10.1007/s10433-023-00798-3>
 20. Lim, M.H., Eres, R., Vasan, S. (2020). Understanding loneliness in the twenty-first century: An update on correlates, risk factors, and potential solutions. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology: The International Journal for Research in Social and Genetic Epidemiology and Mental Health Services*, 55(7), 793–810. <https://doi.org/10.1007/s00127-020-01889-7>
 21. Norbury, R. (2021). Loneliness in the time of COVID. *Chronobiology International*, 38(6), 817–819. <https://doi.org/10.1080/07420528.2021.1895201>
 22. O'Sullivan, R., Burns, A., Leavey, G., Leroi, I., Burholt, V., Lubben, J., Holt-Lunstad, J., Victor, C., Lawlor, B., Vilar-Compte, M., Perissinotto, C.M., Tully, M.A., Sullivan, M.P., Rosato, M., Power, J.M., Tiilikainen, E., Prohaska, T.R. (2021). Impact of the COVID-19 pandemic on loneliness and social isolation: A multi-country study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(19), 9982. <https://doi.org/10.3390/ijerph18199982>
 23. Rebecchi, A., Lepinteur, A., Clark, A.E., Rohde, N., Vögele, C., D'Ambrosio C. (2024). Loneliness during the COVID-19 pandemic: Evidence from five European countries. *Economics & Human Biology*, 55, 101427. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2024.101427>
 24. Rodriguez, M., Schertz, K.E., Kross, E. (2025). How people think about being alone shapes their experience of loneliness. *Nature Communications*, 16, 1594. <https://doi.org/10.1038/s41467-025-56764-3>
 25. Rokach, A., Patel, K. (2024). The health consequences of loneliness. *Environment and Social Psychology*, 9(6), 2150. <https://doi.org/10.54517/esp.v9i6.2150>
 26. Rokach, A. (2023). The Effects of Loneliness on the Aged: A Review. *OBM Geriatrics*, 7(2), 236. <https://doi.org/10.21926/obm.geriater.2302236>
 27. Rokach, A. (2001). Strategies of coping with loneliness throughout the lifespan. *Current Psychology*, 20, 3–17. <https://doi.org/10.1007/s12144-001-1000-9>
 28. Rokach, A., Orzeck, T., Neto, F. (2004). Coping with loneliness in old age: a cross-cultural comparison. *Current Psychology*, 23, 124–137. <https://doi.org/10.1007/BF02903073>
 29. Schnitker, J. (2007). Look (Closely) at All the Lonely People: Age and the Social Psychology of Social Support. *Journal of Aging and Health*, 19(4), 659–682. <https://doi.org/10.1177/0898264307301178>
 30. Su, Y., Rao, W., Li, M., Caron, G., D'Arcy, C., Meng, X. (2023). Prevalence of loneliness and social isolation among older adults during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *International Psychogeriatrics*, 35(5), 229–241. <https://doi.org/10.1017/S1041610222000199>
 31. Susanty, S., Nadirawati, N., Setiawan, A., Haroen, H., Pebrianti, S., Harun, H., Azissahm, D., Suyanto, J., Sarasmita, M.A., Chipojola, R., Khwepeya, M., Banda, K.J. (2025). Overview of the prevalence of loneliness and associated risk factors among older adults across six continents: A meta-analysis. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 128, 105627. <https://doi.org/10.1016/j.archger.2024.105627>
 32. Tilburg, J., Simons, M., Batink, T., Janssens, M., Peeters, S., Lataster, J., Jacobs, N., Reijnders, J. (2024). Loneliness and mental health during the COVID-19 pandemic in the Dutch general

population: The moderating role of psychological flexibility. *Heliyon*, 10(17), e37172. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e37172>

33. Upenieks, L. (2023). With You Until the End of the Age? A Longitudinal Study of Changes in Religiosity and Loneliness in Later Life. *Research on Aging*, 45(3-4), 299–319. <https://doi.org/10.1177/01640275221104720>

Приложение / Appendix

Приложение А. Демографические характеристики выборки и описательные статистики переменных. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160405>

Appendix A. Demographic characteristics of the sample and descriptive statistics for the variables. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160405>

Информация об авторах

Лилия Виткова Стоилова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Академия музыкального, танцевального и изобразительного искусства им. А. Димандиева (АМТИИ «Проф. Асен Димандиев»), Пловдив, Болгария, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8666-4323>, e-mail: liliya.babakova@artacademyplovdiv.com

Ольга Юрьевна Стрижицкая, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7141-162X>, e-mail: o.strizhitskaya@spbu.ru

Information about the authors

Lilia V. Stoilova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Academy of Music, Dance and Fine Arts “Prof. Asen Diamandiev”, Plovdiv, Bulgaria, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8666-4323>, e-mail: liliya.babakova@artacademyplovdiv.com

Olga Yu. Strizhitskaya, Doctor of Science (Psychology), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7141-162X>, e-mail: o.strizhitskaya@spbu.ru

Вклад авторов

Стоилова Л.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования (болгарская часть исследования).

Стрижицкая О.Ю. — написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования (российская часть исследования); применение статистических методов для анализа данных; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Lilia V. Stoilova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research; data collection and analysis (Bulgarian part of the study).

Стоилова Л.В., Стрижицкая О.Ю. (2025)
Переживание одиночества и совладания с ним
в ситуации вынужденной изоляции...
Социальная психология и общество,
16(4), 71–89.

Stoilova L.V., Strizhitskaya O.Yu. (2025)
The experience of loneliness and coping with it in
a situation of forced isolation (in Russia and Bulgaria)
Social Psychology and Society,
16(4), 71–89.

Olga Yu. Strizhitskaya — writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research; data collection and analysis (Russian part of the study); application of statistical methods for data analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Дизайн исследования, процедуры, выбор переменных и метод сбора выборки были одобрены экспертным советом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-513-18015). Все участники исследования подписали информированное согласие, Хельсинкская декларация была соблюдена.

Ethics statement

The research design, procedures, measures and sampling were approved by the review board of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-513-18015). Informed consent was obtained from all the participants and the Helsinki declaration was respected.

Поступила в редакцию 15.08.2025
Поступила после рецензирования 27.10.2025
Принята к публикации 05.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.08.15
Revised 2025.10.27
Accepted 2025.12.05
Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

Роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий

М.А. Одинцова¹ ✉, Н.П. Радчикова¹, Н.В. Козырева²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

² Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Республика Беларусь

✉ mari505@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современные семьи сталкиваются с возрастающим количеством неблагоприятных трудных жизненных событий (ТЖС) разной степени интенсивности. Однако способность семьи сохранить связность (эмоциональную близость, способность к совместному преодолению трудностей) в этих условиях с учетом контекстуальных факторов разного уровня изучена недостаточно.

Цель. Изучить роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий.

Гипотеза. Контекст культуры (макроконтекст); специфика и степень тяжести неблагоприятных событий (мезоконтекст); эмоциональные коммуникации в родительских семьях, копинг-стратегии (микроконтекст) по-разному влияют на отношения в семьях.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 2119 взрослых из России ($N = 1171$, 55,3%) и Беларуси ($N = 945$, 44,6%) в возрасте от 18 до 86 лет (средний возраст — $31,6 \pm 12,7$ лет), 82,1% женщин. Макроконтекст (связь с культурой) оценивался по проективной методике «Пространство дерева и света»; мезоконтекст — по типам неблагоприятных событий в семьях, степени их тяжести; микроконтекст — по методикам COPE-30 и «Семейные эмоциональные коммуникации». Динамика семейных связей (изменение отношений) оценивалась с использованием Шкалы оценки жизнеспособности семьи, где респонденты выбирали один из трех вариантов ответа, отражающих изменение связей в семьях после неблагоприятного события: «стала более близкой», «осталась прежней», «стала более дистантной».

Результаты. Большинство россиян и белорусов воспринимают свою культуру как прочную основу, которая способствует сохранению связей в семьях. Степень тяжести неблагоприятного события содействует либо укреплению, либо разрушению семейных связей. Респонденты, в родительских семьях которых присутствовала критика и элиминирование эмоций, чаще оценивали отношения в семье после неблагоприятного события как ставшие «более дистантными». Утрата является единственным типом ТЖС, который нивелирует негативное влияние семейных дисфункций. Поиск социальной поддержки и

активное совладание становятся ключевыми ресурсами для упрочения связей в семьях при столкновении с неблагоприятным событием и при негативном опыте отношений в родительской семье.

Выводы. *Изменения отношений в семьях после столкновения с трудным жизненным событием зависят от сложного сочетания контекстуальных факторов (связь с культурой, тип трудного жизненного события, степень его сложности, эмоциональные коммуникации в родительской семье, способы совладания).*

Ключевые слова: *контекстуальные факторы, связь в семье, копинг-стратегии, семейные эмоциональные коммуникации, культура, россияне, белорусы*

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/t6ep-34nb-d9nn>.

Для цитирования: Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П., Козырева, Н.В. (2025). Роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий. *Социальная психология и общество*, 16(4), 90—108. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160406>

The role of contextual factors in family cohesion under high intensity of adverse events

M.A. Odintsova¹ ✉, N.P. Radchikova¹, N.V. Kozyreva²

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Republic of Belarus

✉ mari505@mail.ru

Abstract

Context and relevance. *Modern families increasingly face adverse difficult life events (DLEs) of varying intensity. However, the capacity of families to maintain cohesion — defined as emotional closeness and the ability to overcome difficulties together — under such conditions, while accounting for contextual factors at different levels, remains insufficiently studied.*

Objective. *Examine the role of contextual factors in shaping family relationships under conditions of high-intensity adverse events.*

Hypothesis. *It was assumed that cultural context (macro-level), the specificity and severity of adverse events (meso-level), and emotional communication in parental families together with coping strategies (micro-level) would have differential effects on family relationships.*

Methods and materials. *The study involved 2119 adults from Russia (N = 1171; 55,3%) and Belarus (N = 945; 44,6%), aged 18—86 years (M = 31,6; SD = 12,7); 82,1% were women. The macro-context (connection with culture) was assessed using the projective technique “Space of Trees and Light”; the meso-context was evaluated through the types and severity of adverse family events; and the micro-context was assessed using the COPE-30 and Family Emotional Communications instruments. Family relationship dynamics were measured using the Family Resilience Assessment Scale, where respondents indicated whether ties after an adverse event had “become closer,” “remained the same,” or “become more distant”.*

Results. *Most respondents from Russia and Belarus perceived their culture as a solid foundation supporting the maintenance of family ties. The severity of adverse events was associated with either the strengthening or deterioration of relationships. Dysfunctional parental family patterns (criticism, emotional suppression) were linked to greater likelihood of reporting more distant family ties after an adverse event. Loss emerged as the only type of DLE that neutralized the negative impact of family dysfunctions. Active coping and the search for social support were identified as key resources for strengthening family ties when adverse events occurred, even in the context of negative parental family experiences.*

Conclusions. *Changes in family relationships following adverse life events depend on a complex interplay of contextual factors, including cultural affiliation, type and severity of the event, emotional communication in the parental family, and coping strategies employed.*

Keywords: *contextual factors, family connection, coping strategies, family emotional communication, culture, Russians, Belarusians*

Supplemental data. Datasets available from <https://doi.org/10.48612/MSUPE/t6ep-34nb-d9nn>.

For citation: Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Kozyreva, N.V. (2025). The role of contextual factors in family cohesion under high intensity of adverse events. *Social Psychology and Society*, 16(4), 90—108. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160406>

Введение

В современных исследованиях семья рассматривается не только как «социальный институт», «малая группа», но и как «микрокультурная система», выступающая уникальным «семантико-символическим ресурсом» (Сапогова, Горелкина, 2021) и отображающая более широкое пространство культуры. В белорусской (Титаренко, 2022) и российской культурах (Москвичева и др., 2019; Гуриева и др., 2024) семья декларируется как самая большая ценность, с одной стороны, с другой — появляется все больше доказательств того, что современные семьи отличаются уязвимостью трех союзов: 1) союз родственников («нуклеаризация»); 2) союз родителей и детей («конъюгализация»); 3) союз супругов («девальвация») (Антонов, 2022). Кроме того, в российской (Доброхлеб, Ефанова, 2023) и в белорусской (Титаренко, 2022)

культурах подмечено одновременное сосуществование «традиционализма» и «модернизации». Все это становится большим вызовом семейной системе в обеих странах.

По мнению А.В. Махнач, в условиях вызовов семейной системе важно изучение успешного «совладания с негативными внешними и внутренними влияниями внутри семьи и вокруг нее» (Махнач, 2024, с. 11), что позволяет «охватить ее разнообразие» (Махнач, 2024, с. 13), а это, в свою очередь, соответствует принципу контекстуальности, выделенному Н.В. Гришиной в качестве необходимости учета «контекста — от конкретной ситуации до социокультурной среды жизнедеятельности человека» (Гришина, 2022, с. 31), добавим — и семьи. Поэтому при рассмотрении семьи как «микрокультурной системы» выделим: 1) макроконтекст (связь с культурой); 2) ме-

зоконтекст (неблагоприятные события и уровень их тяжести); 3) микроконтекст (внутренний мир семьи), которые тесно взаимосвязаны.

Современные условия («макроконтекст») семьи характеризуются надломленностью «связей с культурной национальной почвой», обесцениванием культуры семейности, своеобразным «сиротством семьи» (Тюрин, 2023, с. 54). Несмотря на это, и в отечественной, и в зарубежной психологии поддерживается оптимистичный взгляд на дальнейшую судьбу семьи: проходя через противоречия, семья «постоянно воспроизводит “культуру семейности”, которая служит эмоциональным и духовным “клеем”, позволяющим семье дальше жить и развиваться» (Тюрин, 2024, с. 44); является носителем культурных традиций и содержит в себе некий устойчивый центр, обеспечивающий сохранение ее сущности (Bustos, Santiago, 2023). В то же время признается, что «время экзаменует на прочность и зрелость семью как часть культурного опыта» (Тюрин, 2024, с. 55).

Проверкой на прочность становятся неблагоприятные события в семьях (мезоконтекст): болезни, материальные проблемы, утраты, конфликты и т.д. При высокой интенсивности таких событий замечено их влияние на функционирование семейной системы. Так, выделены типы семей в зависимости от способов реагирования на болезнь и утрату: 1) поддерживающие, со слабым уровнем конфликтности; 2) разрешающие проблемы при умеренной их выраженности; 3) семьи, рискующие стать уязвимыми при столкновении с высоким уровнем сложности события (Eyetsemitan, 2025). Также показано, что столкновение с безра-

ботицей или тяжелой болезнью взрослых снижает уровень их субъективного благополучия, но родительство и сплоченность семьи поддерживают его (Cohrdes et al., 2023). Множество исследований сосредоточено на конкретных неблагоприятных событиях по отдельности и их влиянии на семейные отношения: болезни, инвалидность (Котовская и др., 2024; Lei, Kantor, 2020); материальные трудности (Lee et al., 2021); самоизоляция в условиях пандемии (Бонкало и др., 2020). В этих и других работах показана роль эмоциональной близости в семье как одного из измерений ее жизнеспособности (Eyetsemitan, 2025), однако не всегда учитывается уровень тяжести таких событий.

Пожалуй, больше всего исследований сосредоточено на внутреннем мире семьи и анализе неблагоприятного детского опыта, который повышает риск возникновения неблагоприятных событий у взрослых и риск нарушений психологического развития у будущих поколений (Mersky et al., 2025). Это заметил еще В.В. Розанов: «Семья как родник роста представляет в детях и родителях буквально одно сросшееся существо. И когда оно начинает разламываться на отдельные составляющие его части, то значит самый прирост их друг к другу был уродливо-болезнен, притом с самого начала» (Розанов, 1903, с. 77). Безусловно, сами понятия «сплоченность семьи» (Olson, 1986), «связь в семье» (Bowen, 1976), «привязанность» (Bowlby, 1988) нуждаются в отдельном анализе, но тесно пересекаются и говорят об эмоциональном единстве, доверии в отношениях, способах взаимодействия в семьях (близость/отдаленность). Именно это общее мы будем учитывать в дальнейшем анализе.

Показано, что семейная связность предсказывает использование меньшего количества неадаптивных копинг-стратегий, что, в свою очередь, способствует более низкому уровню стресса у подростков (Gervais, Jose, 2024); прогнозирует субъективное благополучие, активный стиль совладания родителей детей с инвалидностью (Ma et al., 2023); помогает сохранить долгосрочный брак (Heim, Heim, 2025); передается от родителей к детям (Москвичева и др., 2019); является основой жизнеспособности семьи (Махнач, 2016; Walsh, 2023).

Обобщающими являются: 1) интегративная модель жизнеспособности семьи (Махнач, 2016), 2) салютогенная модель (Antonovsky, Sourani, 1988) и 3) модель семейного стресса $ABC = X$ (Hill, 1958), которые сосредоточены на комплексе внешних и внутренних ресурсов семьи для восстановления после негативных событий и последующего развития. При этом связность/сплоченность семьи зависит от уровня сложности неблагоприятного события, его типа (А), ресурсов семьи (В), субъективных оценок уровня сложности события (С), что приводит к адаптации/дезадаптации семьи (Х) (Hill, 1958), является одним из факторов ее жизнеспособности (Махнач, 2024). Сплоченность рассматривается как способность воспринимать неблагоприятные события в качестве опыта, объяснять и предсказывать их исход, управлять ими (Antonovsky, Sourani, 1988). Сплоченность также становится фактором позитивных отношений в семьях в ситуациях неопределенности (Берсирова, 2023); повышает самооценку молодежи (N meth, Bern th, 2022); обеспечивает духовное развитие (Shek et al., 2025); способствует снижению дистресса (Cecen, Mert, 2023).

Таким образом, динамика связей в семье после неблагоприятного события зависит от комбинации многих контекстуальных факторов: макроконтекст (культура), мезоконтекст (типы стрессовых событий, уровень их тяжести) и микроконтекст (внутренние ресурсы семьи), однако исследований связности семьи как «духовного клея», устойчивого ее центра сразу в трех контекстах все еще недостаточно. Цель — анализ роли контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий. Предполагается, что контекст культуры (макроконтекст); типы и степень тяжести неблагоприятных событий (мезоконтекст); эмоциональные коммуникации в родительских семьях, копинг-стратегии (микроконтекст) по-разному отражаются на отношениях в семьях.

Материалы и методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 2119 взрослых в возрасте от 18 до 86 лет (средний возраст — $31,6 \pm 12,7$ лет; медиана = 30 лет); большинство женщин ($N = 1739$, 82,1%), два человека не указали пол. Исследование включало две подвыборки — из России — РФ ($N = 1171$, 55,3%) и Беларуси — РБ ($N = 945$, 44,6%). Три респондента не указали страну проживания. Более половины респондентов с высшим образованием (51,48%). Состоят в браке 39,92%, в неофициальном браке 2,78%, в отношениях 9,82%, в разводе 11,3%, вдовы 1,27%, отсутствуют текущие партнерские отношения у 34,87%. Более половины (54,13%) не имеют детей.

Методики. Показатели мезоконтекста изучались по данным анкеты, в которой, кроме социобиографических характери-

стик, предлагалось написать об актуальном для своей семьи неблагоприятном трудном жизненном событии (далее — ТЖС) и оценить его интенсивность по 10-балльной шкале Лайкерта: от 1 (минимальный балл) до 10 (максимальный балл). Микроконтекст был представлен методиками COPE-30 (Одинцова и др., 2022б) и «Семейные эмоциональные коммуникации» (Холмогорова и др., 2016). Макроконтекст изучался по проективной методике «Пространство дерева и света», отражающей связи с культурой и традициями (Одинцова и др., 2022а). Респондентам предлагалось 4 иллюстрации, на которых изображены деревья и ребенок. Нужно было выбрать ту, которая лучше всего отображала период их детства. Первая иллюстрация символизирует прочную связь с культурой и традициями, вторая — стремление к пониманию своей культуры при поддержке взрослого; третья — тревогу, противоречия в культуре и традициях, отсутствие поддержки; четвертая — отдаленность от культуры, «утрату корней».

Изменение семейных связей (отношений) после ТЖС оценивалось по шкале: «стала более близкой» (3 балла), «осталась прежней» (2 балла), «стала более дистантной» (1 балл). Данный показатель входит в Шкалу оценки жизнеспособности семьи (Гусарова и др., 2024). Респонденты выбирали один вариант, наиболее точно отражающий изменения в семейных отношениях после пережитого ими события.

Данные представлены в свободном доступе в репозитории психологических исследований и инструментов Московского государственного психолого-педагогического университета RusPsyDATA (Елина и др., 2025).

Процедура. Данные собирались онлайн, через гугл-формы методом снежного кома.

Статистический анализ. При описании результатов использовалась описательная статистика. Для сравнения групп респондентов по количественным показателям применялся *t*-критерий Стьюдента и дисперсионный анализ, по качественным — хи-квадрат Пирсона. Чтобы учесть роль всех контекстов, применялся метод построения дерева решений. Так как размер выборки был велик, не рассматривались статистически значимые эффекты небольшого размера (с величиной d Коэна $< 0,20$ и $\eta^2 < 0,02$).

Результаты

Результаты методики «Пространство дерева и света» (макроконтекст) показали (см. табл. 1), что большинство россиян и белорусов воспринимают свою культуру в качестве прочной основы (44,91% и 53,97% соответственно) либо стремятся к ее пониманию (16,77% и 13,97% соответственно). Однако почти у трети россиян (27,72%) и 22,96% белорусов наблюдаются противоречия и разрывы в культуре, а у каждого десятого (10,61% и 9,10% соответственно) — отдаленность от нее.

ТЖС (мезоконтекст) были распределены по категориям: 1) болезнь («мамин диагноз», «операция на легком»), 2) проблемы в отношениях («кризис в отношениях с мужем», «развод»), 3) утрата (смерть близких), 4) материальные проблемы (недостаток денежных средств), 5) перемены в жизни (переезды), 6) экзистенциальные проблемы («одиночество», «потеря смысла жизни»), 7) множественные трудности (два и более ТЖС одновременно: «бо-

лезнь мужа, потеря работы, смерть де-душки») (см. табл. 1).

Различия между респондентами РФ и РБ статистически значимы, но размер эффекта невелик как для макроконтекста ($\chi^2 = 17,20$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\eta^2 < 0,01$), так и

мезоконтекста ($\chi^2 = 80,91$; $df = 8$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,04$). Связь с культурой и семейные проблемы россиян и белорусов схожи; россиян немного больше волнуют матери-альные трудности, среди них также мень-ше тех, кто указал на отсутствие проблем.

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики (число упоминаний и процент, $N / \%$) для различных отношений к культуре и типов неблагоприятных событий в семьях
Descriptive statistics (number of mentions and percentage, $N / \%$) for different cultural attitudes and types of adverse family events

Связь с культурой и типы неблагоприятных событий / Cultural connection and types of adverse events	Вся выборка / All sample	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Беларусь / Republic of Belarus
Макроконтекст: культура и традиции / Macro-context: culture and traditions			
Прочная основа и защита / Solid foundation and protection	1037 / 48,98	525 / 44,91	510 / 53,97
Стремление к пониманию культуры / Striving for cultural understanding	328 / 15,49	196 / 16,77	132 / 13,97
Разрывы и противоречия в культуре / Gaps and contradictions in culture	542 / 25,60	324 / 27,72	217 / 22,96
Отдаленность от культуры / Remoteness from culture	210 / 9,92	124 / 10,61	86 / 9,10
Мезоконтекст: неблагоприятные события различных типов / Meso-context: adverse events of different types			
Болезнь / Disease	247 / 11,66	165 / 14,09	80 / 8,47
Проблемы в отношениях / Relationship problems	528 / 24,92	269 / 22,97	259 / 27,41
Смерть / утрата / Death / Loss	657 / 31,00	340 / 29,04	317 / 33,54
Материальные проблемы / Financial problems	202 / 9,53	146 / 12,47	56 / 5,93
Перемены в жизни / Changes in life	154 / 7,27	96 / 8,20	58 / 6,14
Экзистенциальные проблемы / Existential issues	38 / 1,79	16 / 1,37	22 / 2,33
Множественные трудности / Multiple problems	110 / 5,19	71 / 6,06	38 / 4,02
Не хочу говорить / No reply	16 / 0,76	8 / 0,68	8 / 0,85
Нет / No problems	167 / 7,88	60 / 5,12	107 / 11,32

Примечание: суммарное число респондентов в Российской Федерации и Республике Беларусь не совпадает с общим числом, так как три человека не указали страну проживания.

Note: the total number of respondents in the Russian Federation and the Republic of Belarus does not match the total number, since three people did not indicate their country of residence.

Из дальнейшего анализа были исключены респонденты, указавшие в качестве ТЖС проблемы в отношениях, способствующие большему дистанцированию в семьях. Исключение таких событий из общего анализа позволит избежать искусственного перекоса в сторону влияния проблем в отношениях на разрушение семейных связей, что не исказит информацию о других типах ТЖС. При этом под динамикой семейных отношений после ТЖС в данном исследовании понимается субъективная оценка респондентами изменений в качестве и интенсивности эмоционального взаимодействия между членами семьи, произошедших вследствие пережитого неблагоприятного события.

Сравнение групп респондентов, отметивших разную динамику семейных отношений после ТЖС («стала более близкой», «осталась прежней», «стала более дистантной») в зависимости от тяжести ТЖС, показало, что в обеих странах груз события обуславливает укрепление или разрушение связей внутри семьи нелинейно: события, оцениваемые респондентами выше 8 баллов, приводят либо к укреплению отношений в семье, либо к их разрушению. При этом события средней интенсивности практически ничего не меняют в семейных отношениях ($F(2,898) = 17,21; p = 0,001; \eta^2 = 0,04$ для российской и $F(2,683) = 43,96; p = 0,001; \eta^2 = 0,11$ для белорусской выборок). Средние оценки интенсивности ТЖС в группах с разной степенью сохранности семейных отношений («близкая» ср. знач. = 8,13, $N = 620$; «прежняя» ср. знач. = 6,78, $N = 678$; «дистантная» ср. знач. = 8,33, $N = 292$) для объединенной выборки России и Беларуси различают-

ся ($F(2,1587) = 59,35; p = 0,001; \eta^2 = 0,07$). Различий в оценках интенсивности между теми, у кого семейные отношения стали более близкими, и теми, у кого они стали более дистантными, нет (апостериорный критерий Тьюки, $p = 0,74$). Группа с семейными отношениями, оставшимися прежними, существенно ниже оценивает тяжесть ТЖС ($p < 0,001$ в обоих случаях).

Так как нас интересовал вопрос, какие факторы из разных контекстов (макро-, микро- и мезо-) могут способствовать укреплению семейных отношений в условиях очень тяжелого жизненного события (более 8 баллов по 10-балльной шкале), далее рассматривались две контрастные группы: группа, в которой отношения стали более близкими ($N = 620$), и группа, в которой отношения стали более дистантными ($N = 292$). Сначала проводились сравнения групп по всем показателям отдельно для выборок России и Беларуси, и только те различия, которые были статистически значимыми и в одной, и в другой выборке, имели величину эффекта d Коэна $\geq 0,20$ и $\eta^2 \geq 0,02$, принимались во внимание. Затем для избежания излишней детализации анализ проводился для объединенной выборки (РБ и РФ).

Анализ показал, что культура (макроконтекст) имеет некоторое значение для сохранения семейных отношений ($\chi^2 = 25,24; df = 3; p < 0,001; d$ Коэна = 0,34). Так, те респонденты, которые чувствуют прочную связь с культурой, чаще сохраняют и близкие отношения в семье после ТЖС (табл. 2). Респонденты, которые дистанцируются после ТЖС, почти в два раза чаще чувствуют отдаленность от культуры (14% vs 7% для респондентов с более близкой семейной связью после ТЖС).

Таблица 2 / Table 2

**Отношение к культуре в семьях с разной динамикой отношений
 после неблагоприятных событий: число человек и процент**
**Attitudes towards culture in families with different relationship dynamics
 after adverse events: number of people and percentage**

ТЖС / Adverse events	Отношения в семье после ТЖС / Family connections after the adverse events		
	Близкая / Close	Дис- тантная / Distant	Всего / Total
Прочная основа и защита / Solid foundation and protection	327	109	436
	52,83%	37,33%	
Стремление к пониманию культуры и традиций / Striving for cultural understanding	93	45	138
	15,02%	15,41%	
Разрывы и противоречия в культуре и традициях / Gaps and con- tradictions in culture	153	95	248
	24,72%	32,53%	
Отдаленность от традиций и культуры / Remoteness from culture	46	43	89
	7,43%	14,47%	
Всего / Total	619	292	911

Примечание / Note: ТЖС — трудные жизненные события / difficult life events.

Сравнения по характеристикам микроконтекста показали, что те, кто оценил отношения в семье после ТЖС как более близкие, чаще прибегают к использованию инструментальной социальной поддержки ($t(905) = 5,2, p < 0,001, d = 0,37$), активному совладанию ($t(905) = 5,1, p < 0,001, d = 0,37$), использованию эмоциональной социальной поддержки ($t(905) = 5,3, p < 0,001, d = 0,38$), подавлению конкурирующей деятельности ($t(905) = 3,5, p < 0,001, d = 0,25$). Респонденты, оценившие отношения в семьях после ТЖС как более дистантные, выше оценили критичность ($t(910) = 6,6, p < 0,001, d = 0,47$), элими-

нирование эмоций ($t(910) = 8,8, p < 0,001, d = 0,37$) и общий уровень семейных дисфункций ($t(910) = 5,4, p < 0,001, d = 0,38$) в родительских семьях.

Сравнение по характеристикам мезоконтекста (тип ТЖС) показало, что утрата (смерть близких) чаще приводит к усилению семейных связей, тогда как болезнь, перемены в жизни и множественные трудности — к дистанцированию членов семьи друг от друга ($\chi^2 = 51,01; df = 6; p < 0,001; d$ Коэна = 0,50; см. табл. 3).

Чтобы учесть роль всех контекстов, а также количественных, качественных, в том числе социодемографических переменных (пол, страна проживания, се-

Таблица 3 / Table 3

**Неблагоприятные события в семьях с разным типом отношений после них:
 число человек и процент (N / %)
 Types of adverse events in families with different types of communication
 after adverse events: number of people and percentage (N / %)**

ТЖС / Adverse events	Связь в семье после ТЖС / Family connections after the adverse events		
	Близкая / Close	Дистантная / Distant	Всего / Total
Болезнь / Disease	101	61	162
	17,06%	21,40%	
Смерть / утрата / Death / Loss	311	82	393
	52,53%	28,77%	
Материальные проблемы / Financial problems	71	42	113
	11,99%	14,74%	
Перемены в жизни / Changes in life	51	44	95
	8,61%	15,44%	
Множественные трудности / Multiple problems	44	38	82
	7,43%	13,33%	
Экзистенциальные проблемы / Existential issues	9	12	21
	1,52%	4,21%	
Не хочу говорить / No reply	5	6	11
	0,84%	2,11%	
Всего / Total	592	285	877

Примечание / Note: ТЖС — трудные жизненные события / difficult life events.

мейный статус, наличие и число детей), был применен метод построения дерева решений, в котором в качестве целевой группы выбрана группа респондентов, у которых семейные связи стали крепче после ТЖС. Этот метод позволяет просчитать риски и отобрать именно те показатели, которые имеют наибольшее влияние для попадания в целевую группу. Для дерева решений получено значение $AuROC = 0,74$, что говорит о приемлемом прогножном качестве. В 66,0% случаях правильно идентифицируется положительный результат (респондент

попадает в группу с более близкой семейной связью после ТЖС) и в 73,3% случаях правильно идентифицируется отрицательный результат (респондент попадает в группу с более дистантными семейными отношениями после ТЖС). Результаты моделирования позволяют выявить те показатели, которые наиболее тесно связаны с изменениями семейных отношений после ТЖС (см. Приложение А, рис. А).

Самым значимым показателем для включения в группу респондентов с более близкими отношениями после ТЖС

стало элиминирование эмоций в родительских семьях. Если этот показатель ниже 8 (медианное значение по всей выборке, $N = 2119$), шансы попасть в целевую группу более 80% (Приложение А, рис. А). Если в родительских семьях существовал интенсивный запрет на выражение эмоций, прежде всего — негативных, шансы укрепить связи в семье после ТЖС всего 20%. Поможет сплотить семью в этом случае использование инструментальной социальной поддержки и активное совладание. Если копинг-стратегия «Использование инструментальной социальной поддержки» применяется интенсивно (более 6 баллов, не менее медианного значения по всей выборке), как и активное совладание (более 7 баллов, не менее медианного значения по всей выборке), то шансы укрепить семейные отношения после ТЖС достигают 71%.

Самые низкие шансы (31%, Приложение А, рис. А) упрочить семейные отношения после ТЖС у тех респондентов, в родительских семьях которых часто транслировался запрет на выражение эмоций (не менее 8 баллов, медианное значение по всей выборке) и использовалась критика в адрес ребенка, когда он проявлял негативные эмоции, допускал ошибки в какой-либо деятельности (не менее 13 баллов, верхний квартиль по всей выборке). При этом человек реже использует инструментальную социальную поддержку (менее 6 баллов, медианного значения по всей выборке).

В модель попал один бинарный показатель, который характеризует такой тип ТЖС, как утрата. Утрата сплавляет семьи даже при запрете на выражение эмоций в родительских семьях (элими-

нирование эмоций более 8 баллов, медианное значение по всей выборке). При этом особую значимость приобретают копинг-стратегии: «Использование инструментальной социальной поддержки» и «Активное совладание». Шансы упрочить семейные связи после утраты при применении таких стратегий достигают почти 83% (Приложение А, рис. А), что сравнимо с группой респондентов с благополучием в родительских семьях в части элиминирования эмоций (82%). Другие ТЖС такого влияния на изменение семейных отношений не оказывают.

Социо-демографические показатели (пол, возраст, образование, наличие детей и их количество) не вошли в модель, хотя для некоторых из них шансы были статистически значимыми на первом шаге деления дерева, но на последующих этапах их статистическая значимость исчезла. Из модели исчез и показатель «Страна проживания». Уже на первом шаге деления он оказался статистически незначимым, что говорит о сходстве результатов, полученных для россиян и белорусов, и правомерности использования объединенной выборки.

Обсуждение результатов

«Семья чиста — крепко и государство». Если семья как основной социальный институт нездорова, государство будет «лихорадить тысячею неопределенных заболеваний» (Розанов, 1903, с. 101). Здоровье/нездоровье современной семьи, ее жизнеспособность и связность определяются множеством контекстуальных факторов, среди которых культура как элемент макросистемы (макроконтекст), неблагоприятные жизненные события семьи и уровень их ин-

тенсивности (мезоконтекст), внутренние ресурсы семьи (микроконтекст).

Культура и традиции служат прочной основой для россиян и белорусов. Тесная связь с культурой способствует укреплению, отдаленность от нее — разрушению отношений в семьях, последнее характерно для небольшой части респондентов и соответствует подмеченной в исследованиях тенденции к сочетанию «традиционализма» и «модернизации», доминированию индивидуалистических ценностей над коллективистскими в культурах двух стран (Сапоровская, 2020; Титаренко, 2022). Тем не менее стремление к поиску духовной опоры в культуре и традициях по-прежнему свойственно для большинства россиян и белорусов.

Груз события способствует либо укреплению, либо разрушению связей внутри семьи, а события средней интенсивности почти ничего не меняют в семейных отношениях, что обусловлено субъективными оценками тяжести ТЖС. По мнению R. Hill, в предложенном им уравнении $ABC = X$ предрасположенность семьи к кризисам объясняется, прежде всего, факторами группы «С», то есть субъективными оценками уровня интенсивности ТЖС в семье. Автор считает, что даже семьи, имеющие объективно достаточные ресурсы для того, чтобы справиться с трудностями, но считающие их непреодолимыми, становятся уязвимыми к стрессу (Hill, 1958), поэтому возникает необходимость учета уровня тяжести ТЖС для семьи.

В исследованиях также показано, что атмосфера родительской семьи, особенно запрет на выражение негативных эмоций, подмена искренних реакций ритуализированными и кри-

тика негативно сказываются на семейных отношениях после неблагоприятного события (Гусарова и др., 2024), что также согласуется с полученными нами результатами. Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис предупреждают, что в результате блокируется возможность обращения за поддержкой, накапливается стресс и снижается адаптивность семейной системы (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008). Однако в данном исследовании было уточнено, что столкновение семьи с утратой как травматическим событием тем не менее сплавивает семьи даже при неблагоприятных отношениях в родительских семьях. На этот счет в научной литературе обнаружены противоречивые результаты, но показано, что сплоченность, проявление привязанности в семьях значительно смягчают симптоматику горя (Delalibera et al., 2015). Мы установили, что «использование инструментальной социальной поддержки» и «активное совладание» являются буфером для разрушения семейных отношений. В исследованиях также показано, что, например, диадический копинг (стремление оказать поддержку друг другу, совместное решение проблем и т.п.) способствует укреплению отношений в семье в условиях самоизоляции (Бонкало и др., 2020), и, наоборот, непродуктивные копинг-стратегии (отказ от активности, избегание) препятствуют выстраиванию близких отношений (Куфтяк, 2021).

При этом социо-демографические показатели (пол, возраст, образование, наличие детей и их количество, семейный статус) не оказывают влияния на динамику отношений в семьях при столкновении с высоким уровнем сложности ТЖС.

Психологическую помощь семье по развитию ее сплоченности можно выстроить в логике жизненной модели, разработанной Н.В. Гришиной (Гришина, 2022):

- когнитивный компонент (система общих для семьи убеждений, установок, субъективные оценки типа и степени интенсивности ТЖС);
- аффективный компонент (переживание значимости отношений, особенно в семьях с историей эмоциональных запретов и критики; оценки и характер совместных эмоциональных переживаний, сопровождающих ТЖС, отношение к культуре и традициям);
- поведенческий компонент (совместная активность и вовлеченность в решение проблем, поиск ресурсов).

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует сложное сочетание контекстуальных факторов, оказывающих влияние на динамику отношений в семьях россиян и белорусов в условиях высокой интенсивности неблагоприятных событий. Выводы свидетельствуют о том, что:

1. Культура является важным ресурсом и способствует сохранению отношений в семье, отчуждение от культуры повышает риск ослабления семейных связей.

2. События высокой степени тяжести приводят к полярным исходам: либо укрепляют, либо разрушают связи в семьях, а события средней интенсивности обычно не меняют характер семейных отношений. Особенно заметно спланивает семью утрата близких, тогда как болезни, материальные трудности и множественные проблемы чаще отдаляют членов семьи друг от друга.

3. Большую роль играют внутрисемейные контекстуальные факторы: об-

ращение за социальной поддержкой и активное совладание, которые выступают ключевыми компенсаторными механизмами, способствующими укреплению внутрисемейных отношений даже в условиях высокой интенсивности ТЖС и дисфункционального опыта, полученного в родительской семье.

Ограничения. В выборке преобладали женщины, что отражает их большую вовлеченность в подобные исследования и открывает возможности для целенаправленного изучения мужской выборки. Макроконтекст изучался с помощью проективной методики, что дало интересные результаты, которые можно дополнить стандартизованными инструментами. Требуется дальнейшего изучения динамика отношений в семьях после иных ТЖС с учетом их детализации, а также включение других членов семей в исследования для поиска сильных сторон в семейных историях. Более трети выборки указали на отсутствие текущих партнерских отношений, но их предыдущий опыт отношений в рамках данного исследования не уточнялся, что может стать отдельным направлением для анализа.

Limitations. The sample was dominated by women, which reflects their greater involvement in such studies and provides an opportunity for a more targeted investigation of male participants. The macro-context was examined using a projective technique that yielded valuable results, which could be further complemented by standardized assessment tools. Future research should explore the dynamics of family relationships following other types of difficult life situations, taking into account their specific characteristics, as well as involve

other family members to identify potential strengths within family histories. More than one-third of participants reported the absence of a current partnership; however,

their previous relationship experiences were not addressed in this study, which could serve as a promising direction for future analysis.

Список источников / References

1. Антонов, А.И. (2022). *Микросоциология семьи*. М.: ИНФРА-М.
Antonov, A.I. (2022). *Microsociology of the family*. Moscow: INFRA-M.
2. Берсирова, А.К. (2023). Сплоченность как фактор позитивных отношений в семье в условиях неопределенности: представления молодых людей. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(4), 10–16. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-4-10-16>
Bersirova, A.K. Cohesion as a factor of positive family relations in conditions of uncertainty: Young people's ideas. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 6(4), 10–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-4-10-16>
3. Бонкало, Т.И., Маринова, Т.Ю., Феоктистова, С.В., Шмелёва, С.В. (2020). Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии. *Социальная психология и общество*, 11(3), 35–50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>
Bonkalo, T.I., Marinova, T.Yu., Feoktistova, S.V., Shmeleva S.V. (2020). Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the Family: an Empirical Study in a Pandemic. *Social Psychology and Society*, 11(3), 35–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>
4. Гришина, Н.В. (2022). Человек в отношениях с окружающим миром: описание контекста. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 22–39. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.03>
Grishina, N.V. (2022). Man in Relations with the Environment: Context Descriptions. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 22–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.03>
5. Гуриева, С.Д., Юмкина, Е.А., Васина, Е.А., Кузнецова, И.В. (2024). Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ. *Социальная психология и общество*, 15(3), 38–59. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>
Gurieva, S.D., Yumkina, E.A., Vasina, E.A., Kuznetsova, I.V. (2024). Value Orientations in a Family: a Sociopsychological Analysis. *Social Psychology and Society*, 15(3), 38–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>
6. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Козырева, Н.В., Кузьмина, Е.И. (2024). «Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS-RII: новая версия». *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 8–32. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Kozyreva, N.V., Kuzmina, E.I. (2024). Family Resilience Assessment Scale (FRAS-RII): A New Version. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(1), 8–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
7. Доброхлеб, В.Г., Ефанова, О.А. (2023). Семейный потенциал как составляющая человеческого потенциала регионов России. *Народонаселение*, 26(4), 99–109. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.9>

- Dobrokhleb, V.G., Efanova, O.A. (2023). Family potential as a component of the human potential of Russian regions. *Population*, 26(4), 99—109. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.9>
8. Елина, В.С., Козырева, Н.В., Мусохранова, Е.Г. (2025). *Ответы семьи на вызовы современности: Набор данных*. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. Москва. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/t6ep-34nb-d9nn>
- Elina, V.S., Kozyreva, N.V., Musokhranova, E.G. (2025). *Family responses to modern challenges: Data set*. RusPsyData: Repository of psychological research and instruments. Moscow. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/t6ep-34nb-d9nn>
9. Котовская, С.В., Захарова, Н.Л., Беленкова, Л.Ю. (2024). Роль семейных взаимосвязей в формировании жизнеспособной и благополучной личности студента с инвалидностью и / или ограниченными возможностями здоровья. *Социальная психология и общество*, 15(3), 126—142. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150308>
- Kotovskaya, S.V., Zakharova, N.L., Belenkova, L.Yu. (2024). The Role of Family Relations in the Formation of a Resilient and Prosperous Personality of a Student with Disabilities. *Social Psychology and Society*, 15(3), 126—142. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150308>
10. Куфтыак, Е.В. (2021). Взаимосвязь привязанности и совладающего поведения у взрослых. *Консультативная психология и психотерапия*, 29(1), 28—43. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290103>
- Kuftyak, E.V. (2021). Interrelation of Attachment and Coping Behavior in Adults. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 29(1), 28—43. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290103>
11. Махнач, А.В. (2016). *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: Институт психологии РАН.
- Makhnach, A.V. (2016). *Human and family resilience: a socio-psychological paradigm*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
12. Махнач, А.В. (2024). Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности. *Социальная психология и общество*, 15(3), 5—20. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>
- Makhnach, A.V. (2024). Research Trends in Family Psychology: from Disadvantage to Resilience. *Social Psychology and Society*, 15(3), 5—20. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>
13. Москвичева, Н.Л., Реан, А.А., Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Зиновьева, Е.В. (2019). Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями. *Психологическая наука и образование*, 24(3), 5—18. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240301>
- Moskvicheva, N.L., Rean, A.A., Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinovieva, E.V. (2019). Life Models in Young People: Ideas of Future Family and Impacts of Parental Models. *Psychological Science and Education*, 24(3), 5—18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2019240301>
14. Одинцова, М.А., Лубовский, Д.В., Гусарова, Е.С., Иванова, П.А. (2022a). Проективная методика «Пространство дерева и света» как навигатор по детскому опыту отношений в родительской семье у взрослых. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(3), 68—91. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300305>
- Odintsova, M.A., Lubovsky, D.V., Gusarova, E.S., Ivanova, P.A. (2022). The Projective Technique “Space of Trees and Light” as a Navigator of Childhood Experience of Family Relationships in Adults. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 30(3), 68—91. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300305>

15. Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П., Александрова, Л.А. (2022б). COPE-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 247–275. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.11>
Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Aleksandrova, L.A. (2022). COPE-30: psychometric properties of the short version of the Russian language inventory for coping strategies evaluation. *Moscow University Psychology Bulletin*, 4, 247–275. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.11>
16. Розанов, В.В. *Семейный вопрос в России. Том 1*. СПб., 1903.
Rozanov, V.V. *The family question in Russia. Vol. 1*. St. Petersburg, 1903.
17. Сапогова, Е.Е., Горелкина, М.А. (2021). Психосемантические аспекты семейной микрокультуры. *Сибирский психологический журнал*, 80, 67–90. <https://doi.org/10.17223/17267080/80/4>
Sapogova, E.E., Gorelkina, M.A. (2021). Psychosemantic Aspects of Family Microculture. *Siberian journal of psychology*, 80, 67–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/80/4>
18. Сапоровская, М.В. (2020). Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 26(4), 48–54. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54>
Saporovskaya, M.V. (2020). Intergenerational conflict and psychological well-being of family. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 26(4), 48–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54>
19. Титаренко, Л.Г. (2022). Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода. *Женщина в российском обществе*, 3, 118–130. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.8>
Titarenko, L.G. (2022). The young Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition. *Woman in Russian Society*, 3, 118–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.8>
20. Тюрин, К.А. (2023). Семья и «культура семейности»: традиция и современность. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 6(116), 53–63. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>
Tyurin, K.A. (2023). Family and the “culture of familism”: tradition and modernity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 6(116), 53–63. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>
21. Тюрин, К.А. (2024). Культура семейности: вызовы времени. *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*, 1(52), 31–45. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-31-45>
Tyurin, K.A. (2024). The culture of familiarity: challenges of the time. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*, 1(52), 31–45. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-31-45>
22. Холмогорова, А.Б., Воликова, С.В., Сорокова, М.Г. (2016). Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации». *Консультативная психология и психотерапия*, 24(4), 97–125. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>
Kholmogorova, A.B., Volikova, S.V., Sorokova, M.G. (2016). Standardization of the test “Family Emotional Communication”. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(4), 97–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>

23. Эйдемиллер, Э.Г., Юстицкис, В. (2008). Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер (672).
Eidemiller, E.G., Justickis, V. (2008). Psychology and family psychotherapy. Saint Petersburg: Piter (672).
24. Antonovsky, A., Sourani, T. (1988). Family Sense of Coherence and Family Adaptation. *Journal of Marriage and the Family*, 50(1), 79–92. <http://dx.doi.org/10.2307/352429>
25. Bustos, Y., Santiago, C.D. (2023). Effects of Familism, Parenting, and Family Cohesion on Child Internalizing Symptoms among Mexican Immigrant Families. *Journal Child and Family Studies*, 32, 243–256. <https://doi.org/10.1007/s10826-022-02423-w>
26. Bowlby, J. (1988). *A secure base: Parent-child attachment and healthy human development*. Basic Books.
27. Bowen, M. (1976). Theory in the practice of psychotherapy. In P.J. Guerin Jr. (Ed.), *Family therapy: Theory and practice* (pp. 42–90). New York: Garner Press.
28. Cecen, A.R., Mert, M.A. (2023). Sense of Coherence, Family Sense of Coherence and Psychological Distress: The Mediating Role of Self Satisfaction. *International Journal Mental Health and Addiction*. <https://doi.org/10.1007/s11469-023-01185-w>
29. Cohrdes, C., Meyrose, A.K., Ravens-Sieberger, U., Holling, H. (2023). Adolescent Family Characteristics Partially Explain Differences in Emerging Adulthood Subjective Well-Being After the Experience of Major Life Events: Results from the German KiGGS Cohort Study. *Journal Adult Development*, 30, 237–255. <https://doi.org/10.1007/s10804-022-09424-5>
30. Delalibera, M., Presa, J., Coelho, A., Barbosa, A., Franco, M.H. (2015). Family dynamics during the grieving process: a systematic literature review. *Ciencia Saude Coletiva*, 20(4), 1119–1134. <https://doi.org/10.1590/1413-81232015204.09562014>
31. Eyetsemitan, F.E. (2025). Culture, Resilience, and Coping with Loss. In: Cultural Influences in Coping with Grief. Springer, Cham, 103–117. https://doi.org/10.1007/978-3-031-86817-7_9
32. Heim, Ch., Heim, C. (2025). How Long-Term Couples Cope with Chronic Stressors and Adverse Life Course Events in Marriage: A Qualitative Study. *The American Journal of Family Therapy*, 1–23. <https://doi.org/10.1080/01926187.2025.2459688>
33. Hill, R. (1958). Generic features of families under stress. *Social Casework*, 39, 139–150. <https://doi.org/10.1177/1044389458039002-318>
34. Gervais, C., Jose, P. (2024). Relationships Between Family Connectedness and Stress-Triggering Problems Among Adolescents: Potential Mediating Role of Coping Strategies. *Research Child Adolescent Psychopathology*, 52, 237–251. <https://doi.org/10.1007/s10802-023-01122-4>
35. Eyetsemitan, F.E. (2025). Culture, Resilience, and Coping with Loss. In: Cultural Influences in Coping with Grief. Springer, Cham, 103–117. https://doi.org/10.1007/978-3-031-86817-7_9
36. Lee, J.Y., Volling, B.L., Lee, S.J. (2021). Material Hardship in Families with Low Income: Positive Effects of Coparenting on Fathers' and Mothers' Parenting and Children's Prosocial Behaviors. *Frontiers in psychology*, 12:729654. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.729654>
37. Lei, X., Kantor, J. (2020). Study on Family Cohesion and Adaptability of Caregivers of Children with ASD and Its Influencing Factors. *Social Psychology and Society*, 11(3), 70–85. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110305>
38. Ma, M., Gao, R., Wang, Q., Qi, M., Pi, Y., Wang, T. (2023). Family adaptability and cohesion and the subjective well-being of parents of children with disabilities: the mediating role of coping style and resilience. *Current Psychology*, 42, 19065–19075. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03094-y>

39. Mersky, J.P., Lee, C.P., Liu, X. (2025). Advancing the Study of Adverse Adult Experiences: A Validation Study of the Adult Experiences Survey. *Journal Family Violence*. <https://doi.org/10.1007/s10896-025-00817-0>
40. N meth, L., Bern th, L. (2022). The Mediating Role of Global and Contingent Self-Esteem in the Association Between Emerging Adults' Perceptions of Family Cohesion and Test Anxiety. *Journal Adult Development*, 29, 192–204. <https://doi.org/10.1007/s10804-022-09396-6>
41. Olson, D.H. (1986). Circumplex Model VII: validation studies and FACES III. *Fam Process*, 25(3), 337–351. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.1986.00337.x>
42. Shek, D.T.L., Tang, Y.T., Li, X. (2025). Family Functioning and Meaning in Life among Chinese Pre-adolescents and Adolescents: A 4-wave Longitudinal Study. *Child Indicators Research*. <https://doi.org/10.1007/s12187-025-10238-6>
43. Walsh, F. (2023). Promoting Family Resilience. In: Goldstein, S., Brooks, R.B. (eds.), *Handbook of Resilience in Children*. Springer, Cham, 365–375. https://doi.org/10.1007/978-3-031-14728-9_20

Приложение / Appendix

Приложение А. Рисунок. Дерево классификации для показателя «Близкая связь в семье после трудных жизненных событий» ($N = 912$). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160406>

Appendix A. Drawing. Classification tree for the indicator *Close family connection after the adverse events* ($N = 912$). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160406>

Информация об авторах

Мария Антоновна Одинцова, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Наталья Павловна Радчикова, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Нина Вячеславовна Козырева, кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии инклюзивного образования, Институт инклюзивного образования, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (БГПУ), Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-0925>, e-mail: kozyreva_nina@tut.by

Information about the authors

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Professor, Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Head of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Nataly P. Radchikova, PhD in Psychology, Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Nina V. Kozyreva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Inclusive Education, Institute of Inclusive Education, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-0925>, e-mail: kozyreva_nina@tut.by

Вклад авторов

Одинцова М.А. — идея исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Радчикова Н.П. — применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования, написание и оформление рукописи.

Козырева Н.В. — проведение исследования; сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria A. Odintsova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Nataly P. Radchikova — application of statistical methods for data analysis; conducting the experiment; visualization of research results; writing and design of the manuscript.

Nina V. Kozyreva — conducting the experiment; data collection and analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 13.05.2025

Поступила после рецензирования 12.09.2025

Принята к публикации 05.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.05.13

Revised 2025.09.12

Accepted 2025.12.05

Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

Трудные жизненные ситуации студентов в разных социальных и жизненных контекстах

Э.Н. Ходаковская ✉, С.К. Нартова-Бочавер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ ekhodakovskaia@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современная студенческая молодежь — это группа высокой психологической уязвимости в силу высокого социального давления и контекстуальных напряжений, вызванных глобальными и локальными угрозами. Идентификация трудных жизненных ситуаций (ТЖС) студенческой молодежи необходима для грамотно организованной поддержки ее психологического благополучия.

Цель. Исследовать частоту и паттерны ТЖС, отмечаемых представителями студенческой молодежи в разных жизненных контекстах.

Исследовательский вопрос. Какие ТЖС отмечают студенты, находящиеся в условиях напряжений и угроз различной интенсивности и природы?

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 689 студентов из Москвы и Луганска ($M_{\text{возраст}} = 19,6$; $SD_{\text{возраст}} = 2,3$; 478 женского пола, 206 мужского). Участники исследования образовали шесть групп в зависимости от текущих обстоятельств жизни: пандемия COVID-19, студенты программы социального лифта, студенты, имеющие родственников на специальной военной операции (СВО), студенты, обучающиеся в прифронтовой зоне, студенты, обучающиеся в прифронтовой зоне с родственниками на СВО и участники СВО. Воспринимаемые ТЖС исследовались при помощи чек-листа «Трудные жизненные ситуации современной обучающейся молодежи».

Результаты. Показано, что частоты всех кластеров ТЖС различаются в изученных группах; при этом в каждой из них наличествует свой специфический паттерн ТЖС. Самые высокие частоты ТЖС наблюдаются в группе студентов, наблюдаемых во время пандемии, а самые низкие — в группе студентов из прифронтовой зоны и у участников СВО. По мере приближения контекста жизни к реалиям СВО меняется паттерн ТЖС: приоритеты рутинной студенческой жизни замещаются беспокойством из-за потерь, а недостаток ресурсов отмечается реже.

Выводы. Нет однозначной связи содержанием жизненного контекста представителей студенческой молодежи и отмечаемыми ТЖС. Ставится вопрос о дополнительных переменных, опосредствующих связь между объективными обстоятельствами жизни и восприимчивостью к ТЖС.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, студенты, стресс, пандемия, специальная военная операция (СВО)

Ходаковская Э.Н., Нартова-Бочавер С.К. (2025)
Трудные жизненные ситуации студентов
в разных социальных и жизненных контекстах
Социальная психология и общество,
16(4), 109–126.

Khodakovskaya E.N., Nartova-Bochaver S.K. (2025)
Difficult life situations of students in various
social and life contexts
Social Psychology and Society,
16(4), 109–126.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Ходаковская, Э.Н., Нартова-Бочавер, С.К. (2025). Трудные жизненные ситуации студентов в разных социальных и жизненных контекстах. *Социальная психология и общество*, 16(4), 109–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160407>

Difficult life situations of students in various social and life contexts

E.N. Khodakovskaya ✉, S.K. Nartova-Bochaver

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ ekhodakovskaia@hse.ru

Abstract

Context and relevance. Modern student youth is a group of high psychological vulnerability due to high social pressure and contextual tensions caused by global and local threats. Identification of difficult life situations (DLS) of modern students is necessary for well-organized support of their psychological well-being.

Objective. To investigate the frequency and patterns of DLS observed by representatives of student youth from different life contexts.

Research question. Which DLS are identified by the students under the tensions and threats of varying intensity and nature?

Methods and materials. 689 students from Moscow and Lugansk participated in the study ($M_{age} = 19,6$; $SD_{age} = 2,3$; 478 females, 206 males). The study participants formed six groups, depending on the current life circumstances: the COVID-19 pandemic, students of the social lifting group, students with relatives in the special military operation (SMO), students studying in the frontline zone, students studying in the frontline zone and having relatives in SMO, and SMO participants. The content of the DLS was measured using the checklist “Difficult life situations of modern youth in education (DLS-stud)”.

Results. It is shown that the frequencies of almost all DLS clusters differ in the studied groups; at the same time, each of them has its own specific DLS pattern. The highest frequencies of DLS severity were observed in the group of pandemic students, and the lowest frequencies — in the group of SMO participants. As the context of life approaches the SMO realities, the DLS patterns change: priorities of routine student life are replaced by fear of losses, and lack of resources is mentioned less often. **Conclusions.** There is no direct relationship between the content and intensity of the stress experienced and the perception of difficulties in current life. The question is raised about additional variables mediating the relationship between objective stress and subjective sensitivity to difficulties. There is no unique connection between the content of the life context of students and the observed DLS. The question is raised about additional variables mediating the relationship between the objective circumstances of life and susceptibility to DLS.

Keywords: difficult life situation, students, stress, pandemic, special military operation (SMO)

Funding. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Khodakovskaya, E.N., Nartova-Bochaver, S.K. (2025). Difficult life situations of students in various social and life contexts. *Social Psychology and Society*, 16(4), 109–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160407>

Введение

Настоящая работа посвящена восприятию трудных жизненных ситуаций (ТЖС) российскими студентами, находящимися в разных жизненных обстоятельствах. В широком смысле слова ситуации — это субъективное отражение обстоятельств, в которых находится человек, включая его оценку значимости этих обстоятельств, последствий для дальнейшего жизненного пути и своих ресурсов совладания с ними (Анцыферова, 1994; Нартова-Бочавер, Ходаковская, Юрчук, 2024; Kay, Saucier, 2023; Rauthmann, Sherman, 2021; Shui et al., 2024); это всегда результат взаимодействия некоторой объективной данности и субъективного отношения к ней.

ТЖС, согласно определению Федерального закона № 358-ФЗ, это обстоятельства, ухудшающие условия жизнедеятельности гражданина, последствия которых он не может преодолеть самостоятельно (Федеральный закон..., 2016). Таким образом, законодательство фиксирует объективное содержание трудных ситуаций. Описывая качества ТЖС как субъективного феномена, Е.В. Битюцкая отмечает переживаемое человеком беспокойство, ресурсоемкость, неподконтрольность и неопределенность развития событий, необходимость быстрого реагирования, трудность принятия решения и опасения относительно собственной компетентности (Битюцкая, 2023; Би-

тюцкая, Докучаева, Корнеев, 2025). В психологии понятие «трудные жизненные ситуации» объединяет травматические, напряженные или кризисные ситуации. В рамках нашего исследования мы понимаем ТЖС как результат взаимодействия реальных жизненных обстоятельств и субъективной восприимчивости к ним, следствием чего является переживание тревоги, утраты контроля над событиями своей жизни и ощущение дефицита возможностей совладать с этими обстоятельствами. Напряжения и стрессоры — это объективные источники ТЖС, стресс — это субъективный ответ на присутствие объективных источников, ТЖС — результат их взаимодействия. Таким образом, ТЖС — это объективно-субъективный феномен.

Разрушительные последствия длительных напряжений детально изучены к настоящему времени (Абрамов, Мельниченко, Бабура, 2023; Ряполова, Бойченко, Токарева, 2024), однако напряжение мобилизует организм и для продуктивного ответа; в широком смысле слова стресс, как и ТЖС, в которых он выражается, — это неотъемлемая часть человеческой жизни (Selye, 1978). К. Лоренц в продолжение этой мысли отмечал, что отсутствие естественных препятствий, преодоление которых закаляло бы человека, прививало ему терпимость к неудовольствию и в случае успеха приносило радость, приводит к изнеженности

и в конечном счете к «тепловой смерти чувства» — неспособности различать существенные и несущественные события жизни (Лоренц, 1992). Изнеженность делает человека гиперчувствительным к незначительным нарушениям комфорта, значение которых неправомерно переоценивается. К. Лоренц приводит примеры успешных терапевтических воздействий через включение в естественные ситуации испытаний (например, отправки «скучающих» молодых людей на станции спасения утопающих); эти опыты принесли подлинное исцеление многим пациентам, по выражению К. Лоренца, «выбивая из них дурь».

Еще один медиатор связи объективного напряжения и субъективной картины трудности ситуации — это понимание смысла происходящего, принятие обстоятельств, даже трудных и драматичных. В период пандемии было очень мало понимания ее причин, вплоть до иррациональных и конспирологических (Sawicki et al., 2022), что затрудняло продуктивную мобилизацию. В то же время «жизнь под пулями», осмысливаясь и принимаясь как текущая данность, оказывается психологически разрушительной не всегда, запуская конструктивные механизмы совладания (Абрамов, Мельниченко, Бабур, 2023). Таким образом, воздействие реальных испытаний неоднозначно и может приводить к различным эффектам для психологического благополучия и мироотношения человека.

Можно говорить о разных объективных источниках ТЖС. Р. Лазарус в контексте проблемы совладания дифференцировал ситуации воспринимаемой угрозы, потери или вызова (Lazarus, 1966): все они создают напряжение, од-

нако имеют различную природу и создают разные риски. В российской исследовательской традиции различают воздействия различной разрушительной силы. Так, стресс высокой интенсивности вызван наблюдением смерти или угрозой смерти для самого человека или его близких; подобные события не могут оставаться незамеченными и всегда квалифицируются человеком как ТЖС (Харламенкова, 2017). В отличие от этого, повседневный стресс возникает в результате многочисленных рутинных напряжений, например, необходимости изучать неинтересный предмет или выполнять неперспективные профессиональные обязанности (Довжик, Бочавер, 2020). Повседневный стресс не всегда осознается как ТЖС, однако обладает кумулятивным эффектом, в некоторый момент приводя к психологическому срыву. В последнее время стали также выделять стресс от так называемых невидимых угроз — травматичных ситуаций (например, пандемия COVID-19), в которых источником знаний человека о возможных проблемах являются СМИ либо правительственные институты (Быховец, 2023). Перечисленные стрессы могут сочетаться, встраиваясь в сложную структуру ТЖС.

Таким образом, не существует универсальных ТЖС, вызывающих напряжение у каждого, поскольку находящиеся в объективно схожих условиях люди могут обладать разной чувствительностью к ситуациям — склонностью вовлекаться в инициируемое ситуацией поведение, испытывать активирующие это поведение эмоции и продуцировать осознанную цель. Конечный результат (реакция), согласно исследованиям

Г. Блум и М. Шмитта, зависит со стороны личности от порога чувствительности, предрасположенности к некоторому поведению, способности избежать вовлеченности в ситуацию и, наконец, вариативности реагирования (Blum, Schmitt, 2017). Со стороны объективной ситуации на конечный исход влияют требования к человеку, предоставление альтернатив, наличие ограничений и, наконец, избирательность воздействия на человека, то есть адресованность носителям определенных психологических свойств. Описывая взаимодействие личности и ситуации, Г. Блум и М. Шмитт разделяют синергетические или компенсаторные эффекты. Чаще личность и ситуация усиливают друг друга (синергия), поскольку: 1) индивидуальные особенности делают человека чувствительным к тем функционально важным сигналам, которые содержатся внутри ситуации, 2) люди кодируют ситуации, исходя из своих личностных черт и 3) в зависимости от собственной системы ценностей люди придают разный вес свойствам ситуации. Несколько реже, однако, случается, что люди находят в ситуациях дополнение своим личностным особенностям, и тогда личность и ситуация могут «гасить» друг друга (компенсация).

Сложность взаимодействия личности и ситуации, особенно трудной, позволяет заключить, что этот процесс имеет нелинейный характер: объективно угрожающая ситуация может восприниматься человеком как нормативная, а ситуация невысокого повседневного стресса — как угрожающая. Эмпирические исследования показывают, что ситуации угрозы не всегда приводят к истощению, в некоторых случаях индуцируя посттрав-

матический рост и переживание экзистенциальной наполненности (Абрамов, Мельниченко, Бабура, 2024; Джозеф, 2015; Нартова-Бочавер, Пак, 2022). Ситуации высокоинтенсивного стресса могут, в соответствии с рассуждениями К. Лоренца (1992), вызывать десенсибилизацию к повседневным неприятностям, делая их субъективно незначимыми. Однако данные о взаимодействии объективных трудностей и субъективной картины переживаемого события пока остаются фрагментарными и противоречивыми.

Мы сосредоточились на изучении ТЖС студенческой молодежи — особой социо-возрастной группы, неслучайно привлекающей внимание многочисленных исследований (Клементьева, 2023; Кон, 1979; Levinson, 1986). Молодость — это сложный и неустойчивый «предвзрослый» период, характеризующийся расширением ролевого диапазона, нестабильностью и плотностью определяющих жизненных событий. Социальные изменения последних десятилетий (технологическая и сексуальная революции, движения за права женщин и молодежи) существенно повлияли на тайминг взросления и привели к выделению так называемой становящейся взрослости как особой траектории становления молодых людей и девушек, профессии которых требуют длительных временных и энергетических затрат (Нартова-Бочавер и др., 2024). Типичные представители этой траектории — студенческая молодежь, фокусом жизненных интересов которой является приобретение высокотребовательных к интеллекту профессий. В силу этого привычные критерии взросления (приобретение стабильной профессии, начало трудовой деятель-

ности, материальная независимость от родителей и т.д.) начинают пересматриваться, а внеучебные жизненные задачи отодвигаются на более поздний срок или не решаются вообще.

Согласно исследованиям Дж. Арнетта, представители становящейся взрослости характеризуются «пятизвездием» черт, присущих этому возрастному периоду: это исследование собственной идентичности, нестабильность, сосредоточенность на себе, ощущение себя между подростком и взрослым и оптимистичное ощущение будущих возможностей (Arnett, 2000; Arnett, Mitra, 2024; Yerofoyeva et al., 2024). Это внутренне противоречивое «пятизвездие» способствует тому, что студенческая молодежь по сравнению с теми, кто следует традиционной траектории взросления, оказывается более уязвимой, так как к нормативным вызовам молодости добавляются еще и требования высокого социального давления (Тихомирова и др., 2024; Robinson, 2020). Исследования показывают, что именно группа молодых интеллектуалов наименее психологически устойчива.

Цель нашего эмпирического исследования — изучить частоту и паттерны ТЖС, отмечаемых представителями студенческой молодежи, находящимися в разных жизненных контекстах. В отсутствие большого массива однородных данных о влиянии объективных обстоятельств на субъективные ТЖС мы воздерживаемся от выдвижения конкретных гипотез, предлагая *исследовательский вопрос*: какие ТЖС отмечают студенты, находящиеся в разных жизненных и социальных контекстах? Таким образом, условно независимой переменной является реальный контекст жизни студентов, условно зависимой — восприятие ТЖС.

Материалы и методы

Участники исследования. Всего участвовало 689 студентов из Москвы и Луганска ($M_{\text{возраст}} = 19,6$, $SD_{\text{возраст}} = 2,3$; 478 (69,4%) женского пола, 206 (29,9%) мужского, 5 (0,7%) респондентов не обозначили свой пол); 667 обучались в бакалавриате, 21 — в магистратуре. Вся выборка была разделена на шесть подвыборки в зависимости от объективного контекста жизни студентов, включающего стрессы различной интенсивности и содержания. Демографические характеристики групп представлены в Приложении А, табл. А.

Состав групп в целом отражает реальное положение дел, демонстрируя экологическую валидность исследования: участниц женского пола больше, поскольку их вообще больше среди студентов, студенты-участники СВО (Группа 6) обучаются в магистратуре и несколько старше остальных студентов, также в соответствии с реально сложившейся картиной. Группа 6 в силу ее малочисленности оставлена в качестве кейса для иллюстрации, но не учитывалась в статистическом анализе.

Опишем жизненные обстоятельства каждой из шести групп.

Группа 1 (120 респондентов, из них 78 женского пола, 42 мужского) — это типичные московские студенты, опрошенные в начале распространения пандемии COVID-19 в России, когда мир впервые столкнулся с глобальной угрозой такого охвата, а университеты впервые за историю высшего образования массово переходили на обучение онлайн в условиях самоизоляции. Общая тревога в обществе была очень высокой; ее источниками были и невидимая угроза, и интенсивный стресс, связанный с беспокойством за собственные здоровье и жизнь, здоровье и жизнь близ-

ких, и перманентное переживание повседневного стресса, связанного с большим количеством рутинных изменений (Быховец, 2023; Нестик, Задорин, 2020; Sawicki et al., 2022). Отметим, однако, что интенсивный стресс переживался в условиях стабильной геополитической обстановки и высокой международной взаимопомощи.

Группа 2 (86 респондентов, из них 60 женского пола, 26 мужского) — студенты, обучающиеся по программе «Социальный лифт». Программа направлена на абитуриентов, которые в силу различных социальных факторов и жизненных обстоятельств (например, дети из малообеспеченных семей, дети родителей, признанных нетрудоспособными или имеющих инвалидность I или II группы) не могут конкурировать за бюджетные места с большинством поступающих, равно как и не могут оплачивать свое обучение. Эти студенты обучаются за счет средств вуза, получают гарантированное место в общежитии и дополнительные материальные выплаты. Изменения образовательной траектории и получение неудовлетворительных оценок в рамках программы недопустимы. Таким образом, для студентов группы 2 обучение — ситуация вызова, достижение результата возможно через преодоление трудностей. Студенты обучаются с теми, кто набрал больше баллов при поступлении и лучше подготовлен, поэтому молодые люди сразу настроены и на преодоление трудностей в учебе, и на достижение результата (освоение выбранной образовательной программы). Однако невидимые угрозы или угрозы, вызывающие интенсивный стресс, как типичные для группы источники напряжения отсутствуют.

Группа 3 (99 респондентов, из них 74 женского пола, 25 мужского) — московские студенты, близкие родственники

участников СВО, обучающиеся за счет средств вуза. Эти студенты испытывают интенсивный стресс в связи со смертью или с постоянной угрозой смерти члену семьи, что продолжается длительное время.

Группа 4 (294 респондента, из них 210 женского пола, 79 мужского, 5 не обозначили свой пол) — луганские студенты, обучающиеся во время СВО в прифронтовой зоне. Это группа молодых людей, нацеленных на мирную жизнь и карьеру. Реалии СВО создают угрозу жизни и благополучию, а также риск потерь; трудности в обучении приводят еще и к повседневному стрессу.

Группа 5 (77 респондентов, из них 55 женского пола, 22 мужского) — луганские студенты, обучающиеся во время СВО в прифронтовой зоне, родственники которых участвовали/уют в СВО. Группа схожа с предыдущей, однако вероятность угрозы жизни и благополучию родных более ощутима. Трудности, связанные с учебой, отступают перед беспокойством за близких.

Группа 6 (13 респондентов, из них 1 женского пола, 12 мужского) — участники СВО, луганские и московские студенты, принимавшие участие в боевых действиях. Кроме повседневного стресса, вызванного обучением, они испытали длительный интенсивный стресс, столкнулись со многими потерями, с угрозами жизни как собственной, так и близких людей.

Хотя рассмотренные шесть контекстов не образуют однозначного континуума от напряжений малой силы к более интенсивным, анализ присутствующих в жизни студентов раздражителей позволяет все же заключить, что трудные опыты усиливаются от первой группы к последней, встраиваясь в малопредсказуемый и неустойчивый геополитический фон.

Методики исследования. Был использован единственный метод — чек-лист *Трудные жизненные ситуации современной обучающейся молодежи (ТЖС-студ)*, включающий описание 49 ТЖС, связанных с обучением в университете (Нартова-Бочавер и др., 2024). Кластер *Адаптация к техническим условиям обучения* (6 утверждений) включает трудности от необходимости использовать новые или избыточно технические средства обучения. Кластер *Адаптация к новой ступени обучения* (5 утверждений) фиксирует сложности при переходе к новым формам контроля и самоорганизации, отличающимся от тех, что были в школе. Кластер *Недостаток физических и психологических ресурсов* (12 утверждений) отражает общее истощение в связи с неспособностью поддерживать комфортный режим и здоровый образ жизни. Кластер *Организация занятий учебным заведением* (8 утверждений) отражает неудовлетворенность расписанием и режимом обучения, предлагаемым учебными офисами. Кластер *Социальные условия обучения* (6 утверждений) включает трудности взаимодействия и психологическую несовместимость студента с однокурсниками, преподавателями, соседями по общежитию. Кластер *Текущие жизненные задачи* (4 утверждения) отражает напряжение, вызванное таймингом студенческой жизни и необходимостью сочетать учебные и семейные обязанности. Кластер *Адаптация к новому месту* (5 утверждений) показывает трудность привыкания к новому месту жительства, городу, культуре. Наконец, кластер *Потери и страх потерь* (3 утверждения) объединяет внеучебные стрессы, неизбежно возникающие в повседневной жизни. Респондентам предлагалась следующая инструкция: «Дорогой друг! В наше время

невозможно прожить без хорошего образования, однако его получение — это долгий и напряженный процесс, в ходе которого люди преодолевают многочисленные трудности и стрессы. Ниже приведен перечень подобных ситуаций. Пожалуйста, отметьте те из них, которые присутствуют в вашей жизни во время обучения».

Примеры ситуаций, вызывающих трудности: «Академическая перегрузка (большое количество занятий, экзаменов, учебного материала)»; «Сложность взаимодействия с однокурсниками в ходе групповой и проектной работы»; «Давление со стороны родителей и необходимость соответствовать их ожиданиям». Использовалась дихотомическая шкала 1/0, отражающая наличие/отсутствие данной ТЖС, затем подсчитывался общий показатель по каждому из кластеров. Этот показатель отражает частоту встречаемости ТЖС данного типа в каждой из групп респондентов и варьирует от 0, когда ни одной трудности не было отмечено, до 1, когда в жизни респондента присутствуют все трудности данного кластера.

Поскольку распределения всех переменных далеки от нормального, использовались непараметрические критерии. Сравнение показателей юношей и девушек производилось при помощи критерия U Манна-Уитни. Для пяти неравно наполненных групп (за исключением шестой в силу ее малочисленности) подсчитывались средние показатели частоты ТЖС каждого из восьми кластеров, затем осуществлялось их сравнение по группам при помощи критерия Н Крускала-Уоллиса с учетом пола и строились профили ТЖС для каждой из обследованных групп. Расчеты производились в программе Statistica 8.

Результаты

В силу того, что чек-лист *ТЖС-студ* не является стандартизированным опросником, детально дескриптивная статистика не анализировалась. Показатели надежности, за исключением кластера *Потери и страх потерь*, включающего всего три пункта, были достаточными, а с учетом специфики метода мы сочли возможным дальнейший анализ (Митина, 2015). Показатели надежности и средней частоты ТЖС в разных группах в зависимости от пола представ-

лены на рисунке. Описывая различия ТЖС в каждой группе, мы опираемся на два критерия: 1) частоту (выраженность) ТЖС и 2) специфический паттерн с пиками и понижениями по частоте, образуемый сочетанием ТЖС.

Показано, что только по двум кластерам трудностей показатели девушек значимо выше: это адаптация к новой ступени и недостатков ресурсов (соответственно, $U = 39771,50$, $p = 0,004$; $U = 40831,50$, $p = 0,017$). В связи с этим дальнейший анализ производился без разделения по полу. Анализ по группам по-

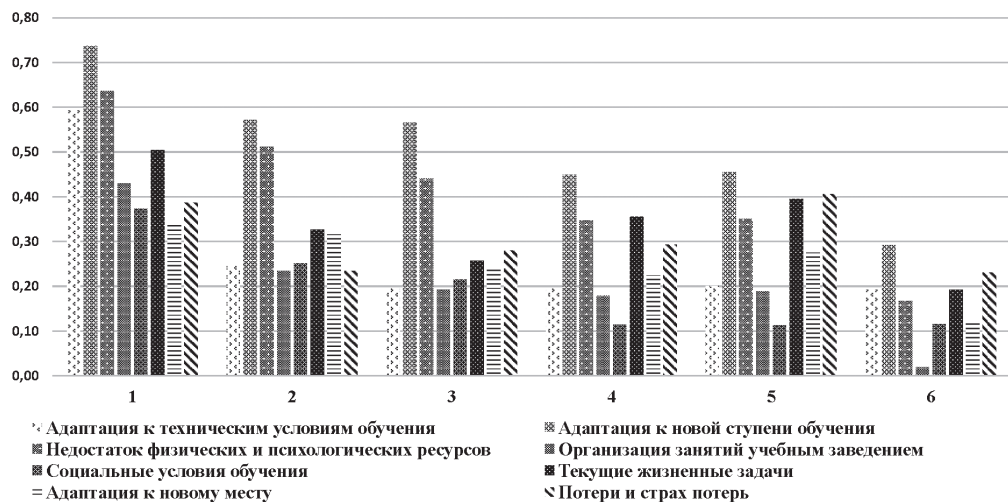

Рис. Паттерны трудных жизненных ситуаций (ТЖС) в обследованных группах ($N = 689$)
Примечание: 1 — студенты, обучающиеся в период пандемии COVID-19; 2 — студенты, обучающиеся по программе «Социальный лифт»; 3 — московские студенты, родственники которых участвовали/уют в СВО; 4 — луганские студенты, обучающиеся во время СВО в прифронтовой зоне; 5 — луганские студенты, обучающиеся во время СВО в прифронтовой зоне, родственники которых участвовали/уют в СВО; 6 — московские и луганские студенты-участники СВО.

Fig. Difficult Life Situation (DLS) patterns in the groups investigated ($N = 689$)
Notes: 1 — Students studying during the COVID-19 pandemic; 2 — Students enrolled in the “Social lift” program; 3 — Moscow students whose relatives participated in SMO; 4 — Lugansk students studying during SMO in the frontline zone; 5 — Lugansk students studying during SMO in the frontline zone, whose relatives participated in SMO; 6 — Moscow and Lugansk students — participants of SMO.

казал различия по всем кластерам ТЖС. Наиболее высокие частоты ТЖС обнаружены в группе московских студентов, обучение которых пришлось на начало пандемии (Группа 1). Самые низкие частоты ТЖС получены в группах луганских студентов обеих обследованных групп — тех, что учатся в Луганске в условиях «жизни под пулями», и тех, кто, помимо этого, имеет родственника, который участвует или был участником СВО (Группы 4, 5).

Следующим шагом анализа было описание паттернов ТЖС для каждой обследованной группы, чтобы понять, к каким именно ТЖС наиболее восприимчивы студенты каждой группы. Опишем наиболее и наименее выраженные в каждой группе ТЖС. Малочисленная Группа 6 представлена без разделения по полу (см. таблицу).

Во всех группах обнаружено доминирование трудностей адаптации к новой

Таблица / Table

**Средние показатели частоты трудных жизненных ситуаций (ТЖС)
в обследованных группах (М)
Difficult Life Situation (DLS) mean scores in the examined groups (M)**

Подвыборка / Subsample	Пол / Sex	Кластеры ТЖС / DLS clusters							Потери и страх потерь / Losses and fear of losses
		Адаптация к техническим условиям обучения / Adaptation to technical training conditions	Адаптация к новой ступени обучения / Adapting to a new stage of learning**	Недостаток физических и психологических ресурсов / Lack of physical and psychological resources*	Организация занятий учебным заведением / Organization of classes by an educational office	Социальные условия обучения / Social learning conditions	Текущие жизненные задачи / Current life tasks	Адаптация к новому месту / Adapting to a new place	
Вся выборка / Total		0,27	0,55	0,44	0,23	0,19	0,38	0,27	0,32
1	м	0,29	0,49	0,40	0,23	0,18	0,34	0,27	0,29
	ж	0,27	0,57	0,45	0,23	0,20	0,39	0,26	0,32
	м	0,60	0,66	0,57	0,41	0,34	0,42	0,36	0,38
	ж	0,59	0,78	0,67	0,44	0,39	0,55	0,33	0,39
2	м	0,22	0,40	0,36	0,17	0,16	0,14	0,30	0,17
	ж	0,27	0,65	0,60	0,26	0,30	0,42	0,35	0,27
3	м	0,13	0,53	0,38	0,21	0,13	0,21	0,18	0,15
	ж	0,22	0,58	0,46	0,19	0,25	0,27	0,25	0,32

Подвыборка / Subsample	Пол / Sex	Кластеры ТЖС / DLS clusters							Потери и страх потерь / Losses and fear of losses
		Адаптация к техническим условиям обучения / Adaptation to technical training conditions	Адаптация к новой ступени обучения / Adapting to a new stage of learning**	Недостаток физических и психологических ресурсов / Lack of physical and psychological resources*	Организация занятий учебным заведением / Organization of classes by an educational office	Социальные условия обучения / Social learning conditions	Текущие жизненные задачи / Current life tasks	Адаптация к новому месту / Adapting to a new place	
4	м	0,21	0,45	0,37	0,17	0,14	0,38	0,26	0,29
	ж	0,19	0,49	0,34	0,15	0,11	0,36	0,21	0,29
5	м	0,21	0,39	0,25	0,18	0,13	0,36	0,22	0,45
	ж	0,21	0,50	0,40	0,21	0,12	0,42	0,29	0,41
6		0,19	0,29	0,17	0,02	0,12	0,19	0,12	0,23
Альфа Крон-баха / Cronbach's alpha		0,68	0,57	0,81	0,71	0,64	0,59	0,59	0,37
H (4, 676)		158,70, $p = 0,000$	73,24, $p = 0,000$	112,90, $p = 0,000$	110,92, $p = 0,000$	126,41, $p = 0,000$	37,71, $p = 0,000$	22,14, $p = 0,000$	27,32, $p = 0,000$

Примечания: 1 — студенты, обучающиеся в период пандемии COVID-19; 2 — студенты, обучающиеся по программе «Социальный лифт»; 3 — московские студенты, родственники которых участвовали/уют в СВО; 4 — луганские студенты, обучающиеся во время СВО в прифронтовой зоне; 5 — луганские студенты, обучающиеся во время СВО в прифронтовой зоне, родственники которых участвовали/уют в СВО; 6 — московские и луганские студенты-участники СВО. «**» — различия по полу значимы на уровне $p < 0,01$, «*» — на уровне $p < 0,05$.

Notes: 1 — Students studying during the COVID-19 pandemic; 2 — Students enrolled in the “Social lift” program; 3 — Moscow students whose relatives participated in SMO; 4 — Lugansk students studying during SMO in the frontline zone; 5 — Lugansk students studying during SMO in the frontline zone, whose relatives participated in SMO; 6 — Moscow and Lugansk students — participants of SMO. Subsample description see in Table 1. «**» — differences by sex are significant at $p < 0,01$, «*» — at $p < 0,05$.

ступени обучения. Вторые и третьи ранговые места, однако, различаются. В группе московских студентов, обследованных во время пандемии (Группа 1), это недостаток ресурсов и адаптация к техническим

средствам обучения, в группе студентов социального лифта (Группа 2) — недостаток ресурсов и текущие задачи, у студентов, имеющих родственников на СВО (Группа 3), наряду с недостатком ресурсов за-

кономерно появляется беспокойство из-за возможных потерь. У луганских студентов (Группа 4) текущие жизненные задачи и недостаток ресурсов имеют практически равную выраженность, а у луганских студентов, имеющих родственников на СВО (Группа 5), наиболее значимыми являются страх потерь и текущие задачи, и лишь затем студенты этой группы отмечают недостаток ресурсов. В малочисленной группе студентов, вернувшихся с СВО (Группа 6), паттерн ТЖС идентичен тому, что получен в предыдущей группе. Таким образом, актуальные задачи, связанные со студенческой жизнью, для студентов в разных контекстах остаются приоритетными, хотя и дополняются реалиями СВО.

Обсуждение результатов

Итак, проведенное исследование позволило измерить частоту разных ТЖС в зависимости от реальных обстоятельств бытия шести групп современных студентов, а также описать паттерны ТЖС, демонстрирующие приоритетные и менее значимые для них трудности. Мы обнаружили, что трудности двух кластеров в женской группе встречаются чаще, чем в мужской, хотя этот результат следует интерпретировать с осторожностью, учитывая несбалансированность выборки по полу. Показано также, что выраженность всех типов ТЖС не одинакова у студентов из разных жизненных контекстов.

Наши результаты показали, что условия пандемии сопровождались более драматичным видением текущих трудностей, чем последующие испытания, связанные с СВО. Возможно, это связано с фактором неожиданности и непонятности происходящего, в то время как реалии СВО характеризуются, возможно,

большей ясностью (Абрамов, Мельниченко, Бабур, 2023; Ряполова, Бойченко, Токарева, 2024). Эти данные также согласуются с идеями К. Лоренца — действительно, резкое начало пандемии, нарушившее привычный уклад стабильной и комфортной жизни, для многих оказалось немислимо трагичным событием, в силу чего чувствительность к рутинным сложностям была очень высокой (Лоренц, 1992; Нестик, Задорин, 2020).

Если обратиться к модели взаимодействия личности и ситуации Г. Блум и М. Шмитта, можно отметить высокую синергию и даже резонанс между состоянием личности и объективной реальностью: действие невидимой угрозы затрудняло понимание происходящего и выработку собственного взгляда в отсутствие аналогичных опытов раньше, обостряя чувствительность к происходящему, ограничивая вариативность реагирования в условиях локдауна и движения за прививки (Blum, Schmitt, 2017). Рутинные изменения — обучение в отсутствие живого контакта с преподавателями и студентами, невозможность вести здоровый образ жизни — ограничивали возможности стихийной самоподдержки студентов.

Группа студентов программы социального лифта (Группа 2) находилась скорее в условиях вызова, чем стресса, испытывая высокое давление текущих требований, но не переживая угроз. В силу этого частота ТЖС в этой группе высока, однако их паттерн свидетельствует о полной мобилизации для решения текущих студенческих задач, о необходимости соответствовать социальным ожиданиям. Для обеих рассмотренных групп типичен симптомокомплекс ТЖС, напоминающий студенческое выгорание — они сфокусированы на уче-

нии, но эта деятельность забирает много сил, и присутствует страх не справиться.

Что касается студентов, обучающихся в условиях «жизни под пулями» (Группы 4, 5), то здесь частота ТЖС из разных кластеров существенно ниже, а их иерархия несколько меняется: эти студенты реже отмечают недостаток ресурсов (хотя описанных групп), но чаще встречается обоснованное беспокойство за близких. Можно полагать, что в группах студентов из прифронтовой зоны выше уровень понимания и даже принятия реалий происходящего (по сравнению со студентами, начавшими обучение в период пандемии), что позволяет актуализировать экзистенциальные ресурсы и мобилизоваться для преодоления трудностей (Абрамов, Мельниченко, Бабура, 2023; Абрамов, Мельниченко, Бабура, 2024). Возможно также, опыт уже пережитой пандемии, когда немыслимое оказывалось возможным и реальным, способствовал некоторой десенсибилизации к интенсивным стрессам, так что к моменту СВО «изнеженность» давно себя изжила, особенно в прифронтовой зоне, где бои продолжаются более десяти лет. Есть и другие предположения относительно полученных результатов, которые, к сожалению, нельзя сейчас проверить из-за недостатка данных. В соответствии с моделью Г. Блум и М. Шмитта (Blum, Schmitt, 2017), студенческая жизнь может осмысливаться студентами прифронтовой зоны как продуктивное занятие, уводящее от реальности ежедневного выживания в область продуктивных достижений, «цементирующих» стабильное мирное будущее, и потому рутинные трудности студенческой жизни воспринимаются как менее раздражающие, а процесс обучения не усиливает,

но компенсирует интенсивный стресс от близости военных действий.

Заключение

Цель настоящего исследования, имеющего поисковый характер, состояла в изучении частоты и паттернов ТЖС, отмечаемых студентами, живущими и обучающимися в обстоятельствах различных напряжений. Мы изучили группу студентов, столкнувшихся с большими проблемами в учебном процессе и повседневной жизни в начале пандемии COVID-19, — эти условия сочетали невидимую угрозу, интенсивный и повседневный стресс. Мы обследовали студентов из группы социального лифта, которые по объективным показателям не смогли поступить в университет, однако были зачислены и включились в учебную деятельность с повышенными относительно их возможностей требованиями. Наконец, были изучены студенты, испытавшие непосредственное воздействие СВО — родственники воюющих на СВО бойцов, обучающиеся в условиях близости фронта. Таким образом, кроме группы социального лифта, все обследованные студенты переживали воздействие сочетанных интенсивных стрессоров, включающих угрозу жизни.

Оказалось, что для всех студентов ведущая трудность — это привыкание к обучению в университете; важной для них также была необходимость, решая учебные задачи, сочетать это с работой или семейными обязанностями. Таким образом, в разных контекстах остается инвариантной главная задача студенчества — профессиональное обучение. В то же время обнаружено, что нет прямой связи между интенсивностью стресса и вос-

принимаемыми трудностями; более того, экстремальные условия жизни скорее способствуют десенсибилизации и выделению экзистенциально важных целей. Страх потери близких занимает более высокое ранговое место среди студентов, имеющих отношение к СВО, а недостаток ресурсов для решения текущих задач отмечается реже. Заключая, можно отметить эвристичность ситуационного подхода к пониманию функционирования личности в условиях разных жизненных контекстов, но также и недостаток убедительных объяснительных моделей, объясняющих связь объективной реальности и воспринимаемых трудностей. Видится перспективным добавление переменных, фиксирующих отношение респондентов к контексту их жизни и описывающих психологическое благополучие, а также использование экспертных оценок для

ранжирования тяжести объективных обстоятельств жизни студентов рассмотренных групп. Тем не менее представляется, что уже полученные данные могут быть полезны для организации практической работы со студентами, находящимися в разных жизненных контекстах.

Ограничения. Ограничение исследования задано несбалансированностью изученных групп по полу и их разным объемом, а также использованием всего лишь одного метода.

Limitations. The limitation of the research is set by the imbalance of the studied groups by sex and their different size, as well as the use of a single method. It seems promising to add variables that capture respondents' attitudes to the circumstances of their lives, as well as indicators of psychological well-being.

Список источников / References

1. Абрамов, В.А., Мельниченко, В.В., Бабура, Е.В. (2023). Психологические и психопатологические феномены, связанные с экзистенциальным стрессом военного времени (сообщение 1. Социопатии. Посттравматические стрессовые состояния). *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 1(57), 15–30.
Abramov, V.A., Mel'nichenko, V.V., Babura, E.V. (2023). Psychological and psychopathological phenomena, related to the existential stress of wartime (message 1. Sociopathies. Post-traumatic stress conditions). *Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, 1(57), 15–30. (In Russ.).
2. Абрамов, В.А., Мельниченко, В.В., Бабура, Е.В. (2024). Биопсихосоциальная модель в психиатрии: антропо-синергетический взгляд на проблему (сообщение № 1). *Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*, 58(2), 8–19.
Abramov, V.A., Mel'nichenko, V.V., Babura, E.V. (2024). The biopsychosocial model in psychiatry: an anthropo-synergetic view of the problem (message 1). *Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V.M. Bekhterev*, 58(2), 8–19. (In Russ.).
3. Анцыферова, Л.И. (1994). Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита. *Психологический журнал*, 15(1), 3–19.
Antsyferova, L.I. (1994). Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection. *Psychological Journal*, 15(1), 3–19. (In Russ.).
4. Битюцкая, Е.В. (2023). Определение критериев трудности жизненных ситуаций на основе экспертных оценок. Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований, 1113.

- Bityutskaya, E.V. (2023). Determination of criteria for the difficulty of life situations based on expert assessments. Man, subject, personality: perspectives of psychological research, 1113. (In Russ.).
5. Битуюцкая, Е.В., Докучаева, А.Г., Корнеев, А.А. (2025). Профили реагирования на жизненные изменения: восприятие ситуации и копинг-стратегии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 22(1), 30–48.
- Bityutskaya, E.V., Dokuchaeva, A.G., Korneev, A.A. (2025). Life change response profiles: perception of the situation and coping strategies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 22(1), 30–48. (In Russ.).
6. Быховец, Ю.В. (2023). Стресс от невидимых информационных угроз и его последствия. *Консультативная психология и психотерапия*, 31(3), 132–166. DOI:10.17759/cpp.2023310307
- Bykhovets, Yu.V. (2023). Stress from invisible information threats and its consequences. *Counseling psychology and psychotherapy*, 31(3), 132–166. DOI:10.17759/cpp.2023310307 (In Russ.).
7. Джозеф, С. (2015). Что нас не убивает. Новая психология посттравматического роста. М: Карьера Пресс.
- Joseph, S. (2015). What doesn't kill us. A new psychology of post-traumatic growth. M: Career Press. (In Russ.).
8. Довжик, Л.М., Бочавер, К.А. (2020). Психология спортивной травмы. М: Спорт.
- Dovzhik, L.M., Bochaver, K.A. (2020). Psychology of sports injury. M: Sports. (In Russ.).
9. Клементьева, М.В. (2023). Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости (IDEA-R): особенности развития студентов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. (Психология)*, 13(2), 164–182. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.203>
- Klementyeva, M.V. (2023). The Russian version of the scale of assessment of emerging adulthood (IDEA-R): features of student development. *Bulletin of St. Petersburg University. (Psychology)*, 13(2), 164–182. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.203> (In Russ.).
10. Кон, И.С. (1979). Психология юношеского возраста: проблемы формирования личности. М.: Просвещение.
- Kon, I.S. (1979). Psychology of adolescence: problems of personality formation. M: Prosveschenije. (In Russ.).
11. Лоренц, К. (1992). Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. *Вопросы философии*, 3, 39–53.
- Lorenz, K. (1992). The Eight Deadly Sins of Civilized Humanity. *Philosophical Studies Moscow*, 3, 39–53. (In Russ.).
12. Митина, О.В. (2015). Альфа Кронбаха: когда и зачем ее считать. *Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции*, 1, 232–240.
- Mitina, O.V. (2015). Cronbach's Alpha: when and why to count it. *Modern psychodiagnostics of Russia. Overcoming the crisis: collection of materials of the III All-Russian Conference*, 1, 232–240. (In Russ.).
13. Нартова-Бочавер, С.К., Бардадымов, В.А., Ерофеева, В.Г., Хачатурова, М.Р., Хачатрян, Н.Г. (2024). Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи. *Вопросы образования*, 2, 170–202. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17187>
- Nartova-Bochavera, S.K., Bardymova, V.A., Yerofeyeva, V.G., Khachaturova, M.R., Khachatryan, N.G. (2024). Difficult life situations of modern learning youth. *Educational Studies Moscow*, 2, 170–202. (In Russ.).
14. Нартова-Бочавер, С.К., Пак, В.В. (2022). Аутентичность и способность прощать при разных уровнях стресса: предварительное исследование [Электронный ресурс]. *Клиническая и специальная психология*, 11(1), 141–163. DOI:10.17759/cpse.2022110107

- Nartova-Bochavera, S.K., Pak, V.V. (2022). Authenticity and the ability to forgive under different stress levels: a preliminary study [Electronic resource]. *Clinical and Special psychology*, 11(1), 141–163. (In Russ.).
15. Нартова-Бочавер, С.К., Ходаковская, Э.Н., Юрчук, В.Ю. (2024). Ситуационно-событийный подход к пониманию психологического благополучия/неблагополучия студенческой молодежи. *Современная зарубежная психология*, 13(4), 41–50.
Nartova-Bochaver, S.K., Khodakovskaya, E.N., Yurchuk, V.Yu. (2024). Situational-event approach to understanding the psychological well-being/disadvantage of students. *Modern foreign psychology*, 13(4), 41–50. (In Russ.).
16. Нестик, Т.А., Задорин, И.В. (2020). Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, 4–28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700>
Nestik, T.A., Zadorin, I.V. (2020). Russians' attitude to global risks: socio-demographic and psychological factors of threat perception. *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 5, 4–28. (In Russ.).
17. Ряполова, Т.Л., Бойченко, А.А., Токарева, О.Г. (2024). Влияние травматического стресса на адаптационный ресурс у лиц молодого возраста. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 3(63), 16–23.
Ryapolova, T.L., Boychenko, A.A., Tokareva, O.G. (2024). The impact of traumatic stress on the adaptive resource in young people. *Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, 3(63), 16–23. (In Russ.).
18. Тихомирова, Т.Н., Басюк, В.С., Исмагуллина, В.И., Зинченко, Е.В., Матяш, Н.В., Овсянникова, О.А., ... Малых, С.Б. (2024). Психологическое благополучие и образовательные результаты студентов с различными стратегиями поступления в вуз. *Психологическая наука и образование*, 29(6), 35–53.
Tikhomirova, T.N., Basyuk, V.S., Ismatullina, V.I., Zinchenko, E.V., Matyash, N.V., Ovsyannikova, O.A., ... Malykh, S.B. (2024). Psychological well-being and educational outcomes of students with different university admission strategies. *Psychological science and education*, 29(6), 35–53. (In Russ.).
19. Федеральный закон от 28.11.2015 № 358-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Ст. 15. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189527/4e7c454febb18a75f99a0e0a1256de288dbd7129/#dst100105
Federal Law No. 358-FZ dated 28.11.2015 (as amended on 03.07.2016) “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On the Basics of Social Services for Citizens in the Russian Federation”, Art. 15. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189527/4e7c454febb18a75f99a0e0a1256de288dbd7129/#dst100105
20. Харламенкова, Н.Е. (2017). Интенсивные стрессоры и психологические последствия их переживания в молодости и ранней взрослости. *Вестник Костромского государственного университета. (Педагогика. Психология. Социокинетика)*, 23(4), 26–30.
Kharlamenkova, N.E. (2017). Intense stressors and psychological consequences of experiencing them in youth and early adulthood. *Bulletin of Kostroma State University. (Pedagogy. Psychology. Sociokinetics)*, 23(4), 26–30. (In Russ.).

21. Arnett, J.J. (2000). Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens through the Twenties. *American Psychologist*, 55(5), 469–480. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.5.469>
22. Arnett, J.J., Mitra, D. (2024). COVID-19 and Americans' Mental Health: A Persistent Crisis, Especially for Emerging Adults 18 to 29. *Journal of Adult Development*, 1–13.
23. Blum, G., Schmitt, M. (2017). The nonlinear interaction of person and situation (NIPS) model and its values for a psychology of situations. *The Oxford handbook of psychological situations*, 1–17.
24. Kay, C.S., Saucier, G. (2023). Measuring personality traits in context: Four approaches to situations in self-report measures of personality. In P.K. Jonason (Ed.), *Shining light on the dark side of personality: Measurement properties and theoretical advances*, Hogrefe Publishing GmbH, 261–273.
25. Lazarus, R.S. (1966). *Psychological stress and the coping process*. NY: McGraw-Hill.
26. Levinson, D.J. (1986). A conception of adult development. *American psychologist*, 41(1), 3.
27. Rauthmann, J.F., Sherman, R.A. (2021). Conceptualizing and measuring the psychological situation. In Wood D., Read S.J., Harms P.D., Slaughter A. (eds.), *Measuring and modeling persons and situations*. New York: Academic Press, 427–463.
28. Robinson, O. (2020). *Development through Adulthood*. London: Bloomsbury Academic.
29. Sawicki, A., Żemojtel-Piotrowska, M., Balcerowska, J., Sawicka, M., Piotrowski, J., Sedikides, C., Jonason, P., Maltby, J., Adamovic, M., Agada, A.G., Ahmed, O., Al-Shawaf, L., Appiah, S.C., Ardi, R., Babakr, Z.H., Bălăţescu, S., Bonato, M., Cowden, R., Chobthamkit, P., ... Zand, S. (2022). The Fear of COVID-19 Scale: Its Structure and Measurement Invariance Across 48 Countries. *Psychological Assessment*, 34(3), 294–310.
30. Selye, H. (1978). *The stress of life*. Rev. McGraw Hill.
31. Shui, X., Xiao, Y., Chen, J., Hu, X., Zhang, D. (2024). A profile-perspective on daily-life multi-situational individual differences assessment. *Advances in Psychological Science*, 32(12), 2050.
32. Yerofeyeva, V., Wang, P., Yang, Y., Serobyanyan, A., Grigoryan, A., Nartova-Bochaver, S.K. (2024). Shimmering emerging adulthood: in search of the invariant IDEA model for collectivistic countries. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1349375.

Приложение / Appendix

Приложение А. Описание выборки участников исследования <https://doi.org/10.17759/sps.2025160407>

Appendix A. Description of the participants' sampl <https://doi.org/10.17759/sps.2025160407>

Информация об авторах

Эмилия Николаевна Ходаковская, психолог, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3971-6144>, e-mail: ekhodakovskaia@hse.ru

Софья Кимовна Нартова-Бочавер, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, заведующая лабораторией психологии салютогенной среды, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Ходаковская Э.Н., Нартова-Бочавер С.К. (2025)
Трудные жизненные ситуации студентов
в разных социальных и жизненных контекстах
Социальная психология и общество,
16(4), 109–126.

Khodakovskaya E.N., Nartova-Bochaver S.K. (2025)
Difficult life situations of students in various
social and life contexts
Social Psychology and Society,
16(4), 109–126.

Information about the authors

Emilia N. Khodakovskaya, Psychologist, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3971-6144>, e-mail: emilkh@yandex.ru

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Laboratory for Psychology of salutogenic environment, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochover@hse.ru

Вклад авторов

Ходаковская Э.Н. — проведение эксперимента; сбор и анализ данных; аннотирование, написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Нартова-Бочавер С.К. — идеи исследования; планирование исследования; применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Emilia N. Khodakovskaya — conducting the research; data collection and analysis; annotation, writing and design of the manuscript; control over the research.

Sofya K. Nartova-Bochaver — ideas; planning of the research; application of statistical methods for data analysis; visualization of research results; annotation, writing and design of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Комиссией по этической оценке эмпирических исследовательских проектов департамента психологии НИУ ВШЭ (протокол № 1 от 01.02.2024 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Commission for the ethical evaluation of empirical research projects of the department of psychology of the HSE university (report no 1, 2024/02/01).

Поступила в редакцию 12.05.2025

Поступила после рецензирования 20.08.2025

Принята к публикации 05.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.05.12

Revised 2025.08.20

Accepted 2025.12.05

Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

Семья как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией у детей, пострадавших в результате боевых действий

О.А. Ульянина¹, О.Л. Юрчук¹, Л.А. Александрова¹ ✉,
Е.А. Никифорова¹, К.А. Файзуллина¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ ladaleksandrova@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Дети, в той или иной степени пострадавшие в результате боевых действий, в том числе проживающие на пострадавших от боевых действий территориях, испытывают на себе их психологические последствия, такие как дезадаптация, проявления посттравматического стрессового расстройства (далее — ПТСР), истощение психологических ресурсов, необходимых для совладания со стрессом. Семья, родители и иные значимые взрослые играют важнейшую роль в преодолении ребенком этих последствий.

Цель. Прояснить роль жизнеспособности семьи и индивидуальной резилентности родителей в совладании их детей с трудными жизненными ситуациями и травматическим опытом, связанным с боевыми действиями.

Гипотеза. Жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей, способствующими успешному совладанию с трудными жизненными ситуациями, связанными с боевыми действиями.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие родители (законные представители) детей дошкольного и младшего школьного возраста из 6 субъектов Российской Федерации, в разной степени пострадавших в результате боевых действий. Проанализированы данные опроса родителей 1671 детей дошкольного возраста от 1 до 8 лет ($M = 5,4$, $St.Dev. = 1,5$; 51,7% мальчиков) и данные опроса родителей 3702 обучающихся 1–4 классов в возрасте от 6 до 12 лет ($M = 8,9$, $St.Dev. = 1,2$; 51,0% мальчиков). Использованы следующие психодиагностические инструменты: для инвентаризации травматического опыта детей — список психотравмирующих событий, связанных с боевыми действиями, для оценки состояния детей — Скрининговая методика для оценки состояния детей, переживших последствия боевых действий (Ульянина и соавт., 2025), «Родительская анкета для оценки травматических переживаний детей» (Тарабрина, 2001), для оценки психологических ресурсов семьи и родителей — «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RIP) (Гусарова, Одинцова, Козырева, Кузьмина, 2024), Краткая шкала резилентности (BRS) (Smith et al., 2016) в адаптации В.И. Марковой, Л.А. Александровой, А.А. Золотаревой, 2022.

Результаты. 1) Распространенность трудных жизненных ситуаций, вызванных переживанием травматического опыта, связанного с боевыми действиями, согласно оценкам родителей, выше среди детей младшего школьного возраста по сравнению с дошкольниками;

2) объем пережитого травматического опыта показывает статистически значимые положительные связи с выраженностью у ребенка проявлений дезадаптации и ПТСР и отрицательные — с собственными психологическими ресурсами детей у обеих возрастных групп; отрицательные связи с жизнеспособностью семьи и индивидуальной резилентностью родителей обнаружены только для выборки младшего школьного возраста); 3) показатели индивидуальной резилентности родителя и жизнеспособности семьи наряду с суммарным показателем, отражающим психологические ресурсы ребенка, показывают отрицательные взаимосвязи с выраженностью у ребенка проявлений дезадаптации и ПТСР, формируя при этом единый фактор с психологическими ресурсами ребенка.

Вывод. Результаты проведенного исследования подтверждают роль семьи в совладании ребенка с трудной жизненной ситуацией, в той или иной степени связанной с боевыми действиями: жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей дошкольного и младшего школьного возраста, защищающими их от негативных последствий пережитого травматического опыта, связанного с боевыми действиями.

Ключевые слова: семья, родители (законные представители), ребенок, боевые действия, совладание, трудная жизненная ситуация, дезадаптация, травматический опыт, проявления ПТСР, психологические ресурсы, жизнеспособность семьи, резилентность

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-01370, <https://rscf.ru/project/25-28-01370/>.

Для цитирования: Ульянина, О.А., Юрчук, О.Л., Александрова, Л.А., Никифорова, Е.А., Файзуллина, К.А. (2025). Семья как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией у детей, пострадавших в результате боевых действий. *Социальная психология и общество*, 16(4), 127–147. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160408>

Family as a resource for overcoming difficult life situations in children affected by hostilities

O.A. Ulyanina¹, O.L. Yurchuk¹, L.A. Alexandrova¹ ✉, E.A. Nikiforova¹, K.A. Fayzullina¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ ladaleksandrova@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Children who have suffered to some extent as a result of hostilities, including those living in the territories directly affected by hostilities, experience the psychological consequences, such as maladjustment, manifestations of post-traumatic stress disorder, depletion of psychological resources necessary to survive and overcome these hard life situations. Family, parents and other important adults play a crucial role in child's overcoming such consequences.

Objective. To clarify the role of family and parental individual resilience in their children coping with hard life situations and traumatic experiences related to hostilities.

Hypothesis. *Family resilience and parental individual resilience manifested themselves as psychological resources of children, contributing to the successful overcoming difficult life situations associated with hostilities.*

Methods and materials. *The study involved parents (legal representatives) of children of preschool and primary school age from six regions of the Russian Federation, to varying degrees affected by hostilities. The data of the survey of parents of 1671 preschool-age children aged from 1 to 8 years ($M = 5,4$, $St.Dev. = 1,5$; 51,7% boys), and data from a survey of parents of 3702 primary school children of 1–4 grades aged from 6 to 12 years ($M = 8,9$, $St.Dev. = 1,2$; 51,0% boys). The following psychodiagnostics were used: to inventory the traumatic experience of children: 1) a list of psychotraumatic events related to hostilities aimed to assess the children experience; 2) Screening technique for assessing the condition of children who survived the consequences of hostilities (Ulyanina et al., 2025); 3) Parental questionnaire for the assessment of traumatic experiences of children (Tarabrina, 2001), to assess the psychological resources of the family and parents; 4) Family resilience assessment Scale (FRAS-RII) (Gusarova et al., 2024), Brief resilience scale (BRS) (Smith et al., 2016), Russian version of Markova et al., 2022.*

Results. *1) According to parental estimations; prevalence of hard life situations caused by traumatic experience associated with hostilities, is higher in children of primary school age compared to preschool children; 2) traumatic experiences of children and adult family members are positively connected with signs of maladjustment and PTSD and negatively – with the child's own psychological resource in both age groups; negative interconnections of traumatic experience with family resilience and parent's individual resilience are found only for primary school children; 3) parent's individual resilience and the family resilience along with the child's psychological resources showed negative correlations with signs of maladjustment and PTSD contributing to the child's overcoming the difficult life situations associated with hostilities.*

Conclusions. *The results of the study highlight the role of family in children's overcoming the negative psychological consequences of traumatic experiences associated with hostilities. Family resilience and parent's individual resilience manifested themselves as one of the key psychological resources protecting children of preschool and primary school age from negative psychological consequences of traumatic experiences.*

Keywords: *family, parents (legal representatives), child, hostilities, overcoming, hard life situations, maladjustment, traumatic experience, signs of PTSD, psychological resources, family resilience, individual resilience*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 25-28-01370, <https://rscf.ru/project/25-28-01370/>.

For citation: Ulyanina, O.A., Yurchuk, O.L., Alexandrova, L.A., Nikiforova, E.A., Fayzullina, K.A. (2025). Family as a resource for overcoming difficult life situations in children affected by hostilities. *Social Psychology and Society*, 16(4), 127–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160408>

Введение

Трудные жизненные ситуации, связанные с последствиями боевых дей-

ствий, нарушают базовое доверие детей к миру и препятствуют их нормальному развитию. Современная психологиче-

ская наука нуждается в глубоком понимании механизмов воздействия боевых действий на психику детей.

Понятие «трудная жизненная ситуация» является интегральным научным конструктом. В психологической науке термин понимается как нарушение привычного образа жизни, несоответствие между потребностями, ресурсами и условиями функционирования человека, которое возникает в результате объективно существующих и субъективно воспринимаемых жизненных обстоятельств. В результате происходит нарушение социально-психологического благополучия человека, выражающееся в трудностях социального взаимодействия и нарушениях психического развития, что отягощается: критическим периодом онтогенетического развития, психоэмоциональными нарушениями, несформированностью коммуникативных навыков, а также проявлениями социальной тревожности и фобических реакций при общении с другими людьми (Петрова, 2024).

Последствия боевых действий представляют для детей трудную жизненную ситуацию, так как соответствуют ее признакам, выделенным В.В. Мышко, С.Н. Беляевым: наличие опасности, угрозы, напряжение, фрустрация пострадавшего, радикальные изменения субъективного представления личности о собственном будущем, изменения привычного образа жизни (Мышко, Беляев, 2023).

Проживание последствий боевых действий оказывает глубокое воздействие на психику детей дошкольного и младшего школьного возраста и может привести к развитию различных нарушений, в том числе посттравматического стрессового расстройства (далее —

ПТСР). Психическое состояние детей усугубляется в ситуации вынужденной разлуки с матерью или лицом, ее заменяющим, наличия физических травм, утраты (гибели) близких людей (Овчаренко, 2014). В процессе переживания травматических событий дети испытывают негативные эмоции: страх, тревогу, растерянность, ощущение беспомощности, искажая формирование эмоциональной сферы (Малкина-Пых, 2005; Морозова, Венгер, 2003). В социальном развитии также наблюдаются патологические изменения, которые проявляются в избегании межличностного общения, развитии тревожно-фобических реакций. Дети демонстрируют трудности в коммуникации с незнакомыми людьми и утрату ранее сформированных социальных навыков (Сулейманова, Ермилова, 2020). Оценка и восприятие поддержки вносят вклад в психологические ресурсы преодоления и саморегуляции, запуская и/или усиливая имеющийся потенциал личности. Социальная поддержка наряду с предоставлением ресурсов включает в себя фасилитацию принятия субъектом поддержки и его вовлечения в деятельность по ее использованию (Леонтьев, Лебедева, Силантьева, 2015).

При экстремальном воздействии у ребенка активизируются защитные механизмы, постепенно истощающие психофизиологические ресурсы, что приводит к формированию устойчивой психотравматической симптоматики, синдрома выжившего (Рогачева, Залевский, Левицкая, 2015; Сугак, Ершов, 2025). Привычные модели поведения теряют свою эффективность, что требует от ребенка трансформации устоявшихся поведенческих паттернов (Дудина, 2019).

Эмоциональное состояние детей тесно связано с переживаниями их родителей и стилем воспитания, так как ребенок перенимает модели поведения и реагирования родителей (Ковалевская, 2020; Изотова, 2011). Поэтому важную роль в преодолении травматического опыта имеют не только психологические ресурсы самого ребенка, но и ресурсы семьи.

Э.С. Мاستен рассматривает важность для формирования жизнестойкости межличностных взаимоотношений и социальной поддержки (Мастен, 2019). Одним из таких примеров взаимоотношений является семья. Семьи, обладающие жизнестойкостью, поддерживают своих членов в вопросах адаптации и совладания, сохранения целостности перед лицом кризисных событий (Becvar, 2013).

С.А. Соуза и соавт. отмечают, что благополучие и поддержка детей в семье во многом зависят от того, насколько высоко благополучие их родителей, поддержка культуры, сообщества, религиозной общины, при этом ситуацию осложняют необходимость внезапно менять место жительства, решать бытовые и материальные трудности (Sousa, Akesson, Siddiqi, 2025). Дж. Йонг отмечает, что семья при отсутствии доступа к профессиональной помощи успешно привлекает для совладания с травматическими переживаниями механизмы ритуализации и семейных преданий, однако длительный отказ от получения помощи (в том числе со стороны системы образования) может приводить к развитию межпоколенческой травматизации членов семьи разного возраста (Jong, 2020). М. Денов и соавт. отмечают, что между поколениями может передаваться не только травматический опыт, но и адаптивные спо-

собности (Denov et al., 2019). Л. Хазел и соавт. также отмечают, что члены семьи как переживают негативные последствия травматизации индивидуально, так и взаимовлияют друг на друга (травматизация родителей влияет на методы воспитания, которые они выбирают) (Hazer, Gredebäck, 2023).

М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова отмечают, что семья позволяет ее членам находить ресурсы для преодоления трудных ситуаций благодаря тому, что создает условия сохранения и передачи ценностей и традиций. Защитные факторы жизнеспособности семьи включают умение слышать друг друга, совместно решать проблемы, выстраивать доверительные и принимающие отношения (Одинцова, Радчикова, 2025). Опыт близких отношений в родительской семье позволяет ребенку сформировать личную жизнестойкость, в то же время жизнестойкость каждого из членов семьи складывается в семейную жизнеспособность. В качестве ситуаций, угрожающих жизнеспособности семьи, указаны разлады во внутрисемейных отношениях и переживание утраты, которые могут как сплотить семью, так и снизить ее ресурсный потенциал в преодолении трудностей (Одинцова и др., 2023).

Результаты анализа источников подчеркивают многогранность семейных ресурсов и их значимость в совладании с трудными жизненными ситуациями различного типа, однако наблюдается дефицит исследований, посвященных изучению роли семейных ресурсов в совладании с трудной жизненной ситуацией у детей, пострадавших в результате боевых действий. Обзор исследований, посвященных роли семьи в формирова-

нии психологических ресурсов ребенка в совладании со стрессом, позволил сформулировать следующую рабочую гипотезу: жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей, способствующими успешному совладанию с трудными жизненными ситуациями, связанными с боевыми действиями. Цель исследования состояла в том, чтобы прояснить роль жизнеспособности семьи и индивидуальной резилентности родителей в совладании их детей с трудными жизненными ситуациями, в той или иной степени связанными с боевыми действиями.

Индивидуальная резилентность понимается как способность быстрого восстановления после травмы, трагической ситуации, негативных воздействий или угроз. Вслед за Д.А. Леонтьевым (Леонтьев, 2025) в статье использован термин-калька с английского «Resilience», так как однозначного перевода этого термина на русский язык нет: в литературе, посвященной данной проблематике, встречаются разные варианты перевода: от жизнестойкости до жизнеспособности.

В отличие от индивидуальной резилентности, за термином «family resilience» закрепился устойчивый перевод – «жизнеспособность семьи».

Материалы и методы

Участники исследования. Исследование проведено с участием родителей (законных представителей) (далее все вместе – родители) из 6 субъектов Российской Федерации (Луганская Народная Республика (далее – ЛНР), Республика Крым, Брянская, Херсонская и Запорожская области, Кемеровская

область – Кузбасс (далее – Кузбасс)). Родители оценивали состояние своих детей дошкольного и младшего школьного возраста. Среди родителей дошкольников отвечали о состоянии своих детей: 92,0% – матери, 4,0% – отцы, 4,0% – иные законные представители; среди родителей младших школьников: 94,0% – матери, 3,4% – отцы, 2,6% – иные законные представители.

В группе дошкольного возраста описано состояние 1671 несовершеннолетнего от 1 до 8 лет ($M = 5,4$, $St.Dev. = 1,5$; 51,7% мальчиков). В группе младшего школьного возраста описано состояние 3702 обучающихся 1–4 классов от 6 до 12 лет ($M = 8,9$, $St.Dev. = 1,2$; 51,0% мальчиков). В связи с тем, что численно две эти группы неравномерны, авторы анализируют данные по каждой возрастной группе отдельно.

В ЛНР, Запорожской, Херсонской, Брянской областях участниками исследования выступили родители детей, пострадавших в результате боевых действий. В Республике Крым участниками исследования стали родители несовершеннолетних из числа вынужденных переселенцев с территорий проведения боевых действий, а также близлежащих государств. В Кузбассе среди прочих представлены данные о состоянии детей участников (ветеранов) специальной военной операции (далее – СВО). В Приложении А, табл. А1 представлены данные о количестве детей из различных субъектов Российской Федерации, родители которых участвовали в исследовании.

В рамках исследования применены анкеты для родителей, разработанные на основе Скрининговой методики для

оценки состояния детей, пострадавших в результате боевых действий (далее — скрининговая методика) (Ульянина и др., 2025), направленной на комплексную оценку дезадаптации и признаков ПТСР в пяти ключевых сферах: психофизиологической, эмоциональной, когнитивной, поведенческой и коммуникативной. В исследовании использовались только интегративные (суммарные) показатели уровня общей дезадаптации и психологических ресурсов личности ребенка, обеспечивающих стрессоустойчивость.

Одновременно применялись психодиагностические инструменты: список психотравмирующих событий, связанных с боевыми действиями, направленный на инвентаризацию травматического опыта ребенка; «Родительская анкета для оценки травматических переживаний детей» (Тарабрина, 2001); «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII) (Гусарова, Одинцова, Козырева, Кузьмина, 2024), позволяющая анализировать то, как семья справляется с неблагоприятными событиями; Краткая шкала резилентности (Маркова, Александрова, Золотарева, 2022) для оценки индивидуальной резилентности родителя, участвовавшего в исследовании.

Для анализа результатов исследования использованы методы математической статистики с применением программного пакета IBM SPSS 27.0. Применялись: методы описательной статистики, таблицы сопряженности и χ^2 Пирсона, t -критерий Стьюдента для анализа различий на основе наличия/отсутствия травматического опыта, корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона, эксплораторный факторный анализ (ме-

тод главных компонент, варимакс вращение с нормализацией Кайзера). В связи с большим размером выборки при интерпретации результатов учитывались только статистические показатели, уровень значимости которых строго $p < 0,01$.

Результаты

Распространенность травматического опыта. 29% родителей детей дошкольного возраста отметили, что ребенок пережил травматические события, которые связаны с последствиями боевых действий. В группе детей младшего школьного возраста уже 44% детей имели подобный травматический опыт. В семьях детей дошкольного возраста 57% родителей сообщили об отсутствии в их семье травматического опыта, тогда как 43% семей указали на его наличие. Среди семей младших школьников картина иная: 49% респондентов отметили отсутствие семейного травматического опыта, в то время как 51% подтвердили его наличие. Результаты сопоставления данных о семейном травматическом опыте и травматическом опыте своих детей представлены в табл. 1.

Для обеих возрастных групп выявлено статистически значимое несоответствие в представленных родителями данных о семейном травматическом опыте и травматическом опыте своих детей, связанном с боевыми действиями (для выборки детей дошкольного возраста $\chi^2 = 105,791$, $p < 0,001$, для выборки детей младшего школьного возраста $\chi^2 = 164,244$, $p < 0,001$).

Проанализированы различия двух рассматриваемых возрастных групп по критерию наличия/отсутствия у ребенка опыта переживания травматических событий, связанных с боевыми действи-

Таблица 1 / Table 1

**Результаты сопоставления данных о семейном травматическом
 опыте и травматическом опыте своих детей**
**The results of a comparison of data on family traumatic experiences
 and the traumatic experiences of their children**

Детский травматический опыт, связанный с боевыми действиями / Child's traumatic experiences related to hostilities	Семейный травматический опыт не указан / Family traumatic experiences aren't indicated		Семейный травматический опыт указан / Family traumatic experiences are indicated		Всего / Total	
	N	%	N	%	N	%
Дети дошкольного возраста / Preschool children	956	57	715	43	1671	100
не указан / not indicated	775	46	415	25	1190	71
указан / indicated	181	11	300	18	481	29
Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age	1808	49	1894	51	3702	100
не указан / not indicated	1204	33	865	23	2069	56
указан / indicated	604	16	1029	28	1633	44

ями, и наличия травматического опыта в семьях (у родителей), которые их воспитывают. Результаты сопоставления получены с использованием Т-критерия Стьюдента и отражены в табл. 2 и 3.

Детализация травматического опыта, пережитого детьми, и его представленность по регионам отражены в Приложении А, табл. А2.

В табл. 2 приведен сравнительный анализ показателей у групп детей дошкольного и младшего школьного возраста по критерию наличия/отсутствия у них травматического опыта, связанного с боевыми действиями. По этому критерию установлены значимые различия в отношении показателей дезадаптации, выраженности признаков ПТСР и пси-

хологических ресурсов у детей обеих возрастных групп. В отношении индивидуального ресурса жизнеспособности семьи значимых различий не выявлено, индивидуальная резилентность статистически значимо выше только у родителей младших школьников, не имеющих травматического опыта, связанного с боевыми действиями.

В табл. 3 представлены результаты анализа различий по критерию наличия/отсутствия травматического опыта в семье и его взаимосвязи с показателями дезадаптации, признаков ПТСР, психологических ресурсов детей.

При сравнении результатов по критерию наличия семейного травматического опыта выявлено: у детей обеих

Таблица 2 / Table 2

**Анализ различий между детьми по критерию наличия/отсутствия у них
травматического опыта, связанного с боевыми действиями**
**Analysis of differences between children according to the criterion of the presence/
absence of traumatic experiences related to hostilities**

Выборка / Selection	Показатель / Indicator	Наличие травматического опыта у ребенка / Presence of traumatic experiences in a child	Среднее / Mean	Среднеквадратичное отклонение / Standard deviation	T-критерий Стьюдента, двусторонняя значимость / Student's T-test, two-way significance	Значение критерия d Коэна (размер эффекта) / Cohen's d (effect size)
Дети дошкольного возраста / Preschool children	Общий показатель дезадаптации / General indicator of maladaptation	0	1,23	0,30	0,001	–0,479 (c/s)
		1	1,39	0,40		
	Общий показатель психологических ресурсов ребенка / The overall indicator of child's psychological resources	0	3,58	0,45	0,004	0,158 (oc/vs)
		1	3,51	0,47		
	Общий показатель признаков ПТСР / General indicator of PTSD symptoms	0	1,14	2,53	0,001	–0,629 (cp/a)
		1	3,11	4,30		
	Жизнеспособность семьи / Family resilience	0	103,28	17,33	0,891	–0,007 (м/м)
		1	103,41	17,96		
	Резилентность родителя / Parent's resilience	0	19,82	3,93	0,193	0,070 (oc/vs)
		1	19,55	3,84		
Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age	Общий показатель дезадаптации / General indicator of maladaptation	0	1,31	0,35	0,001	–0,522 (cp/a)
		1	1,52	0,45		
	Общий показатель психологических ресурсов ребенка / The overall indicator of child's psychological resources	0	3,42	0,49	0,001	0,191 (oc/vs)
		1	3,33	0,47		
	Общий показатель признаков ПТСР / General indicator of PTSD symptoms	0	1,60	3,13	0,001	–0,570 (cp/a)
		1	4,07	5,50		

Выборка / Selection	Показатель / Indicator	Наличие травматического опыта у ребенка / Presence of traumatic experiences in a child	Среднее / Mean	Среднеквадратичное отклонение / Standard deviation	T-критерий Стьюдента, двусторонняя значимость / Student's T-test, two- way significance	Значение критерия d Козла (размер эффекта) / Cohen's d (effect size)
	Жизнеспособность се- мьи / Family resilience	0	107,54	12,77	0,074	0,059 (oc/vs)
		1	106,77	13,23		
	Резилентность родите- ля / Parent's resilience	0	20,05	3,86	0,001	0,226 (c/s)
		1	19,15	4,19		

Примечание: «0» — отсутствие у детей травматического опыта, связанного с боевыми действиями, «1» — наличие у детей травматического опыта, связанного с боевыми действиями; «m» — незначительные различия ($< 0,01$), «os» — очень слабые различия (0,01–0,2), «s» — слабые различия (0,2–0,5), «cp» — средние различия (0,5–0,8).

Note: «0» — children having no traumatic experience related to hostilities, «1» — children having traumatic experience related to hostilities; «m» — minor differences ($< 0,01$), «vs» — very slight differences (0,01–0,2), «s» — slight differences (0,2–0,5), «a» — average differences (0,5–0,8).

возрастных групп в семьях с травматическим опытом зафиксированы сниженные психологические ресурсы ребенка в совладании со стрессом и достоверно более высокие показатели дезадаптации и признаков ПТСР по сравнению с семьями без подобного опыта. В обеих возрастных группах индивидуальная резилентность родителя выше в семьях, не имеющих травматического опыта, а жизнеспособность семьи при отсутствии такого опыта выше только у родителей детей младшего школьного возраста.

С целью проверки гипотезы исследования был осуществлен анализ взаимосвязей между показателями, отражающими жизнеспособность семьи и индивидуальную резилентность родителей, с одной стороны, и показателями, отражающими выраженность индивидуальных психологических ре-

сурсов самих детей, объем пережитого ребенком травматического опыта, проявления у него дезадаптации и ПТСР. Результаты представлены в табл. 4.

Результаты эксплораторного факторного анализа с использованием в качестве метода выделения факторов метода главных компонент, а в качестве метода вращения — варимакс с нормализацией Кайзера представлены в табл. 5.

На основании собственных нагрузок выделились два фактора. В первый вошли суммарный травматический опыт ребенка, выраженность у него проявлений ПТСР и дезадаптации. Во второй фактор, соответственно, попали психологические ресурсы ребенка, а также индивидуальная резилентность родителя и суммарный показатель жизнеспособности (резилентности) семьи, что позволяет рассматривать их как психологические ресурсы ребенка.

Таблица 3 / Table 3

Анализ различий по критерию наличия/отсутствия травматического опыта в семье, где воспитывается ребенок
Analysis of differences according to the criterion of presence/absence of traumatic experience in the child's family

Выборка / Selection	Показатель / Indicator	Семейный травматический опыт / Traumatic experiences in child's family	Среднее / Mean	Среднеквадратичное отклонение / Standard deviation	T-критерий Стьюдента, двусторонняя значимость / Student's T-test, two-way significance	Значение критерия d Коэна (размер эффекта) / Cohen's d (effect size)
Дети дошкольного возраста / Preschool children	Общий показатель дезадаптации / General indicator of maladaptation	0	1,22	0,29	0,001	–0,403 (c/s)
		1	1,35	0,38		
	Общий показатель психологических ресурсов ребенка / The overall indicator of child's psychological resources	0	3,59	0,48	0,010	0,128 (oc/vs)
		1	3,53	0,44		
	Общий показатель признаков ПТСР / General indicator of PTSD symptoms	0	1,13	2,68	0,001	–0,420 (c/s)
		1	2,47	3,78		
	Жизнеспособность семьи / Family resilience	0	102,90	17,90	0,263	–0,055 (oc/vs)
		1	103,87	16,99		
	Резилентность родителя / Parent's resilience	0	20,22	3,68	0,001	0,286 (c/s)
		1	19,11	4,09		
Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age	Общий показатель дезадаптации / General indicator of maladaptation	0	1,30	0,34	0,001	–0,493 (c/s)
		1	1,50	0,44		
	Общий показатель психологических ресурсов ребенка / The overall indicator of child's psychological resources	0	3,43	0,49	0,001	0,200 (oc/vs)
		1	3,34	0,47		
	Общий показатель признаков ПТСР / General indicator of PTSD symptoms	0	1,68	3,35	0,001	–0,450 (c/s)
		1	3,66	5,20		
	Жизнеспособность семьи / Family resilience	0	107,77	13,25	0,010	0,085 (oc/vs)
		1	106,66	12,69		

Выборка / Selection	Показатель / Indicator	Семейный травматический опыт / Traumatic experiences in child's family	Среднее / Mean	Среднеквадратичное отклонение / Standard deviation	T-критерий Стьюдента, двусторонняя значимость / Student's T-test, two-way significance	Значение критерия d Коэна (размер эффекта) / Cohen's d (effect size)
	Резилентность родителя / Parent's resilience	0	20,25	3,77	0,001	0,291 (c/s)
		1	19,09	4,18		

Примечание: «0» — отсутствие в семьях, где воспитывается ребенок, травматического опыта, «1» — наличие в семьях, где воспитывается ребенок, травматического опыта; «м» — незначительные различия ($< 0,01$), «ос» — очень слабые различия (0,01–0,2), «с» — слабые различия (0,2–0,5), «ср» — средние различия (0,5–0,8).

Note: «0» — children from families having no traumatic experiences, «1» — children from families having traumatic experiences; «m» — minor differences ($< 0,01$), «vs» — very slight differences (0,01–0,2), «s» — slight differences (0,2–0,5), «a» — average differences (0,5–0,8).

Таблица 4 / Table 4

Результаты корреляционного анализа взаимосвязей между показателями, отражающими жизнеспособность семьи и индивидуальную резилентность родителя, и показателями, отражающими травматический опыт и состояние ребенка
The results of the correlation analysis of the relationships between indicators reflecting family resilience and individual resilience of the parent and indicators reflecting the traumatic experience and condition of the child

Показатели опроса родителей / Parent survey indicators	Сумма травм ребенка, связанных с боевыми действиями / Sum of child's traumas due hostilities		Жизнеспособность семьи / Family resilience		Резилентность родителя, индивидуальная / Individual parents's resilience	
	Дети дошкольного возраста / Preschool Children	Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age	Дети дошкольного возраста / Preschool Children	Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age	Дети дошкольного возраста / Preschool Children	Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age
Общий показатель дезадаптации / General indicator of maladaptation	0,243**ос	–0,287**ос	–0,122**ос	–0,227**ос	–0,243**ос	–0,337**с

Показатели опроса родителей / Parent survey indicators	Сумма травм ребенка, связанных с боевыми действиями / Sum of child's traumas due hostilities		Жизнеспособность семьи / Family resilience		Резилентность родителя, индивидуальная / Individual parents's resilience	
	Дети дошкольного возраста / Preschool Children	Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age	Дети дошкольного возраста / Preschool Children	Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age	Дети дошкольного возраста / Preschool Children	Дети младшего школьного возраста / Children of primary school age
Общий показатель психологических ресурсов ребенка / The overall indicator of child's psychological resources	–0,187** _{ос}	0,133** _{ос}	0,156** _{ос}	0,272** _{ос}	0,253** _{ос}	0,305** _с
Общий показатель ПТСР признаков / General indicator of PTSD symptoms	0,332** _с	0,350** _с	–0,074** _{ос}	–0,120** _{ос}	–0,159** _{ос}	–0,239** _{ос}
Жизнеспособность семьи / Family resilience	–0,002	–0,049** _{ос}	1,000	1,000	0,198** _{ос}	0,259** _{ос}
Резилентность родителя / Parent's resilience	–0,039	0,124** _{ос}	0,198** _{ос}	0,259** _{ос}	1,000	1,000

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя); «ос» — очень слабая корреляционная значимость (0,1–0,3), «с» — слабая корреляционная значимость (0,30–0,5) по шкале Чеддока.

Note: «**» — correlation is significant at the 0,01 level (two-sided); «ос» — small correlation significance (0,1–0,3), «с» — medium correlation significance (0,3–0,5), by the Cheddock scale.

Таблица 5 / Table 5

Результаты эксплораторного факторного анализа
Results of exploratory factor analysis

Показатели шкал и факторы / Indicators of scales and factors	Факторные нагрузки / Factor loadings
Травматический опыт детей и его психологические последствия / Children traumatic experiences and its psychological consequences	
Сумма травм, связанных с боевыми действиями / Sum of child's traumas due hostilities	0,734

Показатели шкал и факторы / Indicators of scales and factors	Факторные нагрузки / Factor loadings
Общий показатель ПТСР признаков / General indicator of PTSD symptoms	0,796
Общий показатель дезадаптации / General indicator of maladaptation	0,731
Психологические ресурсы родителя и ребенка / Psychological resources of parent and child	
Жизнеспособность семьи / Family resilience	0,740
Резилентность родителя / Parent's resilience	0,651
Общий показатель психологических ресурсов ребенка / The overall indicator of child's psychological resources	0,623

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить существенные закономерности в области психологических последствий переживания травматического опыта детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Установлено, что распространенность трудных жизненных ситуаций, вызванных переживанием травматического опыта, связанного с боевыми действиями, различается в зависимости от возраста ребенка: согласно опросу родителей/законных представителей, среди дошкольников 28,8% имеют такой травматический опыт, а среди младших школьников этот показатель возрастает до 44,1%. Важно учитывать, что большая часть опрошенных проживает в регионах, пострадавших в результате боевых действий (ЛНР, Республика Крым, Херсонская, Запорожская, Брянская области), однако и в регионе, удаленном от зоны боевых действий (Кузбасс), есть дети, которых они затронули через близких родственников.

Анализ данных о травматическом опыте семей позволил оценить соотношение родительского и детского травматического опыта. Так, травматический опыт выяв-

лен в 42,8% семьях дошкольников и 51,2% семьях младших школьников. Выявлено статистически значимое несоответствие ($p \leq 0,001$) между представленными родителями данными о семейном травматическом опыте и опыте, пережитом детьми, что может быть обусловлено тем, что: 1) травматический опыт семьи не во всех случаях связан с боевыми действиями, 2) родители считают, что травматическое событие, пережитое семьей, не затронуло ребенка, 3) родители оберегали ребенка от информации о травматическом событии, пережитом семьей.

Анализ различий по критерию наличия/отсутствия в опыте детей психотравмирующих событий, связанных с боевыми действиями, показал значительную выраженность дезадаптации, признаков ПТСР и сниженные проявления психологических ресурсов совладания со стрессом у детей, имеющих такой опыт. По критерию наличия/отсутствия семейных психологических травм выявлены аналогичные различия в выраженности дезадаптации и проявлений ПТСР у детей и дополнительно — различия в жизнеспособности семьи, и в индивидуальной резилентности родителей. Дан-

ные исследования позволяют сделать вывод о том, что наличие травматического опыта у детей и взрослых членов семьи усиливает дезадаптацию и признаки ПТСР у детей и снижает как собственные психологические ресурсы детей, так и психологические ресурсы родителей.

Анализ корреляционных взаимосвязей между показателем, суммирующим пережитый ребенком травматический опыт, с одной стороны, жизнеспособностью семьи и индивидуальной резилентностью родителя — с другой, показывает наличие значимых отрицательных корреляционных связей только для группы детей младшего школьного возраста. Кроме того, у детей этой возрастной группы травматические события, связанные с боевыми действиями, отмечаются родителями чаще, чем для дошкольников, и имеет место большее совпадение травматического опыта семьи и детей.

В ходе раздельного корреляционного анализа данных в обеих возрастных группах выявлены статистически значимые взаимосвязи суммарной дезадаптации, психологических ресурсов, выраженности признаков ПТСР у детей с показателями, отражающими выраженность жизнеспособности семьи и индивидуальной резилентности родителей. Выявленные корреляционные связи и их направленность свидетельствуют о том, что при росте жизнеспособности семьи и индивидуальной резилентности родителей у их детей возрастают показатели, отражающие выраженность ресурсов, и снижается выраженность проявлений дезадаптации и ПТСР, а при снижении ресурсов родителей у детей, напротив, наблюдается рост дезадаптации и выраженности проявлений ПТСР.

Результаты эксплораторного факторного анализа, при котором показатели, отражающие выраженность ресурсов жизнеспособности семьи, индивидуальной резилентности родителя и психологические ресурсы ребенка, составили единый фактор психологических ресурсов, подтверждают тезис о том, что семья и родители могут рассматриваться как психологические ресурсы ребенка в совладании со стрессом и травмой. Суммарный травматический опыт ребенка образовал единый фактор с выраженностью признаков дезадаптации и проявлений ПТСР.

Приведенные результаты подтверждают гипотезу исследования: жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей, способствующими успешному совладанию с трудными жизненными ситуациями, связанными с боевыми действиями.

Заключение

На основе экспертных оценок родителей выявлено, что травматический опыт, с которым сталкивались дети, различается по объему и содержанию в зависимости от возраста. Родители нередко считают, что травматический опыт семьи не отразился на психологическом состоянии ребенка. Учитывая, что пережитый травматический опыт взрослых сказался на жизнеспособности семьи и индивидуальной резилентности, опосредованно он отразился на состоянии детей. В подтверждение этому получены тесные взаимосвязи между психологическим состоянием детей, жизнеспособностью семьи и индивидуальной резилентностью родителей. Выявлено, что высо-

кий уровень жизнеспособности семьи и индивидуальная резилентность способствуют снижению проявлений дезадаптации, уменьшению признаков ПТСР, повышению психологических ресурсов детей. Результаты показывают, что жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей, способствующими успешному совладанию с трудными жизненными ситуациями, связанными с боевыми действиями.

Результаты исследования подчеркивают взаимосвязанность состояния родителей и детей дошкольного и младшего школьного возраста, акцентируя необходимость оказания психологической помощи не только самому ребенку, но и родителям, чье ресурсное состояние способствует успешному совладанию детей с жизненными трудностями, а дефицит ресурсов родителей повышает уязвимость ребенка в условиях переживания травматического опыта, связанного с боевыми действиями.

Проведенное исследование подчеркивает необходимость более глубокого изучения механизмов передачи травматического опыта в семье и разработки специальных программ поддержки, сфокусированных как на детском, так и ро-

дительском травматическом опыте. Это особенно важно, учитывая роль семьи как основного источника и среды формирования психологических ресурсов совладания со стрессом у ребенка.

Среди перспектив — изучение роли родителей в совладании с трудной жизненной ситуацией у подростков, в той или иной степени пострадавших в результате боевых действий, а также исследование на основе лонгитюдного дизайна, направленное на изучение динамики и взаимозависимости совладания с жизненными трудностями у детей разных возрастов и в семьях, в которых они растут.

Ограничения. Исследование основано только на результатах опроса родителей (законных представителей), не учитывались данные психодиагностики ребенка. В опросе участвовал только один родитель (законный представитель), более чем в 90% случаев — мать ребенка.

Limitations. The study was based only on expert assessments of parents (legal representatives), child's psychodiagnostic data were not taken into account. Only one parent (legal representative) participated in the survey, more than in 90% cases — the child's mother.

Список источников / References

1. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Козырева, Н.В., Кузьмина, Е.И. (2024). «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII): новая версия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 8–31.
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Kozyreva, N.V., Kuzmina, E.I. (2024). "Family Resilience Assessment Scale" (FRAS-RII): new version. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(1), 8–31. (In Russ.).
2. Дудина, Е.Г., Кашурина, Л.Ф., Бабенко, Е.А. (2019). Проблема адаптации и дезадаптации дошкольников в психолого-педагогической литературе. В кн.: Ж.В. Мурзина, О.Л. Богатырева, А.С. Егорова (ред.), *Образование и педагогика: теория, методология, опыт*.

- Сб. ст. (с. 30–34). Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда».
- Dudina, E.G., Kashurina, L.F., Babenko, E.A. (2019). The problem of adaptation and maladaptation of preschoolers in psychological and pedagogical literature. In: Zh.V. Murzina, O.L. Bogatyreva, A.S. Egorova (eds.), *Education and pedagogy: theory, methodology, experience* (pp. 30–34). Cheboksary: Limited Liability Company “Publishing house “Sreda”. (In Russ.).
3. Ерёмина, Л.Ю. (2011). Система социально-психологической работы с детьми, переживающими последствия чрезвычайных ситуаций. *Системная психология и социология*, 4(II), 61–71.
Eremina, L.Y. (2011). The system of social and psychological work with children experiencing the consequences of emergency situations. *Systems Psychology and Sociology*, 4(II), 61–71. (In Russ.).
4. Изотова, Е.И. (2011). Диагностика эмоциональной сферы дошкольника: концепция и методы. *Психолог в детском саду*, 4, 41–70.
Izotova, E.I. (2011). Diagnosis of a preschooler's emotional sphere: concept and methods. *Psychologist in kindergarten*, 4, 41–70. (In Russ.).
5. Ковалевская, А.П. (2020). Влияние экстремальной ситуации военного конфликта на эмоциональное состояние детей дошкольного возраста. *Вестник Вятского государственного университета*, 2(136), 142–149.
Kovalevskaya, A.P. (2020). The impact of the extreme situation of military conflict on the emotional state of preschool children. *Bulletin of Vyatka State University*, 2(136), 142–149. (In Russ.).
6. Леонтьев Д.А. (2025). Совладание в контексте саморегуляции. Часть 1. Концептуальные проблемы и вызовы. *Психологический журнал*, 1(46), 5–13. <https://doi.org/10.31857/S0205959225010014>
Leontiev D.A. (2025). Coping (sovladanie) in the context of self-regulation. Part 1. Conceptual problems and challenges. *Psychological journal*, 1(46), 5–13 (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0205959225010014>
7. Леонтьев, Д.А., Лебедева, А.А., Силантьева, Т.А. (2015). Место и функции социальной поддержки в структуре личностных ресурсов лиц с ограниченными возможностями здоровья. *Культурно-историческая психология*, 11(3), 120–134. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110311>
Leontiev, D.A., Lebedeva, A.A., Silantyeva, T.A. (2015). The Place and Functions of Social Support in the Structure of Personal Resources of Persons with Disabilities. *Cultural-Historical Psychology*, 11(3), 120–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2015110311>
8. Литвиненко, Н.В., Гасилина, М.А. (2023). К вопросу о проявлениях дезадаптации старших дошкольников к образовательной среде дошкольной организации. *Проблемы современного педагогического образования*, 79–2, 248–251.
Litvinenko, N.V., Gasilina, M.A. (2023). On the issue of the manifestations of maladaptation of older preschoolers to the educational environment of a preschool organization. *Problems of modern teacher Education*, 79–2, 248–251. (In Russ.).
9. Малкина-Пых, И.Г. (2005). *Психологическая помощь в кризисных ситуациях*. Москва: Изд-во «Эксмо».
Malkina-Pykh, I.G. (2005). *Psychological help in crisis situations*. Moscow: Eksmo Publishing House. (In Russ.).
10. Маркова, В.И., Александрова, Л.А., Золотарева, А.А. (2022). Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов,

- многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью. *Национальный психологический журнал*, 45(1), 65–75. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>
- Markova, V.I., Alexandrova, L.A., Zolotareva, A.A. (2022). The Russian version of the Brief Resilience Scale: The psychometric analysis on the example of samples of students, parents with many children and parents of disabled children. *National Journal of Psychology*, 45(1), 65–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>
11. Морозова, Е.И., Венгер, А.Л. (2003). Организация психологической помощи в чрезвычайных ситуациях. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 2(3), 60–62.
Morozova, E.I., Wenger, A.L. (2003). Organization of psychological assistance in emergency situations. *Issues of mental health of children and adolescents*, 2(3), 60–62. (In Russ.).
12. Мышко, В.В., Беляев, С.Н. (2023). Теоретические подходы к изучению понятия трудной жизненной ситуации в психологии. *Наука в жизни человека*, 3, 95–101.
Myshko, V.V., Belyaev, S.N. (2023). Theoretical approaches to the study of the concept of a difficult life situation in psychology. *Science in Human Life*, 3, 95–101. (In Russ.).
13. Овчаренко, Л.Ю. (2014). Система психологической помощи детям беженцев. *Системная психология и социология*, 4(12), 54–64.
Ovcharenko, L.Y. (2014). The system of psychological assistance to refugee children. *Systems Psychology and Sociology*, 4(12), 54–64. (In Russ.).
14. Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П. (2025). Психологические ресурсы личности и семьи в условиях вызовов современности: монография. М.: ФГБОУ ВО МГППУ.
Odintsova, M.A., Radchikova, N.P. (2025). *Psychological resources of the individual and family in the context of contemporary challenges: a monograph*. Moscow: MSUPE. (In Russ.).
15. Одинцова, М.А., Лубовский, Д.В., Бородкова, В.И., Козырева, Н.В., Веричева, О.Н. (2023). Профили семейной жизнеспособности и жизнестойкость представителей российских и белорусских семей. *Культурно-историческая психология*, 19(3), 81–92. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190310>
Odintsova, M.A., Lubovsky, D.V., Borodkova, V.I., Kozyreva, N.V., Vericheva, O.N. (2023). Profiles of family Resilience and Vitality among representatives of Russian and Belarusian families. *Cultural-Historical Psychology*, 19(3), 81–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2023190310>
16. Петрова, С.С. (2024). Психолого-педагогические условия профилактики социальной дезадаптации дошкольников в условиях дошкольной образовательной организации. *Гуманитарные науки (г. Ялта)*, 2(66), 166–172.
Petrova, S.S. (2024). Psychological and pedagogical conditions for the prevention of social maladaptation of preschoolers in a preschool educational organization. *Humanities (Yalta)*, 2(66), 166–172. (In Russ.).
17. Рогачева, Т.В., Залевский, Г.В., Левицкая, Т.Е. (2015). *Психология экстремальных ситуаций и состояний*. Томск: Издательский Дом ТГУ.
Rogacheva, T.V., Zalevsky, G.V., Levitskaya, T.E. (2015). *Psychology of extreme situations and conditions*. Tomsk: TSU Publishing House. (In Russ.).
18. Сулейманова, Р.В., Ермилова, Н.Ш. (2020). Педагогическое сопровождение детей из зон вооруженных конфликтов. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*, 14(3), 79–83.
Suleymanova, R.V., Ermilova, N.S. (2020). Pedagogical support for children from armed conflict zones. Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. *Psychological and Pedagogical Sciences*, 14(3), 79–83. (In Russ.).

19. Тарабрина, Н.В. (2001). *Практикум по психологии посттравматического стресса*. СПб.: Питер.
Tarabrina, N.V. (2001). *Workshop on the psychology of post-traumatic stress*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).
20. Ульянина, О.А., Александрова, Л.А., Чумаченко, Д.В., Оконовенко, Д.В., Файзуллина, К.А. (2025). Стандартизация скрининговой методики для оценки состояния детей, переживших последствия боевых действий. *Консультативная психология и психотерапия*. <https://doi.org/10.17759/cpp.2025330> (в печати).
Ulyanina, O.A., Alexandrova, L.A., Chumachenko, D.V., Okonovenko, D.V., Fayzullina, K.A. (2025). Standardization of screening methods for assessing the condition of children who have survived the effects of hostilities. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2025330> (at the publication stage).
21. Becvar, D.S. (Ed.) (2013). *Handbook of Family Resilience*. New York: Springer.
22. Denov, M., Fennig, M., Rabiau, M.A., Shevell, M.C. (2019). Intergenerational resilience in families affected by war, displacement, and migration: “It runs in the family”. *Journal of Family Social Work*, 22, 17–45. <https://doi.org/10.1080/10522158.2019.1546810>
23. Jong, J. (2020). Family interventions and armed conflict. In: W.K. Halford, F. Van De Vijver (eds.), *Cross-Cultural Family Research and Practice* (pp. 437–475). New York: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-815493-9.00015-6>
24. Hazer, L., Gredebck, G. (2023). The effects of war, displacement, and trauma on child development. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10, Article 909. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02438-8>
25. Masten, A.S. (2019). Resilience from a developmental systems perspective. *World Psychiatry journal*, 18(1), 101–102. <https://doi.org/10.1002/wps.20591>
26. Sousa, C.A., Akesson, B., Siddiqi, M. (2025). Parental Resilience in Contexts of Political Violence: A Systematic Scoping Review of 45 Years of Research. *Trauma Violence Abuse*, 26(1), 41–57. <https://doi.org/10.1177/15248380241270048>
27. Trivette, C.M., Dunst, C.J., Deal, A.G., Hamer, W., Propst, S. (1990). Assessing family strengths and family functioning style. *Topics in Early Childhood Specialist Education*, 10(1), 16–35.

Приложение / Appendix

Приложение А. Количественный состав детей и распространенность среди них травматического опыта, связанного с боевыми действиями (по результатам опроса родителей). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160408>

Appendix A. Number of children and distribution of traumatic experiences related to hostilities among them (on the base of their parents' questioning). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160408>

Информация об авторах

Ольга Александровна Ульянина, доктор психологических наук, доцент, руководитель Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), член-корреспондент РАО, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru

Ульянина О.А., Юрчук О.Л., Александрова Л.А.,
Никифорова Е.А., Файзуллина К.А. (2025)
Семья как ресурс совладания...
Социальная психология и общество,
16(4), 127–147.

Ulyanina O.A., Yurchuk O.L., Alexandrova L.A.,
Nikiforova E.A., Fayzullina K.A. (2025)
Family as a resource for overcoming difficult life...
Social Psychology and Society,
16(4), 127–147.

Ольга Леонидовна Юрчук, кандидат психологических наук, заместитель руководителя Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3221-2945>, e-mail: yurchukol@mgppu.ru

Лада Анатольевна Александрова, кандидат психологических наук, ведущий аналитик отдела научно-методического обеспечения Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: ladaleksandrova@mail.ru

Екатерина Александровна Никифорова, начальник отдела научно-методического обеспечения Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-6497>, e-mail: nikiforovaea@mgppu.ru

Ксения Александровна Файзуллина, кандидат педагогических наук, начальник экспертно-аналитического отдела Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2985-9332>, e-mail: fajzullinaka@mgppu.ru

Information about the authors

Olga A. Ulyanina, Doctor of Sciences (Psychology), Corresponding member of the RAE, Head of the Federal Coordination Center for Provision the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru

Olga L. Yurchuk, Candidate of Sciences (Psychology), Deputy Head of the Federal Coordination Center for the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3221-2945>, e-mail: yurchukol@mgppu.ru

Lada A. Aleksandrova, Candidate of Sciences (Psychology), Leading Analyst of the Department of Scientific and Methodological Support at the Federal Coordination Center for the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: ladaleksandrova@mail.ru

Ekaterina A. Nikiforova, Head of the Department of Scientific and Methodological Support at the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-6497>, e-mail: nikiforovaea@mgppu.ru

Kseniya A. Fayzullina, Candidate of Sciences (Psychology), Head of the Expert and Analytical Department at the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2985-9332>, e-mail: fajzullinaka@mgppu.ru

Вклад авторов

Ульянина О.А. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Юрчук О.Л. — написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Александрова Л.А. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Никифорова Е.А. — аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных.

Файзуллина К.А. — аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Olga A. Ulyanina — research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; research planning; monitoring of the research.

Olga L. Yurchuk — writing and registration of the manuscript; monitoring over the research.

Lada A. Aleksandrova — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; data collection and analysis; visualization of research results.

Ekaterina A. Nikiforova — annotation, writing and design of the manuscript; data collection and analysis.

Kseniya A. Fayzullina — annotation, writing and design of the manuscript; data collection and analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Все участники были проинформированы о своем участии в исследовании, ознакомлены с целями, задачами и методами исследования, выразили добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Ethics statement

All participants were informed about their participation in the study, familiarized with the goals, objectives and methods of the study, and expressed their voluntary informed consent to participate in the study.

Поступила в редакцию 23.09.2025

Поступила после рецензирования 31.10.2025

Принята к публикации 09.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.23

Revised 2025.10.31

Accepted 2025.12.09

Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

Пенсионный переход в восприятии предпенсионеров: возможное Я-пенсионер в будущей жизненной ситуации

Т.П. Емельянова¹, Е.Н. Викентьева² ✉

¹ Институт психологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

✉ vikentieva@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. К категории жизненных ситуаций, которые требуют существенной перестройки базовых личностных структур, относится пенсионный переход, а ключевым аспектом этого процесса являются изменения в Я-концепции. Особенности прогнозирования человеком пенсионного этапа жизни требуют изучения структуры Я-концепции и, в частности, возможного Я-пенсионера. Взаимосвязь Я настоящего и возможного Я-пенсионера позволяет понять природу факторов, способствующих успешным пенсионным настройкам в будущем.

Цель. Изучение роли ряда личностных факторов в конструировании возможного Я у предпенсионеров по отношению к будущей жизненной ситуации.

Дизайн исследования. Для выявления типов респондентов по модальности ожидания от своего будущего на пенсии выборка была разделена на 3 группы (позитивно настроенные, негативно настроенные и нейтральные) на основе контент-анализа ответов на открытый вопрос авторского опросника. Поиск взаимосвязей между компонентами «Я» настоящего (характеристиками самосознания) и эмоциональным, когнитивным и предповеденческим компонентами возможного Я в условиях жизни на пенсии осуществлялся путем расчета значимых различий между выявленными группами респондентов по СЖО, перспективе будущего и представлениям о будущем на пенсии.

Методы и материалы. Выборку составили 400 человек (мужчины — 50,1%, женщины — 49,9%), возрастная группа 45–63 лет, проживающих на территории Центрального федерального округа Российской Федерации. Опросник, направленный на изучение представлений о будущей трудной жизненной ситуации выхода на пенсию (авторы — Т.П. Емельянова и Е.Н. Викентьева), русскоязычная версия опросника «Профессиональная временная перспектива будущего» Х. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т.Ю. Базарова и А.В. Парамузова, тест смысловых ориентаций Дж. Крамбо и Л. Махонлика (J. Crumbaugh, L. Maholic) в адаптации Д.А. Леонтьева.

Результаты. Обнаружены значимые различия (t -критерий Стьюдента, $p < 0,01$) между группами респондентов с позитивными и негативными прогнозами жизни после пенсионного перехода: показатели по всем шкалам методики СЖО более высокие, чем у второй группы. Средние значения по методике «Профессиональная временная перспектива будущего» показывают, что фокусирование на возможностях и восприятие своего

оставшегося времени как неограниченного выше у респондентов, воспринимающих будущее позитивно. При этом фокусирование на ограничениях выше у респондентов, воспринимающих предстоящую трудную жизненную ситуацию негативно, роль предиктора по отношению к характеру восприятия своего будущего на пенсии (линейный регрессионный анализ) для шкалы СЖО «Локус контроля-Я» имеет характер тенденции.

Выводы. Возможное Я-пенсionер представляет собой у предпенсionеров ядерный конструкт, базирующийся на глубинных личностных структурах Я — уверенность в себе, вера в возможность контролировать события своей жизни, ориентация на возможности в будущем. Факторы возраста респондентов, их семейного статуса, места проживания, образования, сферы деятельности не обнаружили связей с эмоциональным компонентом возможного Я-пенсionер.

Ключевые слова: предпенсionеры, возможное Я-пенсionер, концепция-Я, смысловые ориентации, ориентация на возможности/ограничения, локус контроля-Я, будущая жизненная ситуация

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00422 «Экономико-психологическая зрелость людей предпенсionного возраста в ситуации планирования выхода на пенсию», <https://rscf.ru/project/24-28-00422/#1>.

Дополнительные данные. Наборы данных можно запросить у автора (Е.Н. Викентьева).

Для цитирования: Емельянова, Т.П., Викентьева, Е.Н. (2025). Пенсионный переход в восприятии предпенсionеров: возможное Я-пенсionер в будущей жизненной ситуации. *Социальная психология и общество*, 16(4), 148–167. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160409>

Pension transition in the perception of pre-retirees: possible self-pensioner in the future life situation

T.P. Emelyanova¹, E.N. Vikentieva² ✉

¹ Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

✉ vikentieva@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The category of life situations that require a significant restructuring of basic personality structures includes the retirement transition, and the key aspect of this process is changes in the self-concept. The peculiarities of a person's forecasting of the retirement stage of life require studying the structure of the self-concept and, in particular, the possible self-pensioner. The relationship between the present self and the possible self-pensioner allows us to understand the nature of the factors that contribute to successful pension adjustment in the future.

Objective. Study of the role of a number of personal factors in the construction of a possible self in pre-retirement people in relation to the future life situation.

Research design. To identify the types of respondents by the modality of expectations about their future in retirement, the sample was divided into 3 groups (positively minded, negatively

mind and neutral) based on the content analysis of the answers to the open question of the author's questionnaire. The search for relationships between the components of the present "I" (characteristics of self-awareness) and the emotional, cognitive and pre-behavioral components of the possible self in the conditions of life in retirement was carried out by calculating the significant differences between the identified groups of respondents by the PIL, future prospects and ideas about the future in retirement.

Methods and materials. *The sample included 400 people (men – 50,1%, women – 49,9%), age group 45–63 years, living in the Central Federal District of the Russian Federation. A questionnaire aimed at studying ideas about the future difficult life situation of retirement (authors – T.P. Yemelyanova and E.N. Vikentyeva), the Russian-language version of the questionnaire "Professional Time Perspective of the Future" by H. Zacher and M. Frese adapted by T.Yu. Bazarov and A.V. Paramuzov, the test of life-meaning orientations by J. Crumbaugh, L. Mahnolic adapted by D.A. Leontiev.*

Results. *Significant differences (Student's t -test, $p < 0,01$) were found between the groups of respondents with positive and negative life forecasts after retirement: the indicators for all scales of the PIL methodology are higher than those of the second group. The average values for the "Professional Time Perspective of the Future" methodology show that focusing on opportunities and perceiving their remaining time as unlimited are higher among respondents who perceive the future positively. At the same time, focusing on limitations is higher among respondents who perceive the upcoming difficult life situation negatively. The role of the predictor in relation to the nature of the perception of one's future in retirement (linear regression analysis) for the PIL scale "Locus of Control-I" has the nature of a tendency.*

Conclusions. *The possible Self-pensioner is a nuclear construct for pre-pensioners, based on deep personal structures of Self-confidence, belief in the ability to control the events of one's life, orientation toward opportunities in the future. The factors of respondents' age, their family status, place of residence, education, and sphere of activity did not reveal any connections with the emotional component of the possible Self-pensioner.*

Keywords: *pre-retirees, possible self-pensioner, concept-I, life-meaning orientations, orientation to opportunities/limitations, locus of control-I, future life situation*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 24-28-00422, <https://rscf.ru/project/24-28-00422/#!>.

Supplemental data. Datasets can be requested from the author (E.N. Vikentieva).

For citation: Emelyanova, T.P., Vikentieva, E.N. (2025). Pension transition in the perception of pre-retirees: possible self-pensioner in the future life situation. *Social Psychology and Society*, 16(4), 148–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160409>

Введение

Выход на пенсию неизбежно оценивается человеком как значимая жизненная ситуация. Она может эмоционально восприниматься как нейтральная, благоприятная или как негативная.

В любом случае она требует от человека психологической подготовки. Новая жизненная ситуация вынуждает человека не только интерпретировать ее для себя, но и перестраиваться в соответствии с необходимостью.

Пенсионный переход предъявляет к личности требования, связанные с активизацией ее психологических ресурсов для успешной адаптации к новой жизненной ситуации. Процесс поиска и включения этих ресурсов является затратным, что порой делает ситуацию сложной. Исследователи отмечают, что хотя традиционно группа людей предпенсионного возраста воспринималась как психологически благополучная и работодателями, и социальными службами в плане стабильности дохода, опыта работы, ответственности и предсказуемости поведения, но недавние исследования субъективного благополучия россиян в предпенсионном возрасте обнаруживают их значительную психологическую уязвимость по сравнению с более младшими и более старшими возрастными группами (Мануильская, Солодовникова, Малькова, 2023, с. 106).

Подобная психологическая уязвимость специфична для данной возрастной категории независимо от культурной и национальной принадлежности. На психологические проблемы, связанные с выходом на пенсию, указывают и зарубежные авторы, ассоциируя их не только со снижением доходов, но и с чувством потери роли, с потерей членства в группе (Froidevaux et al., 2024). Исследователи отмечают, что тревожное состояние перед выходом на пенсию, ожидание будущих финансовых ограничений, социальной изолированности сопровождаются особым психологическим напряжением и повышенной готовностью к возможному неблагоприятному развитию событий. Образуется своего рода внутренний буфер, который Н.К. Шлоссберг назвала «психологическим портфолио» предпен-

сионера (Schlossberg, 2004) — своеобразный «спасательный круг», создаваемый человеком для облегчения психологического дискомфорта в ситуации пенсионного перехода. Это может быть финансовая подготовка, повышенное внимание к здоровью, ускоренное решение бытовых проблем или «уход», отложенные мысли о будущем, но в любом случае предстоящая ситуация вызывает озабоченность. В недавнем отечественном исследовании отмечается выраженная «амбивалентность восприятия образа жизни на пенсии, у которого помимо позитивных есть отчетливо выраженные негативные характеристики» (Киселев, Михайлова, Смирнова, 2024, с. 92) — речь идет об оценках респондентами разного возраста своих эмоциональных состояний, чувств, установок по отношению к будущему пенсионному периоду. По словам авторов, «здесь присутствуют как спокойствие и принятие, так и широкий спектр негативных эмоций и установок — тревога, тоска, безысходность, апатия, страх» (там же). Будущие изменения в образе жизни, социальных связях, подготовка к корректировке своих ролей, социальной идентичности неизбежно предполагают трансформационные процессы в личности.

Для анализа психологического содержания пенсионного перехода личности имеет смысл обратиться к развитию теоретических основ Я-концепции, предпринятых в восьмидесятих годах XX века Хейзел Маркус и Паулой Нюриус, которые ввели в научный оборот понятие возможного Я (Markus, Nurius, 1986). Они определяют его в терминах социо-когнитивного подхода к изучению Я-концепции: «Возможные Я представляют собой идеи индивидуумов о том,

кем они могут стать, кем они хотели бы стать и кем они боятся стать, и, таким образом, обеспечивают концептуальную связь между познанием и мотивацией» (Markus, Nurius, 1986, p. 954). В этом определении важно, что авторы предусматривают в структуре возможного Я существование не только желания человека получить в будущем те или иные значимые качества, свойства, достоинства, но и то, кем он боится стать, страх не суметь чего-то достичь. Это, по существу, ожидания, основанные на прогнозе, которые амбивалентны по модальности переживания. Для процесса ресоциализации значима именно эта характеристика возможного Я, что делает данное понятие продуктивным для анализа психологических механизмов, в частности, пенсионного перехода.

Авторы так формулируют цель введения этого понятия в существующий тезаурус понятий Я-концепции: «Центральным предположением этого расширенного взгляда на Я-концепцию является то, что измерения Я, отличные от настоящего Я, должны вносить значимый вклад в объяснение дисперсии текущих аффективных и мотивационных состояний индивидуума» (Markus, Nurius, 1986, p. 959). Перспективы применения понятия возможного Я, как показали работы разных авторов, чрезвычайно широки, нововведение оказалось настолько продуктивным, что его с успехом использовали не только исследователи в сфере изучения мотивации, планирования, но и в возрастной, клинической психологии, психологии девиантного поведения, в психологии труда и др. (например, Freeman et al., 2001; Hock et al., 2006; Hooker, 1992; Oyserman, Destin,

Novin, 2015; Ryff, 1991; Vasilevskaya, Molchanova, 2021 и др.).

Отечественные авторы также позитивно оценили возможности нового для изучения Я-концепции понятия: «Фактически возможные Я представляют собой направленный в сферу будущего и возможного компонент Я-концепции, на когнитивном уровне выражающий ожидания, стремления, страхи или надежды субъекта. Большинство приверженцев данной концепции отмечают, что конструкт возможных Я является важным инструментом в совладании с трудными жизненными ситуациями, личностным ресурсом в саморегуляции собственной деятельности (Москвичева и др., 2022, с. 98). Активно обсуждаются сферы применения этого понятия, его вариативность и методы изучения феномена (Аванесян, Денисенко, 2022; Василевская, Молчанова, 2016; Гришутина, Костенко, 2022; Костенко, 2016).

Баланс в репертуаре возможных Я (т.е. наличие желаемого и пугающего Я в одной и той же сфере) был предметом лонгитюдного исследования респондентов в возрасте от 55 до 89 лет. Обнаружено, что и желаемые, и пугающие возможные Я за пятилетний срок наблюдения в целом оставались стабильными и сбалансированными, а некоторая нестабильность отмечалась в сфере здоровья (Frazier et al., 2000, p. 242).

Пенсионный переход, являющийся сложным периодом в масштабе жизни человека, неизбежно предполагает перестройку концепции Я, к которой требуется соответствующая психологическая подготовка. Именно в предпенсионном периоде человек испытывает наибольшие трудности в самоопределении для

будущей жизни. Конструирование возможного Я-пенсионер в данной жизненной ситуации выступает как механизм преднастройки к пенсионному переходу. «Тестируя» в воображении различные сферы своей будущей жизни, человек прогнозирует то, на что он может надеяться, чего он опасается, чего может достичь, чего он боится и т.п. Подобный прогноз и соответствующие ожидания позволяют построить относительно комфортную личностную конструкцию возможного Я. На основе сконструированного возможного Я в период реального выхода на пенсию происходят завершающие тонкие настройки Я-концепции, обеспечивающие психологическое равновесие с наименьшими потерями.

Факторы успешности завершающих настроек активно изучаются в последнее десятилетие в направлении поиска личностных ресурсов, необходимых для благополучного пенсионного перехода. Помимо очевидных физических, когнитивных и финансовых ресурсов успешная личностная настройка, как показали результаты исследований, зависит от психического здоровья, поддержки семьи, проактивности личности (Zhan et al., 2023). Недавние исследования дополнили этот перечень такими феноменами, как «активное социальное взаимодействие и способность к управлению своим временем» (Froidevaux et al., 2024).

В процессах когнитивного освоения личностью грядущих жизненных изменений на первый план выступают мониторинг и прогнозирование собственных возможностей и ограничений. Адекватным подходом к анализу данных процессов представляется соотнесение Я настоящего и возможного Я в условиях жизни на

пенсии. С уверенностью можно утверждать, что Я настоящее является базой для конструирования возможного Я, связь этих двух аспектов Я-концепции была теоретически доказана во многих работах (Аванесян, Денисенко, 2022; Василевская, Молчанова, 2016; Гришутина, Костенко, 2019; Hooker, Kaus, 1994; Markus, Nurius, 1986) применительно к различным областям психологии и психотерапии (Frazier и др., 2000; Kita, 2011; Bak, 2015), социальной работы (Bond, 2022). Будучи одним из наиболее изменчивых и вариативных элементов Я-концепции, возможное Я играет роль «детектора», который анализирует и аккумулирует данные о психологических ресурсах и возможностях для наилучшей последующей настройки личностных структур в сложной жизненной ситуации.

В настоящем исследовании развивается подход к пониманию того, как некоторые особенности настоящего Я связаны со сконструированным предпенсионерами возможным Я на пенсии. Я настоящее представлено двумя феноменами, один из них — осмысленность жизни. Источники смысла жизни могут находиться либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс), либо в прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни, т.е. удовлетворение, получаемое при их достижении, и уверенность в собственной способности ставить перед собой цели, выбирать задачи из имеющихся и добиваться результатов (Леонтьев, 2000).

Второй феномен означает то, как человек воспринимает свою временную перспективу будущего — как ограниченную или неограниченную. Разработанные Х. Цахером и М. Фрезе понятия «фокусирование на ограничениях» или

«фокусирование на возможностях» проясняют психологический смысл построения образа будущего на переломных этапах жизненного пути. Наличие или отсутствие побудительных сил у личности во многом определяется временной перспективой будущего, степенью уверенности в собственных силах и возможности (Базаров, Парамузов, 2019, с. 58).

Эти ключевые личностные факторы позволяют понять природу ожиданий человека перед лицом жизненной ситуации выхода на пенсию, которая в корне меняет контекст его существования.

Конструируемое возможное Я, базируясь на прогнозах и ожиданиях, содержит ряд категорий (разработанных в исследованиях Дафны Ойзерман с коллегами), соответствующих актуальным сферам жизни человека: здоровье, академические/учебные достижения, семья, межличностные отношения и др. (Oyserman, Destin, Novin, 2015).

В настоящем исследовании исходной является более общая структура возможного Я-пенсионер с выделением его основных компонентов: эмоционального (позитивные и негативные возможные Я), когнитивного (представления о жизни на пенсии) и относящегося к готовности действовать (декларированные намерения). Основанием для акцентирования эмоционального компонента возможного Я предпенсионеров явилась присущая процессам ресоциализации вообще и пенсионной ресоциализации в частности аффективная напряженность, которая во многом определяет избирательность при конструировании корпуса когнитивных элементов и намерений в структуре возможного Я. Целью исследования было изучение роли ряда личностных факто-

ров в конструировании возможного Я у предпенсионеров по отношению к будущей жизненной ситуации.

Задачи исследования:

1. Выделить группы респондентов по модальности ожиданий от своего будущего на пенсии и оценить их специфические характеристики по социально-демографическим параметрам.

2. Выявить различия между группами, настроенными негативно и позитивно по отношению к своему будущему на пенсии, по общему индексу и шкалам СЖО, а также по профессиональным ориентациям.

3. Выявить различия между группами, настроенными негативно и позитивно по отношению к своему будущему на пенсии, по представлениям в отношении будущего.

4. Выявить предикторную роль СЖО по отношению к характеру восприятия своего будущего на пенсии (позитивные или негативные ожидания).

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие респонденты ($N = 400$), проживающие в различных городах Центрального федерального округа России, подавляющее большинство респондентов проживают в городах разной численности населения (более 1 миллиона жителей — 51,1%; менее 1 миллиона жителей — 46,4%). Данные собраны посредством платформы для проведения опросов «Анкетолог».

Пол: мужчины — 50,1%, женщины — 49,9%. Возраст: все респонденты относились к возрастной группе 45–63 лет. Данная возрастная группа сформирована

таким образом, поскольку, во-первых, все респонденты не входят в группу пенсионеров, а во-вторых, с 45-ти лет уже испытывают бремя возрастной дискриминации (Емельянова, Викентьева, 2023). Уровень образования: неполное среднее — 1,5%; среднее — 5,2%; среднее специальное — 31,2%; незаконченное высшее — 5,2%; высшее — 48,9%; два (или более) высших — 6,7%; ученая степень — 1%. Семейный статус: женаты (замужем) — 57,4%, не женаты (не замужем) — 26,2%, состоят в гражданском браке — 10,5%, вдовец (вдова) — 5,7%. Имеют родственников под опекой 32,9%, не имеют — 66,8%. Работают 88,5%; 70% респондентов являются наемными работниками. В выборке равномерно представлены разные сферы деятельности респондентов.

Методики исследования: представления о будущей трудной жизненной ситуации выхода на пенсию изучались при помощи авторского опросника, содержащего 25 утверждений. В основу опросника были положены предыдущие исследования авторов (Емельянова, Викентьева, 2023) и анализ литературы. Утверждения, включенные в опросник, относились к следующим сферам: представления о предстоящем социальном статусе пенсионера и будущих социальных контактах, ожидания от того, чем человек будет заниматься на пенсии, и другие. Надежность-согласованность пунктов опросника была подвергнута психометрической проверке, которая показала ее достаточный уровень (альфа Кронбаха = 0,76). Также опросник включал незаконченное предложение «Мои ожидания от жизни на пенсии можно описать как...», продолжения которого кодировались при помощи контент-анализа, и предложе-

ние «Когда я представляю себя пенсионером, я...». Респондентам было предложено оценить суждения по 5-балльной шкале. Для изучения профессиональной временной перспективы использовалась русскоязычная версия опросника «Профессиональная временная перспектива будущего» (Occupational Future Time Perspective, OFTP) Х. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т.Ю. Базарова и А.В. Парамузова (Базаров, Парамузов, 2019), тест смысловых ориентаций (СЖО/PII) Дж. Крамбо и Л. Махонлика (J. Crumbaugh, L. Mahnolic) в адаптации Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2000). С использованием анкетирования выявлялись социально-демографические параметры выборки (пол, возраст, семейный и образовательный статус, тип населенного пункта проживания, наличие родственников под опекой, вид и род деятельности, форма и сфера занятости, режим работы).

Схема проведения исследования. Респонденты анонимно заполняли опросник, направленный на изучение перспектив будущего выхода на пенсию, и методики, ориентированные на изучение смысловых ориентаций и временной перспективы будущего. Для обработки продолжений незаконченного предложения с целью дальнейшей группировки выборки был применен качественный контент-анализ. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с использованием пакета прикладных программ «SPSS 23.0». Примененные статистические методы — расчет значимых различий с использованием хи-квадрата Пирсона, t-критерия Стьюдента; анализ средних и линейная регрессия. Психолингвисти-

ческий анализ качественных данных — ответов респондентов на незаконченные предложения — осуществлялся при помощи экспертной системы ВААЛ.

Результаты

В соответствии с задачей 1 выделения групп респондентов по модальности ожиданий от своего будущего на пенсии выборка ($N = 400$) была разделена на три группы по характеру восприятия своего будущего на пенсии.

За основу были взяты продолжения незаконченного предложения «Мои ожидания от жизни на пенсии можно описать как...». Высказывания респондентов были подвергнуты контент-анализу и закодированы по характеру эмоциональной коннотации. Единицами анализа были краткие высказывания респондентов, единицами счета были те же высказывания, которые кодировались по их эмоциональной окрашенности (позитивные, негативные, нейтральные). Таким образом было выделено 3 группы респондентов: Группа 1 ($N = 201$) — позитивное восприятие (варианты ответов — спокойствие, счастье, хорошие, удовольствие, отдых, спокойное существование), согласно фоносемантическому анализу утверждений, продолжающих незаконченное предложение «Когда я представляю себя пенсионером, я...», эмоциональный фон можно описать как позитивный через категории: красивый, простой, округлый, легкий, женственный, медленный, пассивный; Группа 2 ($N = 111$) — негативное восприятие (варианты ответов — скучно, тяжело, неважные, напряг), фоносемантический анализ утверждений, продолжающих незаконченное пред-

ложение «Когда я представляю себя пенсионером, я...», показал следующий эмоциональный фон: громкий, большой, медленный; наиболее часто упоминаемая категория — «ужас»; Группа 3 ($N = 88$) — нейтральное восприятие (варианты ответов — нет никаких ожиданий, никак, непонятно, не знаю, все останется по-старому). Далее был произведен расчет значимых различий между полученными тремя группами респондентов по социально-демографическим характеристикам с использованием теста хи-квадрата Пирсона. Согласно полученным данным, по социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, образование, семейное положение, наличие детей, наличие опекаемых, сфера и вид деятельности, форма занятости, место проживания), которые в комплексе описывают объективную ситуацию респондентов как семейную, профессиональную, включающую социальный контекст (размер города проживания), значимых различий ($p < 0,001$) между выявленными группами респондентов обнаружено не было. Данный результат может говорить о том, что характер восприятия своего будущего в предстоящей трудной жизненной ситуации выхода на пенсию не связан с актуальной ситуацией и, вероятно, опосредуется внутренними психологическими факторами.

При этом психолингвистический анализ продолжений незаконченного предложения «Когда я представляю себя пенсионером, я...» по всем группам респондентов показал, что из характерологических категорий, заложенных в экспертной системе, преобладают такие, как «Депрессивность», «Паранойаль-

ность»; в мотивационном профиле выделяется потребность в аффилиции; из параметров семантического дифференциала преобладает «Пассивность». Из эмоционально-лексических оценок выделяются «Доброжелательность», «Независимость», «Агрессивность» (с отрицательным значением).

В соответствии с задачей 2 был проведен расчет значимых различий с использованием *t*-критерия Стьюдента между Группой 1 и Группой 2 по шкалам СЖО и профессиональной временной перспективы будущего.

Как можно видеть из полученных данных (табл. 1), по осмысленности жизни значимые различия обнаружены по всем

шкалам методики СЖО ($p < 0,001$). При этом, согласно результатам анализа средних значений, у респондентов, прогнозирующих жизнь на пенсии в позитивной коннотации, все показатели имеют более высокие значения, чем у респондентов, воспринимающих жизнь на пенсии в негативном ключе. Что важно, средние показатели у Группы 1, несмотря на то, что они статистически достоверно более высокие, чем у Группы 2, не превышают нормативных значений, приведенных авторами адаптации методики (Леонтьев, 2000), что позволяет трактовать их как соответствующие норме.

По профессиональной временной перспективе будущего также выявлены

Таблица 1 / Table 1

Данные по различиям между группами респондентов по шкалам СЖО и временной перспективы будущего (N = 312)
Data on differences between groups of respondents on the scales of PIL and time perspective of the future (N = 312)

Параметры / Parameters	<i>t</i>	<i>p</i>	Группа 1 / Group 1 (N = 201)			Группа 2 / Group 2 (N = 111)		
			<i>M (SD)</i>	<i>MD</i>	<i>IQR</i>	<i>M (SD)</i>	<i>MD</i>	<i>IQR</i>
СЖО Общий	4,11	< 0,001	95,5 (18,4)	95	24	86,8 (16,9)	85	17
СЖО Локус «контроль — жизнь»	3,57	< 0,001	29,2 (7,1)	28	12	26,3 (6,5)	26	10
СЖО «Цели жизни»	2,75	0,006	28,7 (7,5)	27	7	26,3 (7,0)	25	8
СЖО «Процесс жизни»	3,46	0,001	27,4 (6,2)	23	8	25,0 (6,0)	20	7
СЖО «Результат жизни»	4,13	< 0,001	23,1 (5,8)	19	5	20,3 (5,8)	18	4
СЖО «Локус контроль — я»	3,23	0,001	19,7 (4,2)	30	9	18,1 (3,9)	26	9
Фокус возможности	5,11	< 0,001	13,3 (5,5)	14	9	10,0 (5,4)	9	8
Оставшееся время	3,52	< 0,001	10,9 (5,2)	11	7	8,7 (5,1)	8	7
Фокус ограничения	–3,3	0,001	12,8 (4,9)	12	8	14,7 (4,9)	16	7

Примечание: СЖО — смысловые ориентации; *M* — среднее; *SD* — среднее значение стандартного отклонения; *MD* — медиана; *IQR* — межквартильный размах; *p* — уровень значимости; *t* — *t*-критерий для равенства средних.

Note: *M* — mean; *SD* — mean standard deviation; *MD* — median; *IQR* — Interquartile Range; *p* — significance level; *t* — *t*-test for equality of means.

значимые различия ($p < 0,001$) по трем исследуемым шкалам. Анализ средних значений показывает, что фокусирование на возможностях и восприятие своего оставшегося времени как неограниченного выше у респондентов, воспринимающих будущее позитивно. При этом фокусирование на ограничениях выше у респондентов, воспринимающих предстоящую трудную жизненную ситуацию негативно.

В соответствии с задачей 3 — выявить значимые различия между группой, настроенной позитивно, и группой, настроенной негативно по отношению к своему будущему на пенсии, — был произведен расчет значимых различий с использованием t -критерия Стьюдента между Группой 1 и Группой 2 по авторскому опроснику восприятия будущего на пенсии (табл. 2).

В результате были обнаружены значимые различия между исследуемыми

Таблица 2 / Table 2

**Данные о различиях между группами респондентов по представлениям
 о своем будущем на пенсии ($N = 312$)**
**Data on differences between groups of respondents in their ideas about
 their future in retirement ($N = 312$)**

Параметры / Parameters	t	p	Группа 1 / Group 1 ($N = 201$)			Группа 2 / Group 2 ($N = 111$)		
			$M (SD)$	MD	IQR	$M (SD)$	MD	IQR
Испытываю страх и беспокойство в отношении будущего	-5,09	< 0,001	3,0 (1,2)	3	2	3,8 (1,2)	4	2
Откладываю мысли о будущем, живу сегодняшним днем	-2,66	0,008	3,1 (1,2)	3	2	3,5 (1,1)	4	1
Пенсионеров у нас не уважают	-5,07	< 0,001	3,0 (1,2)	3	2	3,8 (1,3)	4	2
Боюсь, что на пенсии буду никому не нужен	-5,26	< 0,001	2,8 (1,3)	3	2	3,6 (1,3)	4	2
Нахожусь в отчаянии, боюсь наступления пенсионного возраста	-6,34	< 0,001	2,3 (1,3)	2	2	3,3 (1,2)	3	2
Выйдя на пенсию, планирую продолжить работать, поскольку не хочу чувствовать себя человеком второго сорта	-2,5	0,013	3,1 (1,3)	3	2	3,5 (1,3)	4	2
Опасаюсь сужения круга общения	-2,25	0,025	2,4 (1,2)	2	2	2,7 (1,4)	3	3
На пенсии буду жить более экономно. Сокращаю свои расходы	-3,97	< 0,001	3,4 (1,1)	3	1	4,0 (1,1)	4	2
Жду выхода на пенсию, когда наконец смогу заняться своими хобби	4,68	< 0,001	3,3 (1,3)	3	2	2,7 (1,1)	3	1

Параметры / Parameters	<i>t</i>	<i>p</i>	Группа 1 / Group 1 (N = 201)			Группа 2 / Group 2 (N = 111)		
			<i>M (SD)</i>	<i>MD</i>	<i>IQR</i>	<i>M (SD)</i>	<i>MD</i>	<i>IQR</i>
Я всю жизнь работал(а), считаю, что на пенсии нужно посвятить время своей семье	2,76	0,006	3,6 (1,1)	3	2	3,3 (1,2)	3	2
Всегда можно найти подработку, будучи пенсионером	5,08	< 0,001	3,7 (1,1)	4	2	3,0 (1,2)	3	2
У нас пенсионеры – изгои общества	–6,31	< 0,001	2,3 (1,2)	2	2	3,3 (1,4)	3	3

Примечание: *M* – среднее; *SD* – среднее значение стандартного отклонения; *MD* – медиана; *IQR* – межквартильный размах; *p* – уровень значимости; *t* – *t*-критерий для равенства средних.

Note: *M* – mean; *SD* – mean standard deviation; *MD* – median; *IQR* – Interquartile Range; *p* – significance level; *t* – *t*-test for equality of means.

группами ($p < 0,001$) по утверждениям, относящимся к социальному аспекту будущей трудной жизненной ситуации – низкий социальный статус пенсионеров, страх потери имеющегося социального статуса, сужение социального круга, которые могут трактоваться как страх социального исключения. Более высокие значения были обнаружены у респондентов, относящихся к Группе 2 (негативно настроенные). В то же время респонденты, относящиеся к Группе 1 (позитивно настроенные), видят возможности поддержать себя финансово и посвятить время семье, таким образом конструируя сфокусированный на возможностях образ своего будущего. Важно, что наличие хобби и понимание возможности им заниматься также статистически достоверно выше у респондентов, относящихся к Группе 1. Согласно данным частотного анализа (табл. 2), наибольшие расхождения между позитивно и негативно настроенными группами респондентов наблюдаются по утверждению, относящемуся к восприятию статуса пенсионе-

ров в обществе «У нас пенсионеры – изгои общества».

Для проверки роли предиктора СЖО по отношению к эмоциональному восприятию предстоящей трудной жизненной ситуации, осуществленной в соответствии с задачей 4, был предпринят линейный регрессионный анализ методом «Ввод» ($N = 400$). Для проверки предполагаемой закономерности в качестве независимой переменной тестировались как интегральная шкала СЖО, так и отдельные шкалы использованной методики. Проверка данных на гомоскедастичность показала удовлетворительную вариативность данных. Показатели модели для интегральной шкалы СЖО: $R = 0,1$; $R^2 = 0,01$; $F = 4,5$; $SE = 0,002$; $p = 0,034$. Показатели модели для шкалы СЖО «Локус контроля-Я»: $R = 0,11$; $R^2 = 0,12$; $F = 4,9$; $SE = 0,009$; $p = 0,027$. По остальным шкалам СЖО значимых закономерностей и тенденций не выявлено. Полученный результат можно интерпретировать следующим образом: предсказательная роль осмысленности жизни (интегральная шкала СЖО) и опоры на себя,

свои возможности (Локус контроля-Я) по отношению к характеру восприятия будущего проявилась в виде определенной тенденции. Можно предположить, что существует ряд других личностных факторов, которые обуславливают характер эмоционального компонента восприятия будущего пенсионного перехода.

Обсуждение результатов

Прогнозируя свое будущее, готовясь к переходу из одного социального статуса в другой, человек мысленно переносится и в другой житейский контекст, одновременно решая для себя экзистенциальные вопросы. Ожидаемое изменение социальной ситуации, само предвидение перспективы изменений в жизни неизбежно порождают эмоции, сопровождающие когнитивное освоение будущей жизненной ситуации. В обыденном сознании уход на пенсию неизбежно связывается со старением, снижением социального статуса и бедностью, а это, в свою очередь, является шагом к социальному исключению, «социальному снижению» человека и «вытеснению» его на обочину общества (Григорьева, 2006).

Люди предпенсионного возраста, прогнозируя новый для себя, но в целом невыигрышный социальный контекст пенсионной жизни, по-разному конструируют свое Я применительно к нему, «примериваясь» к неизбежному. Х. Маркус и П. Нуриус подчеркивали: «Одна из функций возможных Я происходит из их роли в предоставлении контекста дополнительного значения для текущего поведения индивидуума. Атрибуты, способности и действия Я не оцениваются изолированно. Их интерпретация зависит от окружающего контекста воз-

можности» (Markus, Nurius, 1986, p. 957). Прогнозируемая ситуация и возможное Я оказываются неразделимой сложной конструкцией феноменов, к которой применимы принципы ситуационного подхода (Анцыферова, 1994; Психология социальных ситуаций, 2001; Бурлачук, Михайлова, 2002; Гришина, 2013; Солнцева, 2021). А для психологической науки, — как отмечает Н.В. Гришина, — социальная реальность — это, прежде всего, контекст существования человека, пространство его возможностей, пространство «творения» им своего жизненного мира (Гришина, 2013).

Прогнозируемая человеком жизненная ситуация даже в случае ее негативных коннотаций имеет различные субъективные интерпретации. Так, в представленном исследовании восприятие предпенсионерами будущего пенсионного перехода отнюдь не равнозначно: из 400 респондентов 201 выстраивают свое Я на пенсии как безмятежно отдыхающего человека, наслаждающегося покоем, 88 человек не задумываются о будущем и только 111 видят себя неблагополучным, испытывающим тяготы жизни. Разумеется, психологических оснований для различий в модальности ожиданий существует множество: от личностных характеристик до субъективных прогнозов ситуации в обществе.

В проведенном нами исследовании в центре внимания были такие важнейшие характеристики наличного Я, как осмысленность жизни и ориентации на возможности либо на ограничения. Результаты свидетельствуют о том, что конструирование возможного Я на пенсии, его эмоциональное наполнение как один из аспектов предвосхищения труд-

ной жизненной ситуации сопряжены с переживанием онтологической значимости жизни (Леонтьев, 2000) в настоящем времени. Согласно результатам, наличие целей, придающих жизни человека направленность, осмысленность в настоящем и, что важно, в исследуемом контексте, устремленность в будущее, его предвосхищение и планирование сопряжены с позитивным восприятием пенсионного перехода. Также с позитивным настроением на предстоящую жизненную ситуацию ассоциировано переживание эмоциональной насыщенности жизни, удовлетворенности жизнью, ее наполненности. Что примечательно, ощущение продуктивности и осмысленности уже прожитой части жизни, придающее осмысленность следующему периоду, также сопряжено с позитивным восприятием будущего на пенсии. Возможно, признание своих прошлых достижений способствует снижению напряженности, возникающей как ответ на прогнозируемую потерю/снижение своего социального статуса. Логично, что вера в силу своей личности, убежденность в возможности управлять своей жизнью в сочетании с убежденностью в возможности такого контроля также сопряжены с позитивным восприятием предстоящей трудной жизненной ситуации. Таким образом, осмысленность жизни, оцениваемая в настоящем исследовании через интегральный показатель СЖО и его составляющие как компоненты Я настоящего, взаимосвязана с конструируемым субъектом Я возможным. Роль предиктора у СЖО по отношению к модальности возможного Я выражена слабо, однако вера в себя и в возможность управлять своим будущим как тенденция просле-

живается (результаты регрессионного анализа). Нужно заметить, что фактор способности управлять своим временем был доказан как благоприятствующий успешным пенсионным настройкам в недавнем исследовании А. Фруадево с коллегами (Froidevaux et al., 2024).

Другой феномен настоящего Я, а именно — временная перспектива будущего — также оказалась взаимосвязан с модальностью возможного Я. Фокусирование на возможностях, позволяющее сконцентрироваться на своих целях и планах, и восприятие оставшегося времени как наполненного возможностями соотносятся с позитивной модальностью конструируемого возможного Я. Фокусирование на ограничениях, напротив, сопряжено с утратой смысла жизни и характерно для людей, видящих свое возможное Я в негативной коннотации (результаты корреляционного анализа).

Когнитивная составляющая позитивного возможного Я представлена убежденностью в успехе приложения своих усилий, представленностью интересов — хобби, семья, меньшей фиксацией на негативных мыслях о будущем и более сбалансированными оценочными суждениями в отношении социального статуса пенсионеров и их возможностей (данные авторского опросника). Эмоциональная составляющая очевидно более позитивна и не концентрируется на негативных переживаниях. Интересно, что негативные трактовки положения пенсионеров в обществе, мысли об изменении собственного социального окружения и потенциальные последствия этого изменения имеют меньшую эмоциональную выраженность у людей, конструирующих позитивный образ возможного Я. Также

важно отметить, что поведенческая готовность различается у респондентов с разным настроением на пенсионный переход — позитивно настроенные люди не планируют сокращать расходы, радикально меняя свой образ жизни. Также у этой группы людей есть настрой на возможные подработки и перспективу заниматься любимым хобби, семьей.

Таким образом, согласно результатам исследования, личностными ресурсами в период подготовки к предстоящей ситуации пенсионного перехода являются осмысленность жизни, удовлетворенность прошлым и устремленность в будущее, уверенность в своих силах и существующих возможностях, снижающие степень драматичности в трактовках этой ситуации. Данные компоненты Я настоящего тем самым оказываются сопряженными с позитивным восприятием себя на пенсии как компонентом конструируемого возможного Я.

Необходимо заметить, что контролируемые в исследовании факторы возраста респондентов, их семейного статуса, места проживания, образования, сферы деятельности не обнаружили связей с эмоциональным компонентом возможного Я-пенсионера. Вероятно, оно представляет собой у предпенсионеров некий ядерный конструкт, базирующийся на таких глубинных личностных структурах, как уверенность в себе, самодостаточность, локус контроля-Я, что нашло подтверждение в результатах исследования. Субъектная позиция, предполагающая конструирование возможного Я-пенсионера, которая ассоциирована с уверенностью в собственных силах, в возможностях управлять своим будущим, обеспечивает позитивные ожидания и конструктив-

ные планы на пенсионный переход, она не связана с социально-демографическими характеристиками человека, а имеет исключительно личностную природу.

Заключение

Психологическая преднастройка на переход к жизни на пенсии включает в себя множество психологических новообразований и механизмов. Она базируется не только на личностных ресурсах человека, его прошлом опыте, на способности осмыслить свой актуальный психологический статус, но также на возможности предвидеть следующий этап жизни: новые роли, потенциал самоопределения, виды активности и др. Успешность преднастройки по отношению к разным сферам жизни в дальнейшем обеспечивает психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью пенсионера (Zhan et al., 2023; Дробышева и др., 2024).

Впервые в отечественной литературе прогнозирование человеком сложной жизненной ситуации — выхода на пенсию — рассматривается с точки зрения личностных особенностей. В нашем исследовании психологическая преднастройка к пенсионному переходу изучалась в рамках взаимосвязи элементов Я-концепции, а именно — Я настоящего и возможного Я-пенсионера, что позволило выявить ряд факторов позитивных и негативных переживаний относительно пенсионного перехода. Важно, как отмечает Е.П. Белинская, учитывать «мотивирующую функцию как позитивных, так и негативных “возможных Я” — образ себя успешного в будущем или представление о себе как о потенциальном неудачнике “творит” реальный успех или неудачу, что, впрочем, давно известно

в социальной психологии как феномен “самоосуществляющегося пророчества»» (Белинская, 1999, с. 42).

Между тем у четверти наших респондентов обнаружилось резко негативный эмоциональный фон и соответствующие представления при конструировании возможного Я-пенсионер. Экзистенциальные характеристики личности у данной группы свидетельствуют о том, что этим людям присуща слабая вера в собственные возможности контролировать события своей жизни, убежденность в том, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо планировать на будущее. Возможно, фатализм заставляет их жить сегодняшним или вчерашним днем (Леонтьев, 2000). Эта категория предпенсионеров, разумеется, рефлексировать существующие объективные проблемы жизни на пенсии, но, в отличие от группы с позитивными ожиданиями, концентрируется на них, строя окрашенное пессимизмом возможное Я-пенсионер. Подобной категории людей нужна психологическая поддержка для того, чтобы обеспечить равновесие, скорректировать экзистенциальные переживания в структуре Я-концепции.

Полученные результаты позволяют наметить направления необходимой психокоррекционной работы и открывают перспективы для дальнейших исследований механизмов самопознания людей, находящихся в преддверии жизненных трансформаций.

Ограничения. В исследовании намечено общее направление изучения факторов конструирования возможного Я-пенсионера. Авторы сознательно подробно не рассматривали категории возможного Я-пенсионера, соответствующие актуальным сферам жизни человека на пенсии: здоровье, разнообразные активности, семья, межличностные отношения с друзьями и др. Однако подобные результаты могут иметь значение для понимания психологических трудностей пенсионного перехода. Кроме того, изучаемый нами эмоциональный компонент возможного Я-пенсионера (позитивные и негативные ожидания) имеет смысл рассмотреть более дифференцированно с помощью специальных приемов.

Limitations. The study outlines the general direction of studying the factors of constructing a possible pensioner self. The authors deliberately did not examine in detail the categories of a possible pensioner self that correspond to the current spheres of a person's life in retirement: health, various activities, family, interpersonal relationships with friends, etc. However, such results may be important for understanding the psychological difficulties of the retirement transition. In addition, the emotional component of a possible pensioner self (positive and negative expectations) that we are studying, makes sense to consider in a more differentiated manner using special techniques.

Список источников / References

1. Аванесян, М.О., Денисенко, К.Г. (2022). Потерянные возможные Я как присутствие прошлого в настоящем. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 12(2), 204–218. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.208>

- Avanesyan, M.O., Denisenko, K.G. (2022). Lost possible selves as the presence of the past in the present. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 12(2), 204–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.208>
2. Анцыферова, Л.И. (1994). Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита. *Психологический журнал*, 15(1), 3–18. Antsyferova, L.I. (1994). Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological defense. *Psikhologicheskii zhurnal*, 15(1), 3–18. (In Russ.).
 3. Базаров, Т.Ю., Парамузов, А.В. (2019). Психометрический анализ русскоязычной версии опросника Х. Цахера и М. Фрезе «Профессиональная временная перспектива будущего». *Организационная психология*, 9(1), 57–80. Bazarov, T.Yu., Paramuzov, A.V. (2019). Psychometric analysis of the Russian version of “The Occupational Future Time Perspective” by H. Zacher and M. Frese”. *Organizational psychology*, 9(1), 57–80. (In Russ.).
 4. Белинская, Е.П. (1999). Временные аспекты Я-концепции и идентичности. *Мир психологии*, 3, 40–46. Belinskaya, E.P. (1999). Temporal aspects of self-concept and identity. *Mir psikhologii*, 3, 40–46. (In Russ.).
 5. Бурлачук, Л.Ф., Михайлова, Н.Б. (2002). К психологической теории ситуации. *Психологический журнал*, 23(1), 5–17. Burlachuk, L.F., Mikhailova, N.B. (2002). Towards a psychological theory of the situation. *Psikhologicheskii zhurnal*, 23(1), 5–17. (In Russ.).
 6. Василевская, Е.Ю., Молчанова, О.Н. (2016). Возможные Я: обзор зарубежных исследований. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(4), 801–815. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-801-815> Vasilevskaya, E.Yu., Molchanova, O.N. (2016). Possible Selves: Review of International Studies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 13(4), 801–815. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-801-815>
 7. Григорьева, И.А. (2006). Социализация в процессах исключения/включения. *Отечественные записки*, 3, 64–76. Grigor'eva, I.A. (2006). Socialization in the processes of exclusion and inclusion. *Otechestvennye zapiski*, 3, 64–76. (In Russ.).
 8. Гришина, Н.В. (2013). Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход. *Психологические исследования*, 6(30), 3. <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html> <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.684> Grishina, N.V. (2013). Changes of life situation: situational approach. *Psychological Studies*, 6(30), 3. (In Russ.). <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html> <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.684>
 9. Гришутина, М.М., Костенко, В.Ю. (2019). Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструкторов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 9(3), 268–279. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.304> Grishutina, M.M., Kostenko, V.Yu. (2019). Possible and impossible “Self”: clarification of constructs. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 9(3), 268–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.304>
 10. Гришутина, М.М., Костенко, В.Ю. (2022). Многообразие возможных Я: роль агентности и эмпирическая валидность. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(2), 405–423. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-405-423>

- Grishutina, M.M., Kostenko, V.Yu. (2022). Variety of Possible Selves: The Role of Agency and Empirical Evidence Review. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(2), 405–423. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-405-423>
11. Дробышева, Т.В., Ларионов, И.В., Тарасов, С.В., Книголюбова, А.Н. (2024). Планирование предпенсионерами выхода на пенсию и психологическое благополучие в будущем: обзор зарубежных исследований. *Современная зарубежная психология*, 13(4), 16–28. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130402>
Drobysheva, T.V., Larionov, I.V., Tarasov, S.V., Knigolyubova, A.N. (2024). Preretirees Retirement Planning as Precondition of Their Future Wellbeing: Review of Foreign Studies. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 13(4), 16–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130402>
12. Емельянова, Т.П., Викентьева, Е.Н. (2023). Переживание будущего: жизненные перспективы людей предпенсионного возраста. *Социальная психология и общество*, 14(2), 116–133. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140208>
Emelyanova, T.P., Vikentieva, E.N. Experiencing the Future: Life Prospects for Pre-retirement Age People. *Social Psychology and Society*, 14(2), 116–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140208>
13. Киселев, И.Ю., Михайлова, Е.В., Смирнова, А.Г. (2024). Ассоциативный образ «жизни на пенсии» vs активное долголетие (по материалам проективного опроса). *Социологические исследования*, 5, 89–102. <https://doi.org/10.31857/S0132162524050073>
Kiselev, I.Yu., Mikhailova, E.V., Smirnova, A.G. (2024). Associative image of “life in retirement” as an element of social conceptualization of the pension period by Russians in working age. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 5, 89–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0132162524050073>
14. Костенко, В.Ю. (2016). Возможное Я: Подход Хейзел Маркус. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(2), 421–430. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-2-421-430>
Kostenko, V.Yu. (2016). Possible Self: Theory by Hazel Markus. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 13(2), 421–430. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-2-421-430>
15. Леонтьев, Д.А. (2000). *Тест смысловых ориентаций (СЖО)*. 2-е изд. М.: Смысл.
Leont'ev, D.A. (2000). Test of life-meaning orientations Moscow: Smysl. (In Russ.).
16. Мануильская, К.М., Солодовникова, О.Б., Малькова, Е.Е. (2023). Субъективное благополучие россиян: предпенсионный возраст как фактор риска. *Социологические исследования*, 2, 104–114. <https://doi.org/10.31857/S013216250020850-8>
Manuil'skaya, K.M., Solodovnikova, O.B., Malkova, E.E. (2023). Subjective well-being of Russians: the risks of preretirement age. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2, 104–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013216250020850-8>
17. Москвичева, Н.Л., Зиновьева, Е.В., Костромина, С.Н., Одинцова, М.М., Зайцева, Е.А. (2022). Феномен самодетерминации: психологические истоки и современное понимание. Часть 1. *Новые психологические исследования*, 4, 90–116. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2022_02_04_05
Moskvicheva, N.L., Zinovyeva, E.V., Kostromina, S.N., Odintsova, M.M., Zaitseva, E.A. (2022). The phenomenon of self-determination: psychological origins and modern understanding. Part 1. *New Psychological Research*, 4, 90–116. (In Russ.). https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2022_02_04_05

18. *Психология социальных ситуаций: хрестоматия* (2001). Н.В. Гришина (сост.). СПб.: Питер. *Psychology of social situations: anthology* (2001). N.V. Grishina (sost.). St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
19. Солнцева, Г.Н. (2021). Ситуационный подход: типы ситуаций и психологические особенности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 525–543. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-525-543
Solntseva, G.N. (2021). Situational Approach: Types of Situations and Psychological Characteristics. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(3), 525–543. (In Russ.). DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-525-543
20. Bak, W. (2015). Possible Selves: Implications for Psychotherapy. *The International Journal of Mental Health and Addiction*, 13(5), 650–658. doi:10.1007/s11469-015-9553-2
21. Frazier, L.D., Hooker, K., Johnson, P.M., Kaus, C.R. (2000). Continuity and change in possible selves in later life: a 5-year longitudinal study. *Basic and Applied Social Psychology*, 22, 237–243. doi:10.1207/15324830051036126
22. Froidevaux, A., Curchod, G., Degli-Antoni, S., Maggiori, Ch., Rossier, J. (2024). Happily Retired! A Consensual Qualitative Research on How Older Workers Experience Resources as Contributing to their Successful Retirement Adjustment. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 97(2), 699–728. DOI:10.1111/joop.12489
23. Hooker, K. (1992). Possible selves and perceived health in older adults and college students. *J. Gerontol*, 47(2), 85–95. doi:10.1093/geronj/47.2.p85
24. Hooker, K., Kaus, C.R. (1994). Health-related possible selves in young and middle adulthood. *Psychol Aging*, 9(1), 126–33. doi:10.1037//0882-7974.9.1.126
25. Kita, E. (2011). Potential and possibility: psychodynamic psychotherapy and social change with incarcerated patients. *Clinical Social Work Journal*, 39, 9–17. doi:10.1007/s10615-010-0268-3
26. Markus, H., Nurius, P. (1986). Possible selves. *American Psychologist*, 41(9), 954–969. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.9.954>
27. Oyserman, D., Destin, M., Novin, S. (2015). The context sensitive future self: Possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and Identity*, 14, 173–188. DOI:10.1080/15298868.2014.965733
28. Ryff, C.D. (1991). Possible selves in adulthood and old age: A tale of shifting horizons. *Psychology and Aging*, 6(2), 286–295. <https://doi.org/10.1037/0882-7974.6.2.286>
29. Schlossberg, N.K. (2004). *Retire Smart, Retire Happy: Finding Your True Path in Life*. Washington, D.C.: American Psychological Association.
30. Vasilevskaya, E.Yu., Molchanova, O.N. (2021). Possible Selves and Academic Motivation Psychology. *Journal of the Higher School of Economics*, 18(2), 351–363. DOI:10.17323/1813-8918-2021-2-352-365
31. Zhan, Y., Froidevaux, A., Li, Y., Wang, M., Shi, J. (2023). Preretirement resources and postretirement life satisfaction change trajectory: Examining the mediating role of retiree experience during retirement transition phase. *Journal of Applied Psychology*, 108(5), 871–888. DOI:10.1037/apl0001043

Информация об авторах

Татьяна Петровна Емельянова, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН «ИП РАН»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Емельянова, Т.П., Викентьева Е.Н. (2025)
Пенсионный переход в восприятии
предпенсионеров: возможное Я-пенсионер...
Социальная психология и общество,
16(4), 148–167.

Emelyanova T.P., Vikentieva E.N. (2025)
Pension transition in the perception of pre-retirees:
possible self-pensioner in the future life situation
Social Psychology and Society,
16(4), 148–167.

Ева Николаевна Викентьева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГОБУ ВО «Финансовый университет»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Chief Researcher in the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Eva N. Vikentieva, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of Psychology and Development of Human Capital Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы внесли равный вклад в концепцию, проведение исследования, анализ данных и подготовку рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to the research, data analysis, and preparation of this manuscript. All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Информированное согласие об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics Statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 10.02.2025

Поступила после рецензирования 09.09.2025

Принята к публикации 09.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.02.10

Revised 2025.09.09

Accepted 2025.12.09

Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

Предикторы финансовой тревожности в ситуации выхода на пенсию

Т.В. Дробышева^{1,2} ✉

¹ Институт психологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ drobyshevav@ipran.ru

Резюме

Контекст и актуальность. По данным исследователей, в ситуации выхода на пенсию возрастает финансовая тревожность пенсионеров, снижая уровень их психологического и финансового благополучия. Актуальность изучения финансовой тревожности как свойства личности и как состояния связана с выявлением и оценкой индивидуальной значимости стрессоров, ее вызывающих (макроэкономические явления), а также роли личностных характеристик пенсионеров, способствующих совладанию с разными ее проявлениями.

Цель. Выявить различия в предикторах совладания пенсионеров с переживаниями финансовой тревожности (как свойства и состояния).

Гипотеза. Субъективно воспринимаемые макроэкономические явления, определяющие выраженность разных аспектов финансовой тревожности, а также факторы и механизмы совладания с ними могут отличаться. Однако и финансовая тревога, и соответствующая тревожность личности могут порождаться одними и теми же явлениями, а выраженность финансовых переживаний регулироваться посредством проявления личностью ее субъективных качеств — жизнестойкости и независимости, уверенности в себе и своих действиях.

Методы и материалы. На этапе основного исследования приняли участие работающие (54,3%) и неработающие (45,7%) пенсионеры ($N = 151$) в возрасте от 58–63 до 75 лет ($M = 64$, $SD = 4,7$; 51% женщин). Финансовая тревожность и тревога оценивались с помощью краткой версии опросника «Шкала финансовой тревоги» Б.Дж. Бёрчелла и Г.К. Шапиро, авторских опросников «Финансовые переживания» и «Шкала финансовой тревожности личности». Личностные характеристики изучали посредством батареи методик, включающей тест «Жизнестойкость» Мадди (в адаптации Е. Осина), шкалу самоэффективности Р. Шварцера, М. Ерусалема (в адаптации В.Г. Ромека) и авторский опросник «Финансовая автономность». Макроэкономические и политические явления как источники финансовой тревожности оценивали с помощью опросника «Макроэкономические факторы финансовой тревоги» Т.В. Дробышевой.

Результаты показали, что на выраженность финансовой тревожности пенсионеров (как свойства и как состояния) оказывают влияние наиболее динамичные макроэкономические явления общественной жизни, воспринимаемые ими как источники финансовых

переживаний. Контроль и принятие риска как показатели жизнестойкости, а также самооценки уровня материального благосостояния пенсионеров являются предикторами их переживаний финансовой тревоги, тогда как принятие риска, финансовая автономность и позитивно оцениваемая внешняя политика государства выступили в роли предикторов финансовой личностной тревожности.

Выводы. Сопоставление предикторов финансовой тревожности (как состояния и как свойства) выявило сходство в восприятии респондентами макроэкономических явлений как стрессоров, ее вызывающих, и различие в личностных характеристиках пенсионеров, способствующих их совладанию с выраженными переживаниями.

Ключевые слова: финансовая тревожность, финансовая тревога, финансовое благополучие, предикторы, пенсионеры

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания № 0138-2024-0018 «Индивидуальные и групповые психологические механизмы консолидации российского общества в условиях геополитического кризиса».

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: drobyshevstv@ipran.ru

Для цитирования: Дробышева, Т.В. (2025). Предикторы финансовой тревожности в ситуации выхода на пенсию. *Социальная психология и общество*, 16(4), 168–185. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160410>

Predictors of financial anxiety in the situation of retirement

T.V. Drobysheva^{1, 2} ✉

¹ Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ drobyshevstv@ipran.ru

Abstract

Context and relevance. *In the retirement situation, pensioners' financial anxiety increases, reducing their level of psychological and financial well-being. The relevance of studying financial anxiety as a personality trait and as a state is associated with the identification and assessment of the individual significance of stressors that cause it (macroeconomic phenomena), as well as the role of the personal characteristics of pensioners that contribute to coping with its various manifestations.*

Objective. *The goal of the research was to highlight differences in retirees' predictors of coping with financial anxiety (as a state and as a property).*

Hypothesis. *Subjectively perceived macroeconomic events that determine the severity of financial anxiety's different aspects, as well as factors and mechanisms of coping with them, may differ. But both financial anxiety and corresponding anxious state of personality may be caused by the same events. The severity of financial experiences may be regulated by the manifestation of personality's subjective qualities — viability, independence and self-assurance.*

Methods and materials. *At the main stage of research, retirees participated (N = 151), among them: working (54,3%) and unemployed (45,7%), women in the age of 58–75 and men at the*

age of 63–75 years old. Financial anxiety was estimated with a short version of the “Financial Anxiety Scale” (Burchell and Shapiro) and the author’s questionnaires “Financial worries” and “Personal financial anxiety scale”. Personality traits were analyzed with a set of methods: “Hardiness Survey” by S. Maddi (adapt. by E.N. Osin), the General Self-Efficacy Scale by R. Schwarzer, M. Jerusalem (adapt. by V. Romek) and the author’s questionnaire “Macroeconomical factors of financial anxiety” (T.V. Drobysheva).

Results. The retiree’s financial anxiety is influenced by dynamic macroeconomic factors, which they perceive as potential sources of financial worry. Risk management, acceptance, and self-assessed material well-being as indicators of resilience are considered as predictors of financial anxiety. Risk acceptance, financial independence, and a positive assessment of the government’s foreign policy are also predictors of personal financial anxiety.

Conclusions. A comparison of predictors of financial anxiety (as a trait or a state) revealed similarities in pensioners’ perception of macroeconomic phenomena as stressors and differences in the personal characteristics of pensioners that contribute to their coping with expressed worries.

Keywords: financial anxiety, financial anxiety, financial well-being, predictors, pensioners

Funding. The study was carried out within the framework of State Assignment No. 0138-2024-0018 “Individual and Group Psychological Mechanisms of Consolidation of Russian Society in the Context of the Geopolitical Crisis”.

Supplemental data. Datasets available from drobyshevavt@ipran.ru

For citation: Drobysheva, T.V. (2025). Predictors of financial anxiety in the situation of retirement. *Social Psychology and Society*, 16(4), 168–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160410>

Введение

Проблеме субъективного (в том числе психологического) благополучия людей пожилого возраста посвящено немало отечественных и зарубежных исследований, раскрывающих особенности субъективного восприятия возрастных изменений, готовности к ним, а также выявляющих факторы совладания с изменившимися условиями жизни, поддержания качества жизни на пенсии и т.п. (Сергиенко, Павлова, 2024; Стрижицкая, Петраш, 2022; Barišić et al., 2024; и мн. др.). Вопросы финансового благополучия пожилых в ситуации завершения ими трудовой деятельности привлекают внимание прежде всего экономистов и социологов, ориентирующихся на объ-

ективные показатели уровня экономической жизни данной категории населения (Simonse et al., 2024; и др.), а также экономических психологов, изучающих субъективные показатели экономического или финансового благополучия пенсионеров (Белехова, 2023; du Plessis, Jordaan, van der Westhuizen, 2024). В таком контексте финансовые переживания пожилых людей рассматриваются как фактор, с одной стороны, снижающий уровень их психологического и финансового благополучия, с другой — запускающий механизм совладания с изменившимися условиями жизни на пенсии (Lee, Kelley, Lee, 2023; Xin, Xiao, Lin, 2024).

В современных условиях развития российского общества уровень финансо-

вой тревожности пенсионеров неуклонно растёт¹. Чрезмерно переживаемая финансовая тревожность пенсионеров влияет не только на состояние их психического и физического здоровья, но и изменяет отношения с окружающими, снижает качество жизни в целом (de Bruijn, Antonides, 2020; Hernandez-Perez, Cruz Rambaud, 2025; и др.), оказывает негативное воздействие на экономическое поведение пожилых людей, их способность управлять своими финансами (Ahamed, Limbu, 2024; Varveri et al., 2014), делает их восприимчивыми к действиям финансовых мошенников².

Дифференцируя состояния тревоги и страха, психологи акцентируют внимание на фрустрацию социальных потребностей в ситуации переживания личностью состояния тревоги, сопоставляя тревожность как состояние и свойство личности, различают природу, проявления, способы и механизмы совладания с ней (см. работы Ч.Д. Спилбергера, Н.Д. Левитова, В.М. Астапова, В.К. Вилюнаса, А.М. Прихожан, В.С. Мерлина, Ю.Л. Ханина и др.).

Попытка экономических психологов идентифицировать финансовые переживания как свойство или состояние тревоги отражена в исследованиях, посвященных разработке соответствующего методического инструментария — в процессе проверки конструктивной валидности методик специалисты

применяют клинические методы или опросники, раскрывающие отношение личности к деньгам (Дробышева, Садов, 2021; Shapiro, Burchell, 2012; Furnham, Grover, 2020; и др.). Для решения прикладных терапевтических задач авторы акцентируют внимание на различиях финансовой тревоги и финансового стресса как предикторов, подчеркивая более сильное воздействие тревоги, чем стресса, на показатели финансового благополучия (Lee, Kelley, Lee, 2023).

Анализ исследований предикторов финансовой тревожности показывает, что авторы включают в модель не только экономические (уровень дохода семьи, наличие долгов, кредитная история и т.п.) и социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, семейный статус и т.п.), но и психологические — финансовый и потребительский самоконтроль, самооценку финансовой грамотности и самочувствия (состояния здоровья) (Aichele, 2024; du Plessis, Jordaan, van der Westhuizen, 2024; Hernandez-Perez, Cruz Rambaud, 2025; Van Raaij, Riitsalu, Poder, 2021). Факторами финансовых переживаний нередко выступают социальные и экономические явления, субъективно воспринимаемые как угроза экономическому благополучию человека в той или иной жизненной ситуации

¹ Индекс тревожности россиян снижается второй год подряд. Медиацентр КРОС. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/4114/> (дата обращения: 30.02.2025).

² Reimers K. Why Are Older Adults More Vulnerable to Scams? Psychology Today. 18 september, 2003. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-high-cost-of-forgetting/202309/why-are-older-adults-more-vulnerable-to-scams> (дата обращения: 30.02.2025).

(Медяник, 2020; de Almeida et al., 2021; Mann, Krueger, Vohs, 2020; и др.).

Стабилизация экономической обстановки в стране или психологическая адаптация к условиям выхода на пенсию и потере работы могут снижать выраженность состояния финансовой тревоги у людей пенсионного возраста. В то же время финансовая тревожность как свойство, черта личности отличается устойчивостью к внешним социально-экономическим воздействиям, в ее основе лежит отношение личности к деньгам как жизненная позиция, формирующаяся на основе внутриличностных противоречий (например, в связи с различиями между уровнем экономических притязаний и удовлетворенностью своим экономическим статусом) (Дробышева, Садов, 2021).

Основываясь на работах Ч. Спилбергера, теоретически предположили, что сопоставление предикторов финансовой тревожности (как реактивного состояния и как свойства личности) позволит оценить индивидуальную значимость стрессоров, ее вызывающих (макроэкономические явления), а также роль личностных характеристик респондентов, способствующих совладанию с выраженной финансовой личностной тревожностью и с состоянием финансовой тревоги.

Эмпирическая гипотеза: субъективно воспринимаемые макроэкономические явления, определяющие выраженность финансовой тревоги и тревожности, а также факторы и механизмы совладания с ними могут отличаться. Однако и финансовая тревога, и соответствующая личностная тревожность могут порождаться одними и теми же явлениями, а выраженность финансовых пережива-

ний регулироваться посредством проявления личностью ее субъективных качеств — жизнестойкости и финансовой независимости, уверенности в себе и своих действиях.

Целью исследования стало выявление различий в предикторах совладания пенсионеров с переживаниями финансовой тревожности (как свойства и состояния).

Материалы и методы

Методический инструментарий, использованный в работе: краткая версия опросника «Шкала финансовой тревоги» Б.Дж. Бёрчелла и Г.К. Шапиро (Shapiro, Burchell, 2012) (адапт. и модиф. Т.В. Дробышева); опросник «Финансовые переживания» Т.В. Дробышевой (см. Приложение А, раздел 1, опросник А2 / see Appendix A, section 1, questionnaire A2); тест-опросник «Шкала финансовой тревожности личности» Т.В. Дробышевой, В.А. Садова (Дробышева, Садов, 2021); тест «Жизнестойкость» Мадди (в адапт. Е. Осина) (Осин, 2013); «Шкала самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема (Ромек, Шварцер, Ерусалем, 1996); «Шкала финансовой автономности личности» Т.В. Дробышевой, И.В. Ларионова, С.В. Тарасова (Дробышева, Ларионов, Тарасов, 2024); опросник «Макроэкономические факторы финансовой тревоги» Т.В. Дробышевой (Дробышева, 2009); анкетирование; субъективный экономический статус выявляли с помощью двух 7-балльных шкал, измеряющих уровень материального благополучия семьи и удовлетворенности им.

В нашем исследовании на пилотном этапе работы надежность и валидность методики «Шкала финансовой тревоги» Бёрчелла и Шапиро и

авторского опросника «Финансовые переживания» проверялись на выборке пенсионеров ($N = 200$) в возрасте от 58 (женщины) — 63 (мужчины) до 75 лет с помощью методики Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина (см. Дробышева, Садов, 2021), а также опросника «Шкала финансовой тревожности личности» Т.В. Дробышевой и В.А. Садова (Дробышева, Садов, 2021). По результатам психометрической проверки в краткую версию методики Бёрчелла и Шапиро включили пять пунктов (см. Приложение А, раздел 1, опросник A1 / see Appendix A, section 1, questionnaire A1); все пункты прямые, значимо коррелируют между собой и общим пунктовым баллом ($p = 000$); опросник одномерный (α -Кронбаха = 0,856; $M = 8,2$; $\sigma = 3,32$).

На этой же выборке проверялись надежность и конструктивная валидность авторского опросника «Финансовые переживания», построенного на основе данных фокус-групп и теоретического анализа литературы. После психометрической проверки в его окончательную версию были включены 8 из 13 утверждений (см. Приложение А, раздел 1, опросник A2 / see Appendix A, section 1, questionnaire A2). Все пункты коррелировали между собой и с общим баллом, два пункта были обратно пропорционально связаны с другими. Проверка конструктивной валидности показала, что опросник надежен (α -Кронбаха = 0,91; $M = 16,8$; $\sigma = 5,5$) для измерения разных проявлений состояния финансовой тревоги.

Сбор данных проводился онлайн, путем размещения программы исследования на платформе «Anketolog.ru» в октябре 2024 г. Все респонденты участвовали в исследовании на добровольной основе.

Методы статистического анализа: применялась описательная статистика, частотный, медианный и множественный регрессионный анализы; различия выявляли с опорой на T -критерий для независимых выборок, корреляционный анализ — по критерию Пирсона. Все данные обрабатывали в программе SPSS 22.0.

Описание выборки. Общий объем выборки — 351 человек, из них на пилотажном этапе ($N = 200$) приняли участие работающие (51%) и неработающие (49%) пенсионеры, поровну мужчины и женщины. Выборка основного исследования ($N = 151$) включала работающих (54,3%) и неработающих (45,7%) пенсионеров в возрасте от 58 (женщины) и 63 (мужчины) до 85 лет ($M = 64$; $\sigma = 4,7$). Из них: 49% — мужчины, 51% — женщины; 64,9% — состоят в официальном браке, 11,3% — в неофициальном браке; 23,8% — не состоят в браке. Работающие пенсионеры преимущественно были заняты в сфере услуг, в образовании и экономике. Причем 31% данной подгруппы имели полную занятость, 33% — частичную; 17% из них работали в государственных организациях, 24,5% — в коммерческих структурах, 12% отметили, что они занимаются фрилансом, 8,5% — предпринимательской деятельностью.

Результаты

Проверка на нормальность распределения проводилась с опорой на критерий К-Смирнова при $p > 0,05$. Проведенная проверка нормальности распределения используемых шкал показала, что по критерию Колмогорова—Смирнова ($p \geq 0,05$) отсутствует

нормальное распределение (см. Приложение А, раздел 2, табл. А1 / see Appendix A, section 2, table A1). Однако, опираясь на статистические допущения, позволяющие считать нормальным распределение при относительном соответствии среднего значения и медианы (Гаджигасанова, 2013; Наследов, 2013), а также при значениях асимметрии и эксцесса до 2 баллов по модулю (Наследов, 2013, с. 107; Kim, 2013), полученные распределения по шкалам финансовой тревоги, тревожности и финансовых переживаний могут быть приняты как нормальные. Это позволяет применить к ним в дальнейшем статистическом анализе параметрические методы, в том числе множественный регрессионный анализ, предполагающий допущение его применения при соблюдении некоторых условий (смысловая обоснованность связей, размер выборки и т.д.) (см. Наследов, 2013, с. 235).

Выраженность финансовой тревожности (как состояния и свойства) и *финансовых переживаний пенсионеров* определяли с опорой на частотный анализ и описательную статистику. Поскольку проверка гипотезы о различиях (по Т-критерию при $p > 0,05$) в выраженности финансовой тревоги ($p = 0,47$), личностной финансовой тревожности ($p = 0,74$) и финансовых переживаний ($p = 0,129$) у работающих и неработающих пенсионеров не подтвердилась, то в дальнейшем анализировали данные, полученные на всей выборке.

Анализ выраженности финансовой тревоги по Бёрчелл и Шапиро (Shapiro, Burchell, 2012) показал, что 35% участников исследования продемонстрировали ее низкий уровень, 37% выборки

отметили умеренную выраженность тревоги, не вызывающую состояние психологического дискомфорта. Лишь 28% пенсионеров указали на интенсивно переживаемое состояние финансовой тревоги в актуальный период экономической жизни. Респонденты, отметившие, что в настоящее время редко переживают состояние тревоги, по всей видимости, намеренно игнорируют факторы, угрожающие их финансовому положению. Последующий анализ финансовых переживаний тревоги разной модальности подтвердил, что исследованные пенсионеры, вытесняя переживания негативной модальности, компенсируют их позитивными, стараясь обрести внутреннее равновесие и даже чувство удовлетворенности своими финансами (см. рис.).

Можно предположить, что для совладания с финансовой тревогой респондентам необходимо ощущать себя состоявшимися и счастливыми людьми. Это придает им уверенности и стойкости в преодолении трудной жизненной ситуации.

Анализ выраженности *финансовой личностной тревожности* показал, что ее низкий уровень отметили 24% респондентов, умеренный — 56%, высокий — 20% участников исследования. Принимая во внимание, что умеренно выраженная тревожность выполняет конструктивную роль, направляя личность на поиск источников угрозы, можно сказать, что финансовая личностная тревожность для более половины респондентов в нашем исследовании выполняет функцию психологического ресурса, способствующего их совладанию с изменившимися условиями экономической жизни.

Рис. Выраженность финансовых переживаний пенсионеров (%) ($N = 151$): 1 — волнуюсь; 2 — расстраиваюсь; 3 — напрягаюсь, нервничаю; 4 — чувствую себя несчастным; 5 — чувствую себя неудачником; 6 — чувствую себя незащищенным; 7 — чувствую себя расслабленным, спокойным; 8 — чувствую себя удовлетворенным.

Fig. Severity of financial worries of pensioners (%) ($N = 151$): 1 — I'm worried; 2 — I'm getting upset; 3 — I'm tensing up, feeling nervous; 4 — I feel unhappy; 5 — I feel like a loser; 6 — I feel insecure; 7 — I feel calm and relaxed; 8 — I feel satisfied.

Анализ выраженности личностных характеристик пенсионеров — жизнестойкости, самоофективности, финансовой автономности и самооценок экономического статуса

Результаты показали, что большинство (56%) респондентов в достаточной степени уверены в себе и своих усилиях по достижению успеха (показатель самоэффективности), 10% респондентов — абсолютно уверены в этом, в то время как низкий уровень веры в себя продемонстрировала третья часть участников исследования (33%). При этом анализ жизнестойкости пенсионеров выявил, что только 4% из них имеют сниженный

уровень показателя, большинство респондентов (96%) отметили ее высокий уровень. Причем по всем трем субшкалам (вовлеченность, принятие риска и контроль) наблюдалась такая же тенденция завышения самооценок. Однако при исследовании финансовой автономности выявили иную тенденцию, она проявилась в занижении пенсионерами уровня своей независимости: 12% выборки показали низкий уровень своей автономности и 88% — умеренный. Принимая во внимание, что половина выборки продолжает трудовую деятельность, в дальнейшем проверяли гипотезу о наличии различий в выраженности исследованных свойств в подгруппах работающих и неработаю-

щих пенсионеров. Данное предположение (сравнивали по Т-критерию) не подтвердилось (жизнестойкость $p = 0,197$; автономность $p = 0,205$; самоэффективность $p = 0,332$). Полученный результат позволил в дальнейшем не делить выборку на подгруппы по критерию занятости.

Интерпретируя полученные результаты, отметим, что все исследованные характеристики по-разному оцениваются респондентами. По всей видимости, их вклад как предикторов, предсказывающих выраженность финансовых переживаний, также будет отличаться. Выявленная в работе тенденция, выраженная в занижении самооценок финансовой тревоги, с одной стороны, и завышении самооценок самоэффективности и жизнестойкости — с другой, косвенно может указывать на механизм совладания респондентов с состоянием финансовой тревоги. В то же время оценки финансовой автономности большинства участников исследования свидетельствуют как о значимости сохранения своей финансовой независимости в изменившейся жизненной ситуации (выход на пенсию), так и о принятии ими данной ситуации, осознании произошедших изменений.

В ходе исследования не были выявлены различия в самооценках уровня материального и финансового благосостояния своей семьи ($p = 0,321$) в группах работающих и неработающих пенсионеров. Однако показатели их удовлетворенности благосостоянием значимо различались в данных группах ($p = 0,006$). Более высокие значения обнаружены у работающих респондентов. Наряду с этим была выявлена общая тенденция в каждой из групп. Она характеризовалась тем, что у всех участников исследования (независи-

мо от того, завершили они или нет свою трудовую деятельность) оценки уровня материального благосостояния семьи были существенно ниже, чем удовлетворенности им. Несмотря на статистические различия, показатели СЭС всех респондентов характеризовались средними значениями, что косвенно указывает на склонность пенсионеров (работающих и неработающих) удерживать позитивный образ своего экономического Я.

Взаимосвязь финансовой тревожности, финансовых переживаний пенсионеров и восприятия ими макроэкономических и политических явлений общественной жизни

В теоретической модели в качестве внешних факторов финансовой тревожности рассматривались макроэкономические и политические явления общественной жизни. Выполненный корреляционный анализ между оценками данных явлений и выраженностью финансовой тревоги (по критерию Пирсона) показал, что все они на высоком уровне значимости связаны с проявлениями финансовой тревоги и финансовых переживаний (см. Приложение А, раздел 2, табл. А2 / see Appendix A, section 2, table A2). В то же время обнаружено, что выраженность личностной финансовой тревожности респондентов не связана с оценками политических явлений общественной жизни, изменений в работе фондовой биржи. Показатели финансовой тревожности пенсионеров значимо коррелировали с восприятием информации о динамике цен и банковских процентов, о безработице, о негативных

тенденциях в прогнозах развития экономики в стране. Выявленные различия послужили основанием для включения данных переменных в регрессионные модели финансовой личностной тревожности и финансовой тревоги.

Взаимосвязь финансовой тревожности, финансовых переживаний и жизнестойкости, самооффективности, финансовой автономности и самооценок субъективного экономического статуса

Анализ связи личностных свойств и показателей финансовой тревожности и тревоги также подтвердил ранее высказанное предположение о различиях функций исследуемых свойств личности в регуляции данных переживаний.

Как можно заметить (см. Приложение А, раздел 2, табл. А3 / see Appendix A, section 2, table A3), финансовая автономность личности — ее способность независимо от мнения окружающих управлять своими финансами, принимать соответствующие решения, нести за них ответственность, самостоятельно осуществлять контроль за своим финансовым положением — связана только с финансовой личностной тревожностью, в то время как показатели самооффективности и жизнестойкости образуют значимые связи с проявлениями и финансовой тревоги, и тревожности. Данный результат объясняется тем, что тревожность, так же как и финансовая автономность, проявляется в разных ситуациях взаимодействия человека с деньгами, в то время как состояние тревоги носит ситуативный характер. Также заметим, что отсутствие связи автономности и эмоциональ-

ных состояний наблюдалось и в работах других авторов (например, Трошихина, Манукян, 2017).

Интерпретируя вышеизложенное, финансовая тревога респондентов зависит от восприятия ими широкого спектра макроэкономических и политических явлений и событий общественной жизни как угрожающих их финансовому положению. Однако ее выраженность определяется тем, насколько пенсионеры верят в себя и свои возможности, сохраняют ли они убежденность в том, что их активные действия могут повлиять на происходящее, несмотря на неблагоприятные жизненные обстоятельства. В то же время выраженность финансовой личностной тревожности, определяемая отношением людей к деньгам, зависит еще и от установок пенсионеров на сохранение своей финансовой автономности как независимости от окружающих. Данный факт воспринимается вполне логичным выводом, принимая во внимание, что отношение к деньгам выражается в финансовом поведении людей (de Almeida et al., 2021).

Связь экономико-психологических характеристик респондентов — их самооценок уровня материального благосостояния семьи, удовлетворенности им, с одной стороны, и финансовой тревожности и тревоги — с другой, показала, что отношение пенсионеров к деньгам, определяющее их финансовую тревожность, зависит только от степени удовлетворенности финансовым состоянием, в то время как реактивное состояние тревоги может порождаться в том числе угрозой изменения уровня материального благосостояния респондентов в актуальных условиях политической и экономической жизни в стране.

Предикторы финансовой тревожности пенсионеров

С целью выявления вклада независимых переменных, оказывающих наибольшее воздействие на зависимую, применяли множественный регрессионный анализ. В качестве зависимых переменных выступили показатели финансовой тревожности и тревоги, измеряемые с помощью разного методического инструментария. В каждом случае в качестве независимых переменных выступили: оценки макроэкономических и политических явлений, которые респонденты рассматривали как факторы финансовой тревожности (внешние факторы в теоретической модели); показатели жизнеспособности, самоэффективности, финансовой автономности как субъектные свойства личности и самооценки уровня материального благополучия респондентов и удовлетворенности им (все — внутренние факторы в теоретической модели).

В Приложении А (см. Приложение А, раздел 2 / see Appendix A, section 2) представлены две модели по каждой из зависимых переменных. Первая модель наряду с другими независимыми переменными включает обобщенный показатель жизнестойкости, вторая — конкретные шкалы жизнестойкости — контроль, принятие риска, вовлеченность. Описание двух моделей позволило выявить, с одной стороны, соотношение вклада жизнестойкости в выраженность финансовой тревожности и финансовых переживаний в сравнении с другими независимыми переменными в модели, с другой — конкретизировать, какие именно показатели жизнестойкости вносят существенный вклад в модель.

Анализ регрессионной модели финансовой тревоги (Приложение А, раздел 2, табл. А4, модель 1 / Appendix A, section 2, table A4, model 1) показал, что 57% распределения зависимой переменной объясняется совокупностью независимых — жизнестойкостью, удовлетворенностью респондентов уровнем материального благополучия, а также оценками значимой для пенсионеров информации о темпах развития экономики и работе фондовой биржи. Причем вклад жизнестойкости наиболее существенный ($\beta = -0,515$; $p = 0,000$). Интересно, что в этой модели оценки факторов финансовой тревоги обратно пропорционально связаны с личностными характеристиками респондентов. То есть чем выше уровень жизнестойкости и удовлетворенности пенсионеров своим материальным и финансовым благополучием, тем в меньшей степени они воспринимают информацию о снижении показателей развития экономики как угрозу их экономическому положению, порождающую состояние финансовой тревоги. Несмотря на то, что переменная «фондовая биржа становится неустойчивой» имеет низкий уровень значимости в общей модели, она содержательно связана с переменной «темпы развития экономики», так как рынки ценных бумаг, с одной стороны, являются одним из механизмов привлечения финансовых ресурсов для модернизации экономики, с другой — нередко становятся источниками финансовой нестабильности и социальных потрясений. Сравнительно большой вклад жизнестойкости в модель финансовой тревоги позволил предположить, что базовые убеждения — контроль, вовлеченность и принятие риска — могут

с разной степенью силы предсказывать состояние тревоги. Наше предположение подтвердилось (Приложение А, раздел 2, табл. А4, модель 2 / Appendix A, section 2, table A4, model 2). Убежденность респондентов в том, что, проявляя активность, они могут влиять на происходящие с ними события, не бояться неудач, а также их самооценки удовлетворенности уровнем материального благосостояния являются наиболее важными предикторами, снижающими уровень реактивной финансовой тревоги пенсионеров, вызванной негативными прогнозами о развитии экономики в стране и информацией о росте безработицы.

Результаты регрессионного анализа финансовых переживаний (разные проявления финансовой тревоги) показали, что больше 60% распределения зависимой переменной объясняется влиянием совокупности независимых (см. Приложение А, раздел 2, табл. А5 / Appendix A, section 2, table A5). Наибольший вклад в модель вносят показатели жизнестойкости, прежде всего — контроль и принятие риска, что согласуется с описанными выше данными. Вклад переменных, рассматриваемых в модели как макроэкономические факторы тревоги респондентов, показал, что пенсионеры обеспокоены кредитной политикой банков, ростом безработицы и цен на товары общественного потребления.

Регрессионный анализ финансовой тревожности личности выявил, что на выраженность финансовой тревожности, связанной с отношением пенсионеров к деньгам, в наибольшей степени оказывает влияние их жизнестойкость, конкретно — принятие риска (см. Приложение А, раздел 2, табл. А6 / Appendix A, section 2,

table A6). Убежденность респондентов в том, что не стоит бояться в жизни неудач, а также их установка сохранить финансовую независимость могут снижать выраженность финансовой личностной тревожности. Интересно, что информация о внешней политике государства позитивно воспринималась участниками исследования, выполняя роль социального ресурса в поддержании умеренно выраженной финансовой тревожности. Ее конструктивная функция связана с обеспечением субъективного финансового благополучия. В то же время информация о динамике цен на товары и услуги, о сокращении рабочих мест, наоборот, усиливала личностную финансовую тревожность респондентов.

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтвердили наше предположение о том, что предикторы финансовой тревоги и финансовой личностной тревожности пенсионеров будут различаться.

В ходе работы обнаружено, что состояние финансовой тревоги у пенсионеров возникает в ответ на наиболее динамичные явления в области макроэкономики. В частности, респонденты переживали состояние тревоги, проявляя беспокойство, волнение и напряжение, реагируя на информацию о росте ставок на банковские кредиты, цен на услуги и товары общественного потребления. Рост безработицы в стране и снижение темпов развития экономики также воспринимались респондентами как угрожающие их финансовой стабильности. Данное состояние тревоги регулировалось посредством психологических ресурсов пенсионеров, прежде всего — их

жизнестойкости как убежденности в том, что, проявляя активность, они могут повлиять на ситуацию, что любой, даже негативный опыт надо воспринимать как знание о своих возможностях. В концепции позитивного старения вера в свои возможности и активность в позднем возрасте рассматриваются как ресурсы, определяющие психологическое благополучие в старости (Сергиенко, Павлова, 2024; Barišić et al., 2024; и др.). По данным исследователей, ресурсами жизнестойкости пенсионеров как предиктора психологического благополучия являются оценки благополучия семьи и возможности принимать решения, реализовывать намеченные планы (Иванкина и др., 2020). В ходе нашего исследования было обнаружено, что расхождение в самооценках экономического статуса респондентов актуализирует их психологические ресурсы. Так, оценивая уровень своего материального и финансового благосостояния как достаточный, но неудовлетворительный для поддержания прежнего уровня экономической жизни, респонденты пытались совладать с состоянием тревоги, проявляя свою жизнестойкость.

Неожиданным, но значимым для прогнозирования выраженности личностной финансовой тревожности пенсионеров стал факт значимости для участников исследования информации о внешней политике государства, выполняющей роль социального ресурса наряду с психологическими — жизнестойкостью и установками на финансовую независимость. Причем, если в модели предикторов тревоги участвовали и контроль, и принятие риска как компоненты жизнестойкости, то для финансовой тревож-

ности принятие риска оказалось более значимым фактором, поддерживающим ее умеренную выраженность.

Выделяя разные стратегии адаптации в пенсионном возрасте, авторы отмечают, что уверенность в себе и убежденность в успехе своих действий способствуют достижению субъективного благополучия пенсионеров (Moreno-Agostino et al., 2021; и др.).

Предположение о том, что финансовая тревожность как свойство личности и реактивное состояние тревоги порождается разными явлениями макроэкономической и политической жизни, подтвердилось частично. В данной группе участников исследования источниками личностной тревожности выступили как наиболее динамичные макроэкономические явления (динамика цен), вызывающие и состояние финансовой тревоги, так и более стабильные (внешняя политика государства).

В завершение следует напомнить, что в исследовании принимали участие преимущественно «молодые» пенсионеры (средний возраст — 64 года), не так давно получившие новый статус — пенсионера. Частично это может объяснить тот факт, что нами не были выявлены различия в выраженности ни реактивной финансовой тревоги, ни личностной финансовой тревожности в группах работающих и неработающих пенсионеров.

Заключение

Выход на пенсию по возрасту и завершение трудовой деятельности признается исследователями как трудная жизненная ситуация, глубоко эмоционально переживаемая и актуализирующая процессы социальной и психологической

адаптации пенсионеров к изменившимся условиям жизни, в том числе в сфере финансов (Moreno-Agostino et al., 2021; и др.). Как отмечала Л.И. Анцыферова, в этот период сохраняется способность личности «быть субъектом своего бытия, устранять ситуацию неопределенности при завершении профессиональной деятельности, создавать новый жизненный мир с изменившейся структурой смыслов и значимостей» (Анцыферова, 2006, с. 316). Наше исследование показало, что способность респондентов удерживать позитивный образ своего социально-экономического статуса, вера в себя и убежденность в позитивном результате своих действий являются значимыми предикторами состояния финансовой тревоги. Вытесняя в своем сознании негативные переживания, исследованные пенсионеры старались обрести внутреннее равновесие и даже переживать удовлетворенность своим финансовым положением.

Предикторами финансовой личностной тревожности, связанной с отношением пенсионеров к деньгам, выступили не только их способность учитывать прежние ошибки и не бояться неудач как показатель жизнестойкости, но и желание сохранить свою финансовую независимость в новом статусе пенсионера, а также восприятие респондентами внешней политики государства как социального ресурса, который, по всей видимости, придает им уверенности в себе.

В развитии исследования предполагается проверить полученные результаты на большей по объему выборке, включающей респондентов более старшего возраста.

Прикладной характер полученных результатов выражается в их востребованности работниками социальных служб, занимающихся вопросами повышения психологического и финансового благополучия людей пенсионного возраста. По нашему мнению, при организации психологических программ следует учитывать различия в проявлениях финансовой тревожности пенсионеров, а также механизмах и факторах совладания с ней. Так, для снижения состояния финансовой тревоги специалистам важно направлять свои действия на повышение экономической самооценки пенсионеров, в то время как в работе с личностной финансовой тревожностью разработать программу по формированию самоконтроля потребительского поведения, навыков планирования, повышению финансовой грамотности в целом, применять медиативные техники эмоционального самоконтроля.

Ограничения. Трудности при обобщении результатов связаны с небольшим объемом выборки и способом сбора данных путем онлайн-опроса.

Limitations. Issues in generalization of results: sample size and methods of collecting data through an online survey.

Список источников / References

1. Анцыферова, Л.И. (2006). *Развитие личности и проблемы геронтопсихологии*. М.: «Институт психологии РАН».
Antsyferova, L.I. (2006). *Personality development and problems of gerontopsychology*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

2. Белехова, Г.В. (2023). Финансовое благополучие населения старших возрастов: теоретико-методологические аспекты и проблемы оценки. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(5), 117–137. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.7>
Belekhova, G.V. (2023). Financial well-being of older adults: Theoretical and methodological aspects and assessment issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 117–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.7>
3. Гаджигасанова, Н.С. (2013). Методы прикладной статистики для социологов. Ярославль: ЯрГУ.
Gadzhigasanova, N.S. (2013). Methods of applied statistics for sociologists. Yaroslavl: Yaroslavl State University. (In Russ.).
4. Дробышева, Т.В. (2009). Факторы тревоги по отношению к деньгам (на примере банковских служащих). В: Э.Х. Локшина (Ред.), *Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития: Материалы конференции*. (с. 96–100). СПб.: СПбГУЭФ.
Drobysheva, T.V. (2009). Factors of anxiety in relation to money (the example of bank employees). In: E.H. Lokshina (Ed.), *Economic psychology: modern problems and prospects of development: Conference Proceedings*. (pp. 96–100). St. Petersburg: SPbGUEF (In Russ.).
5. Дробышева, Т.В., Садов, В.А. (2021). Разработка тест-опросника «Шкала финансовой тревожности личности» (на основе методики Р. Лихи). *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 6, 2(22), 296–321. https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_22_2_12
Drobysheva, T.V., SadoV, V.A. (2021). Test-questionnaire development «Scale Financial Anxiety of the personal» (based on the questionnaire of R. Likhi), *Institute of psychology Russian Academy of Sciences Social and economic psychology*, 6, 2(22), 296–321. (In Russ.). https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_22_2_12
6. Дробышева, Т.В., Тарасов, С.В., Ларионов, И.В. (2024). Разработка опросника «Шкала финансовой автономности личности» и его психометрическая проверка на группе предпенсионеров. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 13, 3(51), 239–250. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-3-239-250>
Drobysheva, T.V., Tarasov, S.V., Larionov, I.V. (2024). Development of the questionnaire “Individual’s Financial Autonomy Scale” and its psychometric verification based on a group of pre-retirees. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 13, 3(51), 239–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-3-239-250>
7. Иванкина, Л.И., Аникина, Е.А., Клемашева, Е.И., Касати, Ф. (2020). Стратегии жизнестойкости пожилых людей. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 4(39), 118–127. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1047](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1047)
Ivankina, L.I., Anikina, E.A., Klemasheva, E.I., Fabio, C. (2020). Strategies for the resilience of older people. *Journal of Wellbeing Technologies*, 4(39), 118–127. (In Russ.). [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1047](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1047)
8. Медяник, О.В. (2020). Влияние финансовой тревожности на страховое поведение россиян в условиях пандемии COVID-19. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 13(4), 354–373. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.401>
Medyanik, O.V. (2021). The effect of financial anxiety on the insurance behavior of Russians in the context of the 2019-nCoV Pandemic. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 13(4), 354–373. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.401>

9. Наследов, А.Д. (2013). IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер.
Nasledov, A.D. (2013). IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis. SPb.: Piter. (In Russ.).
10. Осин, Е.Н. (2013). Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости. [Электронный ресурс]. *Организационная психология*, 3(3), 42–60. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 11.03.2024).
Osin, E.N. Factor structure of the short version of the Test of hardiness. [Electronic resource]. *Organizational Psychology*, 3(3), 42–60. (In Russ.). URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (accessed: 11.03.2024).
11. Ромек, В.Г., Шварцер, Р., Ерусалем, М. (1996). Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*, 7, 71–76.
Romek, V.G., Shwarzer, R., Jerusalem, M. (1996). Russian version of the General Self-Efficacy Scale. *Foreign Psychology*, 7, 71–76. (In Russ.).
12. Сергиенко, Е.А., Павлова, Н.С. (2024). Субъективный возраст и психологическое благополучие [Электронный ресурс]. *Современная зарубежная психология*, 13(4), 29–40. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130403> (дата обращения: 10.02.2025).
Sergienko, E.A., Pavlova, N.S. (2024). Subjective Age and Psychological Well-Being [Electronic resource]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 13(4), 29–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130403> (accessed: 10.02.2025).
13. Стрижицкая, О.Ю., Петраш, М.Д. (2022). Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(1), 8–28. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300102>
Strizhitskaya, O.Yu., Petrash, M.D. (2022). Construction of Productive Ageing: Biological, Psychological and Environmental Factors. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 30(1), 8–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300102>
14. Трошихина, Е.Г., Манукян, В.Р. (2017). Тревожность и устойчивые эмоциональные состояния в структуре психоэмоционального благополучия. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 7(3), 211–223. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.302>
Troshikhina, E.G., Manukyan, V.R. (2017). Anxiety and stable emotional in the structure of psycho-emotional wellbeing, *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 7(3), 211–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.302>
15. Aichele, S.R. (2024). Predictors of Anxiety in Middle-Aged and Older European Adults: A Machine Learning Comparative Study. *Social Sciences*, 13(11), 623. <https://doi.org/10.3390/socsci13110623>
16. Ahamed, A.F.M.J., Limbu, Y.B. (2024). Financial anxiety: a systematic review. *International Journal of Bank Marketing*, 42(7), 1666–1694. <https://doi.org/10.1108/IJBM-08-2023-0462>
17. de Almeida, F., Ferreira, M.B., Soro, J.C., Silva, C.S. (2021). Attitudes Toward Money and Control Strategies of Financial Behavior: A Comparison Between Overindebted and Non-overindebted Consumers. *Front. Psychol., Sec. Organizational Psychology*, 12 <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.566594>
18. Barišić, M., Mudri, Ž., Farčić, N., Čebohin, M., Degmečić, D., Barać, I. (2024). Subjective Well-Being and Successful Ageing of Older Adults in Eastern Croatia—Slavonia: Exploring Individual and Contextual Predictors. *Sustainability*, 16(17), 7808. <https://doi.org/10.3390/su16177808>

19. de Bruijn, E.-J. Antonides, G. (2020). Determinants of financial worry and rumination. *Journal of Economic Psychology*, 76, 102233. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2019.102233>
20. Furnham, A., Grover, S.A. (2020). New Money Behavior Quiz. *Journal of Individual Differences*, 41(1), 1–13. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000299>
21. Hernandez-Perez, J., Cruz Rambaud, S. (2025). Uncovering the factors of financial well-being: the role of self-control, self-efficacy, and financial hardship. *Future Business Journal*, 11, 70. <https://doi.org/10.1186/s43093-025-00498-7>
22. Kim, H.Y. (2013). Statistical notes for clinical researchers: assessing normal distribution (2) using skewness and kurtosis. *Restorative Dentistry and Endodontics*, 38(1), 52–54. <https://doi.org/0.5395/rde.2013.38.1.52>
23. Lee, Y.G., Kelley, H.H., Lee, J.M. (2023). Untying Financial Stress and Financial Anxiety: Implications for Research and Financial Practitioners. *Journal of Financial Therapy*, 14(1), 4. <https://doi.org/10.4148/1944-9771.1293>
24. Mann, F.D., Krueger, R.F., Vohs, K.D. (2020). Personal economic anxiety in response to COVID-19. *Personality and Individual Differences*, 167, 110233. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110233>
25. Moreno-Agostino, D., de la Torre-Luque, A., de la Fuente, J., et al. (2021). Determinants of Subjective Wellbeing Trajectories in Older Adults: A Growth Mixture Modeling Approach. *Journal of Happiness Studies*, 22, 709–726. <https://doi.org/10.1007/s10902-020-00248-2>
26. Simonse, O., Van Dijk, W.W., Van Dillen, L.F., Van Dijk, E. (2024). Economic predictors of the subjective experience of financial stress. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2024. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 42, 100933. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2024.100933>
27. Shapiro, G., Burchell, B. (2012). Measuring Financial Anxiety. *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*, 5, 92–103. <https://doi.org/10.1037/a0027647>
28. du Plessis, L., Jordaan, Y., van der Westhuizen, L.M. (2024). Psychological needs and financial well-being: the role of consumer spending self-control. *Journal of Financial Services Marketing*, 29, 1197–1206. <https://doi.org/10.1057/s41264-024-00270-y>
29. Van Raaij, W.F., Riitsalu, L., Poder, K. (2023). Direct and indirect effects of self-control and future time perspective on financial well-being. *Journal of Economic Psychology*, 99(4), 102667 <https://doi.org/10.1016/j.joep.2023.102667>
30. Varveri, L., Novara, C., Petralia, V., Romano, E., Lavanco, G. (2014). Compulsive Buying and Elderly Men: Depression, Coping Strategies and Social Support. *European Scientific Journal*, 2, 147–157. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/3704-Article%20Text-10858-1-10-20140714%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/3704-Article%20Text-10858-1-10-20140714%20(3).pdf) (дата обращения: 02.03.2024).
31. Vieira, K., Rosenblum, T.O., Matheis, T., Bressan, A. (2023). Perception of Financial Well-Being of the Elderly and the Role of Propensity to Indebtedness and Financial Preparation for Retirement. *Review of Economics of the Household*, 16(5). <https://doi.org/10.7176/RHSS/13-2-04>

Приложение / Appendix

Приложение А. Опросники и результаты анализа связи предикторов и финансовой тревожности пенсионеров. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160410>

Appendix A. Questionnaires and the results of the analysis of the relationship between predictors and financial anxiety of pensioners. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160410>

Информация об авторах

Татьяна Валерьевна Дробышева, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН «ИП РАН»); профессор кафедры психологии и педагогической антропологии Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета (ФГБОУ ВО «МГЛУ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9578-4463>, e-mail: tdrobyshevstv@ipran.ru

Information about the authors

Tatiana V. Drobysheva, Doctor of Sciences (Psychology), leading researcher at the laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science; Professor of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology Institute of Humanities and Applied Sciences Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9578-4463>, e-mail: tdrobyshevstv@ipran.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Экспертной комиссией ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (протокол от 14.07.2025 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Expert commission of Institute of Psychology of the Russian Academy of Science (report 2025/07/14).

Поступила в редакцию 18.05.2025

Поступила после рецензирования 11.09.2025

Принята к публикации 09.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.05.18

Revised 2025.09.11

Accepted 2025.12.09

Published 2025.12.30

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Научная статья | Original paper

Адаптация и валидизация шкалы разрывов идентичности в коммуникации М.Л. Хехта и И. Юнг

М.А. Бульцева¹ ✉, Е.Д. Васильева¹, А.В. Трифонова²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

² Эспоо, Финляндия

✉ mbultseva@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Шкала разрывов идентичности (*identity gap*) в коммуникации, разработанная М.Л. Хехтом и И. Юнг, используется специалистами в исследованиях межличностного взаимодействия в разных областях, включая межкультурную коммуникацию и коммуникацию в сфере здравоохранения.

Цель. Адаптация и психометрическая валидизация русскоязычной версии шкалы разрывов идентичности, включающей две субшкалы — разрыв между личной и предъявляемой идентичностями (*Personal-Enacted Identity Gap Scale*) и разрыв между личной и реляционной идентичностями (*Personal-Relational Identity Gap Scale*).

Методы и материалы. Методом прямого и обратного перевода был проведен перевод шкалы на русский язык, далее русскоязычные формулировки тестировались в ходе когнитивных интервью методом словесного зондирования (*verbal probing*). Результаты социально-психологического опроса ($N = 481$, возраст от 18 до 71 года, $M = 38,69$ лет, $SD = 11,96$) были протестированы с помощью конфирматорного факторного анализа и других тестов, позволяющих оценить эмпирическую структуру данных, надежность и валидность шкал.

Результаты. По результатам тестов шкалу можно считать надежным и валидным инструментом для измерения степени выраженности разрывов между личной и предъявляемой, а также личной и реляционной идентичностями.

Выводы. Шкала разрывов идентичности в коммуникации является надежным и валидным инструментом, представляющим практическую значимость не только для проведения исследований, но и для диагностики и оценки эффективности интервенций, направленных на снижение разрывов идентичности, в том числе в рамках психотерапии, коучинга или кризисной коммуникации.

Ключевые слова: разрывы идентичности, идентичность, коммуникация, реляционная идентичность, предъявляемая идентичность, личная идентичность, межличностное взаимодействие

Бульцева М.А., Васильева Е.Д.,
Трифонов А.В. (2025)
Адаптация и валидизация шкалы разрывов...
Социальная психология и общество,
16(4), 186–203.

Bultseva M.A., Vasilyeva E.D., Trifonova A.V. (2025)
Adaptation and validation of the Identity Gap Scale
in Communication by M.L. Hecht and E. Jung
Social Psychology and Society,
16(4), 186–203.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00544, <https://rscf.ru/project/25-18-00544/>.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Д.Д. Строгова.

Для цитирования: Бульцева, М.А., Васильева, Е.Д., Трифонова, А.В. (2025). Адаптация и валидизация шкалы разрывов идентичности в коммуникации М.Л. Хехта и И. Юнг. *Социальная психология и общество*, 16(4), 186–203. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160411>

Adaptation and validation of the Identity Gap Scale in Communication by M.L. Hecht and E. Jung

M.A. Bultseva¹ ✉, E.D. Vasilyeva¹, A.V. Trifonova²

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

² Esbo, Finland

✉ mbultseva@hse.ru

Abstract

Context and relevance. *The Identity Gap Scale in Communication developed by M.L. Hecht and E. Jung is used by specialists in studies of interpersonal interaction in various fields, including intercultural and health communication.*

Objective. *Adaptation into Russian and psychometric validation of a questionnaire that includes two scales — the Personal-Enacted Identity Gap Scale and the Personal-Relational Identity Gap Scale.*

Methods and materials. *The questionnaire was translated into Russian using the forward and backward translation method, and then the Russian-language formulations were tested during cognitive interviews using the verbal probing method. The results of the socio-psychological survey (N = 481, age 18 to 71, M = 38,69, SD = 11,96) were tested using confirmatory factor analysis and other tests to assess the empirical structure of the data, reliability, and validity of the scales.*

Results. *Based on the test results, the questionnaire can be considered a reliable and valid tool for measuring the severity of gaps between personal and presented, as well as personal and relational identities.*

Conclusions. *Identity Gap Scale in Communication is reliable and valid instrument with practical significance as both a research tool and for diagnosis and assessment of the effectiveness of interventions aimed at reducing identity gaps, including within the framework of psychotherapy, coaching, or crisis communication.*

Keywords: *identity gap, identity, communication, relational identity, enacted identity, personal identity, interpersonal interaction*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 25-18-00544, <https://rscf.ru/project/25-18-00544/>.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection D.D. Strogov.

For citation: Bultseva, M.A., Vasilyeva, E.D., Trifonova, A.V. (2025). Adaptation and validation of the Identity Gap Scale in Communication by M.L. Hecht and E. Jung. *Social Psychology and Society*, 16(4), 186–203. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160411>

Введение

Трудные жизненные ситуации, например, такие как болезнь, переживание утраты, насилие со стороны партнера, вынужденная миграция, а также уход за тяжело больным ребенком и другие, затрагивают базовые опоры самоидентификации, поскольку могут поставить под вопрос согласованность «уровней» Я и вынуждают заново устанавливать связи между личным, предъявляемым (поведенческим), реляционным и коммунальным (групповым) уровнями (Hecht, 1993; Jung, Hecht, 2004). По определению «разрывы идентичности» (identity gaps) — это рассогласования между этими уровнями. Переживание разрывов в ситуациях жизненных кризисов ассоциировано с более высоким дистрессом и осложненной адаптацией: это показано в исследованиях хронической боли (Voorhees, 2023), адаптации к университету (Jung, Hecht, 2008), переживания интимного партнерского насилия (Burns, Peters, 2024), адаптации беженцев (Bergquist и др., 2019), утраты супруга/супруги (Wehrman, 2023) и в коммуникации родителей в педиатрической паллиативной помощи (Weaver и др., 2021). Следовательно, состояние идентичности и межуровневые разрывы следует систематически учитывать при оценке уязвимости и ресурсов в трудных жизненных ситуациях; а для этого необходимы валидные измерительные инструменты. Часто разрывы идентичности изучаются качественными методами — через фокус-группы и глубинные интервью — как в большинстве вышеуказанных исследований. Однако количественные инструменты необходимы для проведения сопоставимых межгрупповых проверок (например, инвариантности), оценки

распространенности и строгого тестирования связей с предикторами и последствиями разрывов идентичности. Цель настоящей статьи — адаптация и психометрическая валидизация русскоязычной версии шкалы разрывов идентичности (Jung, Hecht, 2004).

Фундамент для изучения идентичности во взаимодействии был заложен исследователями направления символического интеракционизма. Теории, разработанные в рамках данного подхода, фокусируются на том, что представления о себе, своей роли в социальной структуре и принадлежности к социальной группе формируются и реализуются в процессе коммуникации (Stryker, 1980). Это обеспечивается за счет верификации идентичности во взаимодействии с другими людьми — когда индивид считает, что другие воспринимают его таким же образом, как он сам видит себя. Согласно модели перцептивного контроля, в ситуации общения возникает петля обратной связи, результатом которой может быть согласование или рассогласование между тем, как человек видит себя, преподносит себя в общении и/или воспринимает представление о себе других участников взаимодействия (Stets, Serpe, 2013). В широком смысле эти представления о себе помогают определить место индивида во взаимодействии, направляют его поведение, способствуют развитию стабильных социальных отношений и делают возможным само взаимодействие (McCall, Simmons, 1978).

Существует ряд теорий, которые рассматривают процесс верификации идентичности и управления этим процессом во взаимодействии (Identity management theory, Face negotiation theory), однако наиболее продуктивной с точки зрения операционализации представляется ком-

муникативная теория идентичности. Коммуникативная теория идентичности (Communication theory of identity – CTI) предполагает, что в процессе коммуникации существуют четыре взаимосвязанных уровня идентичности – личный (personal), предъявляемый (enacted), реляционный (relational) и групповой (communal) (Hecht, 1993).

Согласно авторам, хотя эти четыре уровня аналитически различимы, они по своей сути взаимосвязаны и не могут быть полностью отделены друг от друга. Однако в ситуации взаимодействия может возникать рассогласование между разными уровнями, которые авторы называют «разрывом» идентичности (identity gap) (Jung и др., 2007; Jung, Hecht, 2004, 2008, 2008). Так, в теории рассматриваются: «разрыв» личной и реляционной идентичностей (personal – relational identity gap) – несоответствие между представлением о себе и восприятием того, как меня видят другие; «разрыв» между личной и предъявляемой идентичностью (personal – enacted identity gap) – несоответствие между представлениями о себе и идентичностью, представленной в общении; «разрыв» между реляционной и предъявляемой идентичностями (relational – enacted identity gap) – несоответствие между восприятием того, как меня видят другие, и предъявляемой в общении идентичностью.

Изучение разрывов идентичностей позволяет рассмотреть не только содержание идентичностей, но и особенности взаимодействия уровней идентичности, что особенно актуально в условиях трудных жизненных ситуаций. Эмпирические исследования показывают, что разрывы идентичности оказывают заметное влияние на психологическое благополучие и

социальные взаимодействия. Например, разрыв между личной и предъявляемой идентичностями (personal-enacted gap) у иностранных студентов предсказывает более высокий уровень аккультурационного стресса и депрессии (Amado и др., 2020; Jung и др., 2007). Более ранние работы демонстрируют, что рассогласованность между личной и реляционной идентичностью (personal-relational gap) связана с нарушением доверия и менее успешной коммуникацией (Jung, 2011). При вынужденной миграции у беженцев выявляются многоуровневые разрывы (между личным, реляционным и групповым уровнями), ассоциированные с подрывом целостности Я и трудностями адаптации в ресоциализации (Bergquist и др., 2019). В условиях хронической боли отмечается рассогласование между желаемой самопрезентацией и вынужденными ролями, а также с ожиданиями других людей – эти разрывы усиливают отчуждение, стыд и снижают качество социальных связей (Voorhees, 2023). После утраты супруга у респондентов выявляются рассогласования между внутренним самоощущением и тем, как человек должен себя предъявлять в новых ролевых требованиях (Wehrman, 2023). При переживании насилия со стороны партнера личный уровень идентичности нередко оказывается под давлением реляционных норм и ожиданий (Burns, Peters, 2024). Наконец, у родителей детей, получающих педиатрическую паллиативную помощь, учет четырех рамок идентичности и возникающих между ними разрывов рассматривается как ключ к снижению дистресса и улучшению взаимодействия с командами ухода (Weaver и др., 2021). В совокупности

результаты показывают, что в условиях трудных жизненных ситуаций разрывы идентичности и, в частности, рассогласования между личным, воплощенным и реляционным уровнями — это механизм, через который происходят ухудшение межличностных взаимодействий, рост стресса и снижение субъективного благополучия. Следовательно, их измерение критически важно для исследований и практики. Однако в российском научном дискурсе данный конструкт используется редко, а исследования чаще фокусируются на изучении отдельных идентичностей или процессов их формирования.

В отечественной психологической науке широко используются опросники, направленные на изучение выраженности отдельных идентичностей, например, этнической, гражданской, региональной, профессиональной, религиозной, моральной. Эти инструменты позволяют выявлять выраженность отдельных идентичностей, но они не дают возможности напрямую фиксировать их внутреннее противоречие и «разрывы».

В российской практике адаптирован ряд опросников, которые затрагивают именно процессы согласованности и рассогласованности идентичности. Так, Шкала ясности я-концепции — Self-Concept Clarity Scale (Campbell и др., 1996) — и ее адаптация в России (Вдовенко и др., 2021) оценивают устойчивость и непротиворечивость представлений о себе и позволяют косвенно фиксировать их неясность и конфликтность. Методика исследования стадий идентичности — Identity Stage Resolution Index (Côté, Schwartz, 2002) — и ее адаптация в России (Борисенко, 2020а) направлены на оценку прохождения кризисов идентичности и могут быть ис-

пользованы для анализа того, насколько эти кризисы разрешены или остаются источником внутриличностного конфликта. Методика исследований процессов идентичности — Dimensions of Identity Development Scale (Luyckx и др., 2008) — и ее адаптация в России (Борисенко, 2020б) фиксируют процессы исследования и принятия обязательств, показывая динамику идентичностных конфликтов. Шкала воспринимаемой коллективной преемственности — Perceived Collective Continuity Scale (Sani и др., 2008) — и ее адаптация в России (Терскова и др., 2022) измеряют субъективное восприятие непрерывности коллективной идентичности; разрыв этой непрерывности воспринимается как угроза личной идентичности. Существуют и инструменты, ориентированные непосредственно на подростков — например, международный опросник «Оценка идентичности личности у подростков» — Assessment of Identity Development in Adolescence (AIDA; Goth, Schmeck, 2012) — и его адаптация в России (Зверева и др., 2021) диагностируют риск диффузии идентичности. А опросник стиля идентичностей — A-MIS (Berzonsky, 1989) — и его адаптация в России (Белинская, Бронин, 2014) оценивают стили идентичности (информационный, нормативный, диффузно-избегающий), что может помочь определить механизмы возникновения разрывов.

В целом существующие и адаптированные на русском языке инструменты дают широкие возможности для анализа различных аспектов идентичности и фиксируют отдельные проявления ее согласованности и рассогласованности. Они полезны для выявления специфических кризисов (например, подростковых) или анализа динамики (процессуальные

шкалы). Однако их применение остается фрагментарным: ни один из них не позволяет в полной мере охватить именно феномен разрыва идентичности как системного несоответствия между различными идентичностями. Именно поэтому наиболее перспективным инструментом представляется шкала М.Л. Хехта и И. Юнг, специально разработанная для анализа разрывов идентичностей.

Материалы и методы

Процедура. Перевод пунктов шкалы осуществлялся методом экспертного консенсуса: на первом этапе два переводчика независимо друг от друга перевели пункты шкал с английского на русский, затем в ходе общего обсуждения в присутствии третьего эксперта были выбраны оптимальные с точки зрения всех экспертов формулировки. Далее русскоязычные версии шкал тестировались с помощью когнитивных интервью ($N = 6$, возраст от 18 до 60 лет, 4 женщины) методом словесного зондирования (verbal probing): для того, чтобы помочь участникам интервью вербализировать свои мыслительные процессы при заполнении опросника, интервьюеры задавали вопросы на понимание и интерпретацию содержания пунктов, корректность формулировок и аргументацию выбора ответа. По результатам когнитивных интервью часть пунктов была скорректирована.

Так, например, первоначальный перевод пункта «I do not reveal important aspects of myself in communication with my communication partners» («В общении с [ними] я не могу раскрыться до конца, особенно в том, что является для меня важным») был заменен на «В общении с [ними] я не могу быть до конца откровен-

ным, особенно в том, что является для меня важным», поскольку в ходе когнитивных интервью у респондентов возникли вопросы к слову «раскрыться»: что подразумевается под этим? В каких ситуациях нужно раскрываться? Первый перевод пункта «I do not express the real me when I think it is different from my communication partners' expectation» («Я не показываю настоящего себя, когда думаю, что не соответствую [их] ожиданиям») был заменен на «Если я думаю, что не соответствую их ожиданиям, то я скрываю настоящего себя» во избежание повторных отрицаний. Перевод пункта «There is a difference between the real me and the impression I give my communication partners about me» («Есть разница между тем, кто я есть, и какое впечатление о себе я оставляю у собеседника») вызвал дискуссию по поводу возможности контролировать впечатления, которые мы оставляем у собеседника, и был заменен на «Есть разница между тем, кто я есть, и какое впечатление о себе я стараюсь произвести на собеседника». В первоначальном переводе пункта «I freely express the real me in communication with my communication partners» («Я могу свободно высказываться и проявлять себя в общении с [ними]») вопросы вызвало выражение «проявлять себя»: респондентам показался не совсем ясным его смысл в контексте коммуникации. В связи с этим русскоязычная формулировка была заменена на «Я могу свободно высказываться и выражать себя в общении с [ними]». Перевод пункта «I feel that my communication partners portray me not based on information» («Я чувствую, что [их] представления обо мне расходятся с фактами») показался респондентам непонятным из-за слова «факты» — к нему возникло множество вопросов: что именно

имеется в виду? Какие факты? И так далее. В связи с этим нами было принято решение заменить формулировку на «Я чувствую, что [их] представления обо мне расходятся с реальностью». Очень много вопросов и разногласий вызвал первый перевод пункта «I feel that my communication partners do not realize that I have been changing and still portray me based on my past images» («Мне кажется, что [они] не осознают, что я меняюсь, и считают, что я такой же, какой был когда-то»). Респонденты отмечали, что вопрос сложен для восприятия и интерпретации, так как состоит из двух частей, и не очень понятно, на какую из частей ориентироваться при формулировке ответа. В связи с этим нами было принято решение модифицировать пункт, оставив лишь первую его часть: «Мне кажется, что [они] не осознают, что я меняюсь».

Выборка. В исследовании принял участие 481 человек (54% — женщины) в возрасте от 18 до 71 года ($M = 38,69$ лет, $SD = 11,96$). Большинство опрошенных имеют высшее образование: 44% окончили бакалавриат/специалитет, 10% — магистратуру, 1% — аспирантуру/докторантуру. Еще 26% участников исследования имеют среднее специальное образование, 13% — основное общее образование, 5% — начальное профессиональное образование. 76% участников исследования — русские.

Инструментарий. Оригинальная методика Разрывов идентичности (Jung, Hecht, 2004; Graham, Mazer, 2019) включала в себя 22 пункта для измерения воспринимаемого разрыва между личной и предъявляемой идентичностями (personal-enacted identity gap — PEI, 11 пунктов) и для измерения разрывов между личной и реляционной идентичностью (personal-relational identity gap —

PRI, 11 пунктов). Для ответов участникам исследования предлагалась 7-балльная шкала, в которой 1 — Совершенно не согласен, а 7 — Полностью согласен.

Для проверки критериальной валидности использовалась методика для измерения разрывов в онлайн- и офлайн-общении (оригинал — Wang, 2020; адаптация на русском языке выполнена в рамках проекта РНФ «Влияние цифровизации на социальный капитал и ценности российского общества» № 19-18-00169). Она измеряет разрыв между личной и предъявляемой идентичностью онлайн- и офлайн-коммуникации и прямо опирается на операционализацию разрывов у И. Юнг и М.Л. Хехта (2004). Эта шкала включала в себя 7 пунктов, например: «Мои статусы и посты в социальных сетях или других платформах для онлайн-общения полны преувеличений и приукрашиваний» ($\alpha = 0,87$); шкала разрывов в офлайн-общении включала в себя 6 пунктов, например: «Я свободно выражаю свое “настоящее я” в общении со знакомыми, приятелями и друзьями в реальной жизни» ($\alpha = 0,8$). Для ответов использовалась 7-балльная шкала Ликерта, в которой 1 — Совершенно не согласен, а 7 — Полностью согласен. Согласно нашим ожиданиям, разрывы между личной и предъявляемой/реляционной идентичностями должны соотноситься с разрывами в онлайн- и офлайн-общении, причем взаимосвязь разрывов между личной и предъявляемой идентичностью с разрывами в онлайн- и офлайн-общении должна быть выражена сильнее.

Также критериальная валидность проверялась с помощью шкалы «Принадлежность» из опросника «Удовлетворение базовых психологических потребностей» (Суворова и др., 2023). Шкала включала

в себя 8 пунктов, например: «Я чувствую себя одиноким, даже когда вступаю в контакты с людьми» ($\alpha = 0,78$). Для ответов респонденты использовали 7-балльную шкалу Ликерта, в которой 1 — Совершенно не согласен, а 7 — Полностью согласен. Согласно нашим ожиданиям, разрывы между личной и предъявляемой/реляционной идентичностью должны быть отрицательно связаны с уровнем удовлетворения потребности в принадлежности.

Анализ данных. Анализ данных производился с помощью программной среды R. Факторная структура проверялась с помощью конфирматорного факторного анализа с робастным эстиматором MLR. В качестве пороговых значений использовались следующие показатели: $CFI > 0,90$, $RMSEA < 0,08$, $SRMR < 0,08$ (Kline, 2010). Мы также использовали поисковый анализ графов (Exploratory Graph Analysis) (Golino, Epskamp, 2017) — метод, позволяющий в поисковом режиме оценить эмпирическую структуру данных. Для проверки внутренней согласованности шкал использовались коэффициенты α Кронбаха и ω Макдональда. При проверке конвергентной валидности мы ориентировались на факторные нагрузки, показатели внутренней согласованности шкалы и значения квадратного корня средней извлеченной дисперсии ($AVE > 0,50$) (Cheung и др., 2024). При оценке дискриминантной валидности мы принимали во внимание отсутствие или наличие перекрестных нагрузок, величину коэффициента корреляции между латентными конструктами и показатели HTMT (Cheung и др., 2024; Henseler и др., 2015). Для проверки критериальной валидности мы оценивали взаимосвязи показателей по

субшкалам опросника с показателями разрывов при онлайн- и офлайн-общении (Wang, 2020), а также показателей шкалы Принадлежности из Опросника удовлетворения базовых психологических потребностей (Суворова и др., 2023), используя коэффициент корреляции Спирмена. Проверка инвариантности по полу осуществлялась с помощью мультигруппового факторного анализа.

Результаты

Предварительный анализ. Распределение большинства переменных близко к нормальному (показатели асимметрии и эксцесса расположены в интервале от -1 до 1). Исключение составили 5 переменных, показатели эксцесса которых расположены в интервале от -2 до 2 . Пропущенные значения не обнаружены.

Факторная структура. Проверка факторной структуры шкал опросника с помощью конфирматорного факторного анализа свидетельствовала о плохом соответствии модели эмпирическим данным: $CFI = 0,64$; $RMSEA = 0,14$; $SRMR = 0,14$. Поисковый анализ эмпирической структуры опросника с помощью поискового анализа графов указывал на оптимальность 4-факторной структуры, однако визуальный анализ распределения пунктов опросника по латентным конструктам показал, что 4-факторное решение достигается за счет «ухода» обратных (развернутых) пунктов в отдельные факторы. Кроме того, один из пунктов опросника — «Я чувствую, что они знают, каким я был раньше, когда описывают меня» — продемонстрировал слабую нагрузку на все латентные конструкты. После удаления из модели этого пункта, а также

всех обратных пунктов модель показала хорошие показатели пригодности: CFI = 0,96; RMSEA = 0,07; SRMR = 0,04.

Все пункты опросника продемонстрировали статистически значимые нагрузки в диапазоне от 0,68 до 0,82 (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика и факторные нагрузки
Descriptive statistics and factor loadings

Пункты шкалы / Scale items	Факторная нагрузка / Factor loadings	<i>M (SD)</i>	Асимметрия / Skewness	Экцесс / Kurtosis
Разрыв личной и предъявляемой идентичности (PEI), <i>M</i> = 2,92 (<i>SD</i> = 1,44) Personal-enacted identity gap (PEI), <i>M</i> = 2,92 (<i>SD</i> = 1,44)				
3. Общаясь с ними, я противоречу своей истинной натуре	0,73	2,53 (1,72)	0,90	–0,26
5. Я не могу продемонстрировать себя таким, какой я есть	0,78	2,98 (1,89)	0,41	–1,13
7. В общении с [ними] я не могу быть до конца откровенным, особенно в том, что является для меня важным	0,68	3,38 (1,93)	0,25	–1,08
8. Когда я общаюсь с [ними], я перестаю понимать, кто я есть на самом деле	0,75	2,36 (1,66)	0,94	–0,31
9. Если я думаю, что не соответствую их ожиданиям, то я скрываю настоящего себя	0,78	2,92 (1,82)	0,52	–0,81
10. Иногда в общении с [ними] я стараюсь казаться не тем, кто я есть	0,82	2,91 (1,84)	0,54	–0,87
11. Есть разница между тем, кто я есть, и какое впечатление о себе я стараюсь произвести на собеседника	0,73	3,33 (1,83)	0,21	–1,00
Разрыв личной и реляционной идентичности (PRI), <i>M</i> = 3,53 (<i>SD</i> = 1,51) Personal-relational identity gap (PRI), <i>M</i> = 3,53 (<i>SD</i> = 1,51)				
16. Я не такой, каким видят меня [они]	0,78	3,46 (1,92)	0,17	–1,09
18. У меня есть ощущение, что у [них] сложилось неправильное представление обо мне	0,79	3,43 (1,85)	0,19	–0,94
21. Я чувствую, что [их] представления обо мне расходятся с реальностью	0,81	3,61 (1,83)	0,03	–1,01
22. Я чувствую, что у [них] стереотипное представление обо мне	0,76	3,69 (1,85)	0,06	–0,93
23. Мне кажется, что [они] не осознают, что я меняюсь	0,74	3,64 (1,76)	0,02	–0,78
25. Иногда, когда [они] говорят обо мне, мне кажется, что речь идет о ком-то другом	0,78	3,35 (1,84)	0,25	–0,94

Примечание: *M* — среднее значение; *SD* — стандартное отклонение.

Note: *M* — mean, *SD* — standard deviation.

Таким образом, в финальную версию методики вошли 13 пунктов — 7 пунктов для измерения разрывов между личной и предъявляемой идентичностью и 6 пунктов для измерения разрывов между личной и реляционной идентичностью.

Надежность и валидность. Показатели α Кронбаха (0,90 для обеих шкал) и ω Макдональда (0,90 для обеих шкал) свидетельствуют о хорошей внутренней согласованности оцениваемых инструментов. Высокие факторные нагрузки, показатели внутренней согласованности и показатели AVE (0,57 для шкалы разрывов между личной и предъявляемой идентичностями и 0,60 для шкалы разрывов между личной и реляционной идентичностями) указывают на конвергентную валидность шкал. Коэффициент корреляции между латентными конструктами составляет 0,73, что свидетельствует о сильной положительной взаимосвязи между измеряемыми переменными. Однако отсутствие перекрестных нагрузок, показатель НТМТ (0,73) и показатели AVE по отношению к коэффициентам корреляции между латентными конструктами указывают на наличие дискриминантной валидности.

Коэффициенты корреляции с переменными номологической сети демон-

стрируют наличие ожидаемых положительных взаимосвязей с переменными, измеряющими разрывы в онлайн- и офлайн-общении, и ожидаемых отрицательных взаимосвязей с показателями шкалы Принадлежности (см. табл. 2).

Результаты мультигруппового факторного анализа указывают на наличие метрической и скалярной инвариантности по полу: дельты CFI составили менее 0,005, дельты RMSEA — менее 0,01.

Обсуждение результатов

Полученные результаты расширяют кросс-культурную базу исследований разрывов идентичности и подтверждают универсальность базовой структуры опросника. Так, мы обнаружили и эмпирически поддержали двухфакторную модель с субшкалами — разрыв между личной и предъявляемой идентичностями, разрыв между личной и реляционной идентичностями. Однако, в отличие от оригинального опросника, итоговые русскоязычные версии оказались короче: 7 пунктов для шкалы разрыва между личной и предъявляемой идентичностями и 6 пунктов для субшкалы разрыва между личной и реляционной идентичностями. Сокращение связано с тем, что пункты с обратной формулировкой образовывали

Таблица 2 / Table 2

Коэффициенты корреляции Спирмена Spearman's correlation coefficients

Разрывы идентичности / Identity gap	Гэпы онлайн / Online identity gap	Гэпы офлайн / Offline identity gap	Принадлежность / Belonging
Разрыв между личной и предъявляемой идентичностью	0,56***	0,58***	–0,43***
Разрыв между личной и реляционной идентичностью	0,42***	0,44***	–0,41***

отдельный фактор при анализе и ухудшали показатели модели. Исключение таких пунктов повысило однородность шкал и чистоту факторной структуры.

Важно отметить, что схожий эффект полярности формулировок неоднократно фиксировался в других исследованиях, посвященных адаптации и валидизации инструментария. Например, в русскоязычных валидизациях Шкалы воспринимаемого стресса (PSS) по итогам факторного анализа наилучшим оказалось двухфакторное решение, где один фактор формируется прямыми пунктами (дистресс), а второй — обратными (совладание) (Золотарёва, 2023). Зарубежные работы тоже демонстрируют аналогичные результаты. Так, для GHQ-12 показано, что модель с несколькими факторами отражает способы формулировки пунктов (Hankins, 2008). В связи с этим удаление пунктов с обратными формулировками в нашей русскоязычной версии — это методологически обоснованная стратегия, чтобы снизить влияния особенностей формулировки.

Надежность обеих шкал и показатели конвергентной/дискриминантной валидности (HTMT, AVE) соответствовали принятым критериям. Содержательно это согласуется с англоязычными работами, где двухфакторная модель также показывала хорошую структурную состоятельность и предсказательную валидность (Jung, Hecht, 2004; Graham, Mazer, 2019), а расширения до трех факторов (например, дополнительная разработка инструментария и добавление субшкалы разрыва между реляционной и предъявляемой идентичностями в семейных отношениях) трактуются как контекст-специфичные (Kam, Hecht, 2009).

При этом сопоставление с зарубежными исследованиями показывает, что большинство применений шкалы до сих пор выполнено на английском языке с воспроизведением двухфакторной структуры, в то время как детально описанных результатов валидизации именно для переведенных версий практически не представлено. В частности, субшкала разрывов идентичности применялась при исследовании студентов, иммигрантов и мультикультурных групп на английском языке (Amado и др., 2020; Jung и др., 2007; Murray, Kennedy-Lightsey, 2013; Phillips и др., 2018; Daniels, Rittenour, 2018). При этом детальный факторный анализ в силу отсутствия существенных изменений в шкалах публикуется редко, как и подробности о том, были ли адаптированы отдельные пункты или весь опросник. Мы обнаружили только сведения о переводе и адаптации на китайский язык и проверке на выборке международных студентов (Hu и др., 2019). В результате адаптации и факторной проверки структуры инструментария авторами было выявлено также две субшкалы, а количество пунктов было сокращено до 4 и 5 соответственно. На этом фоне наша валидизация на русском языке с представленными результатами по CFA, HTMT и AVE соответствует заявленной в теории и первоисточнике структуре опросника и закрывает важный методологический пробел относительно валидации его в неанглоязычном контексте.

Номинологическая сеть связей русскоязычной версии воспроизводит ожидаемые паттерны. Как и в англоязычных выборках международных студентов и мигрантов (Amado и др., 2020), более выраженные разрывы идентичности у нас

оказались связаны с неблагополучием в социальном функционировании: мы зафиксировали положительные корреляции с близкими по содержанию конструктами «разрывов между личной и предъявляемой идентичностями в онлайн- и офлайн-общении» (Wang, 2020) и отрицательные корреляции с показателями «Принадлежности» из «Опросника удовлетворения базовых психологических потребностей» (Суворова и др., 2023). Эти результаты согласуются с Коммуникативной теорией идентичности: межуровневые рассогласования подрывают стабильность самоидентификации и чувство принадлежности, переходя в коммуникативные трудности и дистресс (Jung, Hecht, 2004).

Наконец, была установлена инвариантность по полу. Иными словами, структура шкалы одинакова у женщин и мужчин, вклад каждого утверждения в итоговый показатель не отличается между группами, а исходные уровни ответов по этим утверждениям сопоставимы. Следовательно, сравнение средних значений между полами в будущих исследованиях с применением этой шкалы будет корректно: обнаруженные различия будут отражать реальные групповые различия, а не особенности работы инструмента. Принятые пороговые критерии соответствуют рекомендациям по проверке инвариантности (Chen, 2007).

Заключение

Данное исследование было посвящено адаптации и психометрической валидизации русскоязычной версии шкалы разрывов идентичности, предложенной М.Л. Хехтом и И. Юнг. Результаты проведенного анализа подтверждают при-

годность адаптированной русскоязычной версии данного инструмента.

Полученные в результате исследования данные подтверждают двухфакторную модель с субшкалами «разрыв между личной и предъявляемой идентичностями» (Personal-Enacted Identity Gap Scale), «разрыв между личной и реляционной идентичностями» (Personal-Relational Identity Gap Scale). Показатели надежности и конвергентной/дискриминантной валидности адаптированного инструмента соответствуют принятым критериям, а также была установлена инвариантность по полу.

Результаты исследования говорят о том, что адаптированную шкалу можно использовать в исследовательских целях, а также как инструмент для диагностики и оценки эффективности интервенций, направленных на снижение разрывов идентичности, в том числе в рамках психотерапии, коучинга или кризисной коммуникации.

Ограничения. Ограничения данного исследования связаны с несколькими особенностями выборки. Во-первых, выборка является однородной по ключевым демографическим параметрам. Основная часть участников (76%) — русские, большинство имеют высшее образование, возраст варьируется, но средний показатель составляет 38,69 лет. Это ограничивает обобщаемость результатов на другие этнические группы, людей с низким уровнем образования или более молодую/пожилую популяцию. Во-вторых, хотя была проверена инвариантность по полу, не проводилась проверка инвариантности по другим значимым переменным, таким как возраст, уровень образования, этническая принадлежность или культурный

контекст, в связи с однородностью этих показателей в выборке. Устойчивость двухфакторной структуры нуждается в проверке на других выборках.

Кроме того, к ограничениям можно отнести то, что опросник адаптирован и протестирован в общем контексте межличностного общения. Он не был специфически адаптирован и проверен для использования в конкретных контекстах, таких как семейные отношения, рабочая среда, медицинское взаимодействие или онлайн-сообщества, хотя критериальная валидность частично проверялась через шкалы онлайн/офлайн-разрывов. Результаты могут не полностью отражать динамику разрывов идентичности в специфических коммуникативных контекстах, что является наиболее распространенным ограничением исследований коммуникации, не учитывающим важную роль контекста взаимодействия.

С целью преодоления указанных ограничений дальнейшие исследования могут быть направлены на тестирование данной шкалы на более разнообразных выборках: разных этнических группах (включая коренные народы, мигрантов), людях с различным уровнем образования, представителях различных возрастных когорт (подростки, пожилые), а также жителях разных регионов России. Кроме того, видится целесообразным адаптация и валидизация шкалы для применения в специфических коммуникативных контекстах: межкультурная коммуникация, здравоохранение, деловая коммуникация и пр.

Limitations. The limitations of this study relate to several features of the sample. First, the sample is homogeneous in

key demographic variables. Most participants (76%) are Russian, the majority have a university degree, and age varies, but the average is 38,69 years. This limits the generalizability of the results to other ethnic groups, people with lower levels of education, or younger/older populations. Second, although gender invariance was tested, invariance was not tested for other relevant variables such as age, education level, ethnicity, or cultural background due to the homogeneity of these variables in the sample. The stability of the two-factor structure should be verified on other samples.

Additionally, limitations include the fact that the questionnaire was adapted and tested in the general context of interpersonal communication. It was not specifically adapted and tested for use in specific contexts such as family relationships, work environments, medical interactions, or online communities, although criterion validity was partially tested through online/offline gap scales. The results may not fully reflect the dynamics of identity gaps in specific communication contexts, which is the most common limitation of communication studies that do not consider the important role of the interaction context.

To overcome these limitations, further research can be aimed at testing this questionnaire on more diverse samples: different ethnic groups (including indigenous peoples, migrants), people with different levels of education, representatives of different age cohorts (teenagers, the elderly), as well as residents of different regions of Russia. In addition, it seems appropriate to adapt and validate the questionnaire for use in specific communication contexts: intercultural communication, healthcare, business communication, etc.

Список источников / References

1. Белинская, Е.П., Бронин, И.Д. (2014). Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски. *Психологические исследования*, 7(34), 12–12.
Belinskaya, E.P., Bronin, I.D. (2014). Adaptation of the Russian-language version of M. Berzonsky's identity styles questionnaire. *Psychological research*, 7(34), 12–12. (In Russ.).
2. Борисенко, Ю.В. (2020а). Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 22(3), 735–743. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743>
Borisenko, J.V. (2020a). Russian Adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI). *Bulletin of Kemerovo State University*, 22(3), 735–743. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743>
3. Борисенко, Ю.В. (2020б). Апробация и адаптация методики исследования процессов идентичности «Dimensions of Identity Development Scale» (DIDS). *Вектор науки Тольяттинского государственного университета, Серия: Педагогика, психология*, 3(42), 33–41. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2020-3-33-41>
Borisenko, Yu.V. (2020b). Testing and adaptation of the methodology for studying identity processes “Dimensions of Identity Development Scale” (DIDS). *Vector of Science of Togliatti State University, Series: Pedagogy, Psychology*, 3(42), 33–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2020-3-33-41>
4. Вдовенко, В., Щебетенко, С., Старовойтенко, Е. (2021). Я в самопознании: Русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции. *Психологические исследования*, 14(77). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.157>
Vdovenko, V., Shchebetenko, S., Starovoytenko, E. (2021). I in self-knowledge: The Russian version of the Self-Concept Clarity Scale. *Psychological Studies*, 14(77). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.157>
5. Зверева, Н.В., Воронова, С.С., Зверева, М.В. (2022). Русскоязычная версия международного опросника AIDA («Оценка идентичности личности у подростков»). *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 10(1(36)), 7–22.
Zvereva, N.V., Voronova, S.S., Zvereva, M.V. (2022). Russian-language version of the international AIDA questionnaire (“Assessment of Identity Development in Adolescence”). *Personality in a changing world: health, adaptation, development*, 10(1(36)), 7–22. (In Russ.).
6. Золотарева, А.А. (2023). Адаптация русскоязычной версии шкалы генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder-7). *Консультативная психология и психотерапия*, 31(4), 31–46.
Zolotareva, A.A. (2023). Adaptation of the Russian-language version of the Generalized Anxiety Disorder-7 scale. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 31(4), 31–46. (In Russ.).
7. Пахтусова, Н.А., Уварина, Н.И., Савченков, А.В. (2021). *Исследование проблемы становления сетевой идентичности личности в условиях виртуальной образовательной среды: монография*. М.: Первое экономическое изд-во. <https://doi.org/10.18334/9785912923708>
Pakhtusova, N.A., Uvarina, N.I., Savchenkov, A.V. (2021). *Research of the problem of formation of network identity of the person in the conditions of virtual educational environment: monograph*. Moscow: First economic publishing house. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/9785912923708>
8. Суворова, И.Ю., Бабий, А.А., Корзун, Н.В. (2021). Адаптация общей шкалы удовлетворения базовых психологических потребностей Э. Деси и Р. Райана. *Актуальные проблемы психологического знания*, 1(2), 55–66.

- Suvorova, I.Yu., Babi, A.A., Korzun, N.V. (2021). Adaptation of E. Deci and R. Ryan's Basic Psychological Need Satisfaction Scales. *Actual problems of psychological knowledge*, 1(2), 55–66. (In Russ.).
9. Терскова, М.А., Богатырева, Н.И., Иванов, А.А., Романова, М.О., Быков, А.О., Анкушев, В.В. (2022). Воспринимаемая коллективная преемственность: адаптация шкалы для российского контекста. *Культурно-историческая психология*, 18(2), 127–135. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180214>
 - Terskova, M.A., Bogatyreva, N., Ivanov, A.A., Romanova, M.O., Bykov, A.O., Ankushev, V. (2022). Perceived Collective Continuity: Scale Adaption for the Russian Context. *Cultural-Historical Psychology*, 18(2), 127–135. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180214> (In Russ.).
 10. Amado, S., Snyder, H.R., Gutchess, A. (2020). Mind the Gap: The Relation Between Identity Gaps and Depression Symptoms in Cultural Adaptation. *Frontiers in Psychology*, 11, 1156. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01156>
 11. Bergquist, G., Soliz, J., Everhart, K., Braithwaite, D.O., Kreimer, L. (2019). Investigating Layers of Identity and Identity Gaps in Refugee Resettlement Experiences in the Midwestern United States. *Western Journal of Communication*, 83(3), 383–402. <https://doi.org/10.1080/10570314.2018.1552009>
 12. Berzonsky, M.D. (1989). Identity style: Conceptualization and measurement. *Journal of Adolescent Research*, 4(3), 268–282. <https://doi.org/10.1177/074355488943002>
 13. Burns, A.J., Peters, C. (2024). Identity veiling: Theorizing identity gap negotiation post-intimate partner violence. *Journal of Social and Personal Relationships*, 41(6), 1324–1346. <https://doi.org/10.1177/02654075231221079>
 14. Campbell, J.D., Trapnell, P.D., Heine, S.J., Katz, I.M., Lavalley, L.F., Lehman, D.R. (1996). Self-concept clarity: Measurement, personality correlates, and cultural boundaries. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(1), 141–156. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.1.141>
 15. Chen, F.F. (2007). Sensitivity of Goodness of Fit Indexes to Lack of Measurement Invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 14(3), 464–504. <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>
 16. Cheung, G.W., Cooper-Thomas, H.D., Lau, R.S., Wang, L.C. (2024). Reporting reliability, convergent and discriminant validity with structural equation modeling: A review and best-practice recommendations. *Asia Pacific Journal of Management*, 41(2), 745–783. <https://doi.org/10.1007/s10490-023-09871-y>
 17. Côté, J.E., Schwartz, S.J. (2002). Comparing psychological and sociological approaches to identity: Identity status, identity capital, and the individualization process. *Journal of Adolescence*, 25(6), 571–586. <https://doi.org/10.1006/jado.2002.0511>
 18. Daniels, R., Rittenour, C. (2018). Female International Students' Identity Gaps and Communication Outcomes. *Intercultural Communication Studies*, 27(3), 28–51.
 19. Golino, H.F., Epskamp, S. (2017). Exploratory graph analysis: A new approach for estimating the number of dimensions in psychological research. *PLOS ONE*, 12(6), e0174035. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0174035>
 20. Goth, K., Schmeck, K. (2012). Assessment of Identity Development in Adolescence (AIDA): Development and validation of a self-report questionnaire for ages 12 to 18. *European Psychiatry*, 27(1), 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2011.02.001>
 21. Graham, E.E., Mazer, J.P. (Eds.). (2019). Communication research measures III: A sourcebook, Routledge.
 22. Hankins, M. (2008). The reliability of the twelve-item general health questionnaire (GHQ-12) under realistic assumptions. *BMC public health*, 8(1), 355.

23. Hecht, M.L. (1993). 2002—a research odyssey: Toward the development of a communication theory of identity. *Communication Monographs*, 60(1), 76–82. <https://doi.org/10.1080/03637759309376297>
24. Henseler, J., Ringle, C.M., Sarstedt, M. (2015). A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 43(1), 115–135. <https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8>
25. Hu, Y., Hong, J., Diao, C. (2019). Relationship between cross-cultural communication competence and depression in international students: Mediating effect of identity gaps. *Journal of Psychological Science*, 42(4), 956–962. <https://jps.ecnu.edu.cn/EN/Y2019/V42/I4/956>
26. Jung, E. (2011). Identity Gap: Mediator Between Communication Input and Outcome Variables. *Communication Quarterly*, 59(3), 315–338. <https://doi.org/10.1080/01463373.2011.583501>
27. Jung, E., Hecht, M.L. (2004). Elaborating the communication theory of identity: Identity gaps and communication outcomes. *Communication Quarterly*, 52(3), 265–283. <https://doi.org/10.1080/01463370409370197>
28. Jung, E., Hecht, M.L. (2008). Identity Gaps and Level of Depression Among Korean Immigrants. *Health Communication*, 23(4), 313–325. <https://doi.org/10.1080/10410230802229688>
29. Jung, E., Hecht, M.L., Wadsworth, B.C. (2007). The role of identity in international students' psychological well-being in the United States: A model of depression level, identity gaps, discrimination, and acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(5), 605–624. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2007.04.001>
30. Kam, J.A., Hecht, M.L. (2009). Investigating the role of identity gaps among communicative and relational outcomes within the grandparent–grandchild relationship: The young-adult grandchildren's perspective. *Western journal of communication*, 73(4), 456–480.
31. Kline, R.B. (2010). *Principles and practice of structural equation modeling* (3rd ed.). New York: Guilford Press.
32. Luyckx, K., Schwartz, S.J., Berzonsky, M.D., Soenens, B., Vansteenkiste, M., Smits, I., Goossens, L. (2008). Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence. *Journal of Research in Personality*, 42(1), 58–82. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2007.04.004>
33. McCall, G.J., Simmons, J.L. (1978). *Identities and interactions*. New York: Free Press.
34. Murray, C.L., Kennedy-Lightsey, C.D. (2013). Should I Stay or Go?: Student Identity Gaps, Feelings, and Intent to Leave. *Communication Research Reports*, 30(2), 96–105. <https://doi.org/10.1080/08824096.2012.762894>
35. Phillips, K.E., Ledbetter, A.M., Soliz, J., Bergquist, G. (2018). Investigating the Interplay Between Identity Gaps and Communication Patterns in Predicting Relational Intentions in Families in the United States. *Journal of Communication*, 68(3), 590–611. <https://doi.org/10.1093/joc/jqy016>
36. Sani, F., Bowe, M., Herrera, M. (2008). Perceived collective continuity and social well-being: Exploring the connections. *European Journal of Social Psychology*, 38(2), 365–374. <https://doi.org/10.1002/ejsp.461>
37. Stets, J.E., Serpe, R.T. (2013). Identity theory. In: *Handbook of social psychology*, 2nd ed. (cc. 31–60). Springer Science + Business Media. https://doi.org/10.1007/978-94-007-6772-0_2
38. Stryker, S. (1980). *Symbolic Interactionism: A Social Structural Version* (Benjamin/Cummings Publishing Company).
39. Voorhees, H.L. (2023). “I Was Literally Just Not Myself”: How Chronic Pain Changes Multiple Frames of Identity. *Health Communication*, 38(8), 1641–1653. <https://doi.org/10.1080/10410236.2022.2025702>
40. Wang, N. (2020). Online and Offline Identity Gaps: Cross-Contextual Predictors and Psychological Outcome. URL: https://aquila.usm.edu/masters_theses/726

41. Weaver, M.S., Hinds, P., Kellas, J.K., Hecht, M.L. (2021). Identifying as a Good Parent: Considering the Communication Theory of Identity for Parents of Children Receiving Palliative Care. *Journal of Palliative Medicine*, 24(2), 305–309. <https://doi.org/10.1089/jpm.2020.0131>
42. Wehrman, E.C. (2023). "I don't even know who I am": Identity reconstruction after the loss of a spouse. *Journal of Social and Personal Relationships*, 40(4), 1250–1276. <https://doi.org/10.1177/02654075221127399>

Приложение А

Русскоязычная версия шкалы разрывов идентичности в коммуникации М.Л. Хехта и И. Юнг

Appendix A

Russian version of the Identity Gap Scale in Communication by M.L. Hecht and E. Jung

Вам будут предложены утверждения относительно Вашего опыта общения с людьми, которые для Вас важны. Оцените по шкале от 1 до 7, насколько Вы согласны с этими утверждениями, где 1 — совершенно не согласен, а 7 — полностью согласен.

1. Общаясь с ними, я противоречу своей истинной натуре.
2. Я не могу продемонстрировать себя таким, какой я есть.
3. В общении с ними я не могу быть до конца откровенным, особенно в том, что является для меня важным.
4. Когда я общаюсь с ними, я перестаю понимать, кто я есть на самом деле.
5. Если я думаю, что не соответствую их ожиданиям, то я скрываю настоящего себя.
6. Иногда в общении с ними я стараюсь казаться не тем, кто я есть.
7. Есть разница между тем, кто я есть, и какое впечатление о себе я стараюсь произвести на собеседника.
8. Я не такой, каким видят меня они.
9. У меня есть ощущение, что у них сложилось неправильное представление обо мне.
10. Я чувствую, что их представления обо мне расходятся с реальностью.
11. Я чувствую, что у них стереотипное представление обо мне.
12. Мне кажется, что они не осознают, что я меняюсь.
13. Иногда, когда они говорят обо мне, мне кажется, что речь идет о ком-то другом.

Ключ: разрыв личной и предъявляемой идентичности (PEI) — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; разрыв личной и реляционной идентичности (PRI) — 8, 9, 10, 11, 12, 13.

Информация об авторах

Мария Александровна Бульцева, кандидат психологических наук, заместитель директора, старший научный сотрудник Центра социокультурных исследований, доцент департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Бульцева М.А., Васильева Е.Д.,
Трифонова А.В. (2025)
Адаптация и валидизация шкалы разрывов...
Социальная психология и общество,
16(4), 186–203.

Bultseva M.A., Vasilyeva E.D., Trifonova A.V. (2025)
Adaptation and validation of the Identity Gap Scale
in Communication by M.L. Hecht and E. Jung
Social Psychology and Society,
16(4), 186–203.

Екатерина Дмитриевна Васильева, кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований, старший преподаватель департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7814-953X>, e-mail: edvasilyeva@hse.ru

Анастасия Валентиновна Трифонова, независимый исследователь, Эспоо, Финляндия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: av_trifonova@mail.ru

Information about the authors

Maria A. Bultseva, Candidate of Science (Psychology), Senior Research Fellow in the Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Ekaterina D. Vasilyeva, Candidate of Science (Psychology), Research fellow in the Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7814-953X>, e-mail: edvasilyeva@hse.ru

Anastasia V. Trifonova, independent researcher, Esbo, Finland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: av_trifonova@mail.ru

Вклад авторов

Бульцева М.А. — идеи исследования; аннотирование, написание рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Васильева Е.Д. — идеи исследования; сбор и анализ данных; написание и оформление рукописи.

Трифонова А.В. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; визуализация результатов исследования; написание рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria A. Bultseva — ideas; annotation, writing of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Ekaterina D. Vasilyeva — ideas; data collection and analysis; writing and design of the manuscript.

Anastasia V. Trifonova — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; visualization of research results; writing the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 14.09.2025

Поступила после рецензирования 24.10.2025

Принята к публикации 09.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.14

Revised 2025.10.24

Accepted 2025.12.09

Published 2025.12.30

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Научная статья | Original paper

Может ли государство лечить от фейков? К вопросу о границах заботы и контроля в условиях цифровой тревожности

Рецензия на монографию О.С. Дейнеки и А.А. Максименко
«Вакцина от инфодемии, или психологическое состояние общества
на фоне пандемии, вызванной COVID-19». Кострома: АНО «Центр
социальных инициатив», 2024. 380 с.

М.М. Решетников ✉

Восточно-Европейский институт психоанализа, Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ veip@yandex.ru

Резюме

В рецензии на монографию О.С. Дейнеки и А.А. Максименко «Вакцина от инфодемии, или Психологическое состояние общества на фоне пандемии, вызванной COVID-19» предпринята попытка переосмысления феномена инфодемии как устойчивого вызова общественному здравому смыслу, психическому благополучию и социальной стабильности. Рецензент анализирует предложенную авторами метафору информационной вакцинации как концептуальную рамку для дискуссии о границах свободы, правах граждан и обязанностях государства в цифровую эпоху. Через сопоставление с данными о росте потребления психотропных препаратов делается вывод о долговременных последствиях информационного перенапряжения. Отдельное внимание уделяется этическим и психологическим дилеммам, возникающим при попытках защиты массового сознания от фейков, тревожных нарративов и медийных манипуляций.

Ключевые слова: инфодемия, психологическое (ментальное) здоровье, информационная гигиена, фейки, медиатравма, медиапотребление, думскроллинг, киберхондрия

Для цитирования: Решетников, М.М. (2025). Может ли государство лечить от фейков? К вопросу о границах заботы и контроля в условиях цифровой тревожности. *Социальная психология и общество*, 16(4), 204–210. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160412>

Can the state cure from fakes? On the question of the boundaries of care and control under conditions of digital anxiety

Review of the monograph by O.S. Deyneka and A.A. Maksimenko
“A Vaccine against Infodemic, or the Psychological State of Society
during the COVID-19 Pandemic.” Kostroma: ANO “Center for Social
Initiatives,” 2024. 380 pp.

M.M. Reshetnikov ✉

East-European Institute of Psychoanalysis, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ veip@yandex.ru

Abstract

In the review of the monograph by O.S. Deyneka and A.A. Maksimenko “A Vaccine against Infodemic, or the Psychological State of Society during the COVID-19 Pandemic,” an attempt is made to reconceptualize the phenomenon of the infodemic as a persistent challenge to public common sense, mental well-being, and social stability. The reviewer analyzes the authors’ proposed metaphor of informational vaccination as a conceptual framework for a discussion on the boundaries of freedom, citizens’ rights, and the responsibilities of the state in the digital age. Through comparison with data on the growth of psychotropic drug consumption, a conclusion is drawn about the long-term consequences of informational overstrain. Special attention is paid to the ethical and psychological dilemmas arising in attempts to protect mass consciousness from fakes, anxiety-inducing narratives, and media manipulations.

Keywords: *infodemic, psychological (mental) health, informational hygiene, fakes, media trauma, media consumption, doomscrolling, cyberchondria*

For citation: Reshetnikov, M.M. (2025). Can the state cure from fakes? On the question of the boundaries of care and control under conditions of digital anxiety. *Social Psychology and Society*, 16(4), 204–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160412>

Инфодемия, начавшаяся в 2020 году как сопутствующее явление глобальной пандемии, сегодня трансформировалась в самостоятельный и все более агрессивный феномен. Не утратив своей значимости, она стала частью повседневной медиареальности (Su et al., 2022). Поток недостоверной, избыточной, эмоционально заряженной информации продолжает влиять на психику, вызывая у миллионов людей хронический стресс, тревогу и истощение (Gisondi et al.,

2022). И если в первые месяцы пандемии эта тревожность воспринималась как временное явление, то теперь мы имеем дело с системным последствием — с новым уровнем общественного неблагополучия, объективно подтверждаемым статистикой (Nela, 2023).

Так, за первые шесть месяцев 2025 года россияне приобрели транквилизаторов и антидепрессантов на рекордную сумму в 4,6 млрд рублей — на 17% больше, чем в тот же период пре-

дыдущего года¹. Это самый высокий показатель за все время наблюдений. Рост потребления препаратов, регулирующих эмоциональное состояние, стал прямым индикатором массовой психологической перегрузки. На этом фоне монография О.С. Дейнеки и А.А. Максименко «*Вакцина от инфодемии, или Психологическое состояние общества на фоне пандемии, вызванной COVID-19*» (Дейнека, Максименко, 2024) приобретает особую значимость не просто как научное исследование, но как инструмент осмысления реальности, в которой мы продолжаем жить.

Ключевая идея, проходящая через всю работу, заключается в том, что *информация в определенных условиях способна утратить нейтральный характер и приобрести свойства патогена*. Подобно вирусу, она начинает распространяться по сетям, вовлекая все большее количество пользователей, и при этом вызывает вполне измеримые психологические и социальные последствия: тревогу, агрессию, недоверие к официальным источникам, поляризацию общественного сознания. Авторы исследуют, как именно и при каких условиях это происходит, когда информационное сообщение перестает быть просто сведением к размышлению и становится источником эмоционального заражения.

Важным вкладом в развитие этой концепции стало эмпирическое обоснование: авторы рецензируемой монографии не ограничиваются теоретическими моделями, но подкрепляют свои выводы результатами оригинальных онлайн-ис-

следований. Внимание уделяется как содержанию фейков, так и каналам их распространения, типологии психологических реакций и даже возможным бенефициарам медийной активности. В результате перед читателем предстает сложная, но логически выстроенная система, объясняющая, как *медиа превращаются в среду циркуляции патогенной информации*, а психика — в ее уязвимую мишень (Asaad et al., 2025).

Одним из ключевых достижений монографии является то, что в ней *впервые в русскоязычной научной мысли системно рассмотрены такие феномены, как киберхондрия и думскроллинг* — два психологически значимых паттерна поведения, резко обострившихся в условиях пандемии. Киберхондрия как форма тревожного поиска медицинской информации в Сети и думскроллинг (многократная прокрутка ленты тревожных новостей) выступают не просто как симптоматика индивидуального беспокойства, но как *массовые адаптационные стратегии*, перерастающие в устойчивые поведенческие модели с соматическими и когнитивными последствиями.

Важно отметить, что *авторы не только вводят эти феномены в русскоязычный научный оборот, но и предлагают валидный инструментарий для их измерения*, разработанный и апробированный в рамках собственных эмпирических исследований. Это делает монографию особенно ценной для специалистов, работающих на стыке психологии, медицины и цифровых коммуникаций. Наличие диагно-

¹ Россияне потратили на антидепрессанты 4,5 млрд рублей в первом полугодии. <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/08/05/1129360-rossiyane-potratili>

стических шкал, ориентированных на выявление информационно-индуцированной тревожности, дает возможность использовать данную работу как *основу для последующих количественных исследований* и разработки практических интервенций.

Отдельного внимания заслуживает комплексность подхода, реализованного в монографии. В отличие от многих работ, сосредоточенных исключительно на когнитивных аспектах воздействия информации, авторы демонстрируют, что *инфодемия влияет на все уровни человеческого поведения, включая пищевые и сексуальные установки*. В работе прослеживается, как рост тревожности, вызванной избыточным потреблением негативной информации, отражается на телесных характеристиках, привычках, потребностях и базовых механизмах саморегуляции. Этот аспект особенно важен в понимании долгосрочных эффектов информационного перенапряжения и может стать основой для новых направлений психофизиологических исследований в условиях цифровой среды.

Значительный интерес в монографии представляет анализ отношения к вакцинации против COVID-19 среди медицинских сестер — профессиональной группы, находящейся на переднем крае борьбы с пандемией. Их суждения, колебания, личный опыт и практические выводы рассматриваются авторами не как частные эпизоды, а как *ценный социально-психологический маркер общественного доверия*, уровня информированности и индивидуальной тревожности. Медицинские сестры, часто оставаясь «невидимыми героями» пандемийного времени, демонстрируют сложный спектр

восприятия рисков, ответственности и влияния медиа. Этот материал подчеркивает глубину эмпирического слоя исследования и его социальную значимость.

Авторы не дают прямолинейных ответов, но выстраивают логически сложную и философски насыщенную траекторию рассуждения. В эпоху, когда *информация становится патогеном*, а вмешательство — угрозой восприятию свободы, психологи, ученые, педагоги и даже алгоритмы соцсетей фактически берут на себя функцию своеобразных «информационных иммунологов» (Фуко, 2010). Но в отличие от медицины, где понятен источник угрозы и путь ее нейтрализации, в сфере медиапотребления действуют иные законы: здесь *попытка защитить может вызвать отторжение*, а своевременное предупреждение — обвинения в манипуляции.

Монография не только фиксирует эту дилемму, но и предлагает рамку для этического обсуждения роли эксперта, государства и гражданина в мире, где информационные вирусы распространяются быстрее биологических. Именно в этом заключается ее философская и социальная глубина: авторы подводят читателя к осознанию того, что психологическая защита — это не форма контроля, а акт ответственности и заботы, эффективность которого напрямую зависит от доверия и открытого диалога между всеми участниками информационного процесса.

Особую глубину и концептуальную силу монографии придает метафора *информационной вакцинации* — оригинальный прием, позволяющий взглянуть на проблему инфодемии не как на эпизод информационного шума, а как на *долгосрочный вызов общественному здоровью*. Вакцина — это всегда акт профилакти-

ки, основанный на доверии к источнику, признании риска и готовности к дискомфорту ради будущей защиты. Перенос этой модели на сферу информационного пространства оказывается чрезвычайно продуктивным, но одновременно — предельно амбивалентным.

Встает принципиальный вопрос: кто в современном обществе обладает моральным правом предупреждать, фильтровать, направлять и защищать от деструктивной информации? (Агамбен, 2022). Кто будет «информационным врачом» или «психологическим эпидемиологом» — государство, экспертное сообщество, цифровые платформы, система образования, гражданское общество? И главное, *готово ли само общество признать необходимость подобной защиты как благо, как акт заботы*, или любая попытка ограничить доступ к информации будет интерпретирована как нарушение свобод, как новая форма цензуры, как подавление инакомыслия? (Zuboff, 2019).

Эта дилемма — ключевая для XXI века, и авторы монографии осмысляют ее с предельной ясностью и ответственностью. Проводится тонкая параллель: так же, как система здравоохранения со временем перестает восприниматься исключительно как «право» и все чаще обсуждается как «обязанность» человека и государства (вакцинация, профилактика, общественная эпидемиологическая дисциплина), так и информационное здоровье требует переосмысления. Быть информационно грамотным, критически мыслящим и устойчивым к фейкам — это уже не привилегия «просвещенных», а *гражданская обязанность*. Аналогично, государство и ключевые общественные институты больше не могут оставаться нейтральными

наблюдателями в информационной борьбе — они *обязаны формировать культуру доверия, медиабезопасности и ментальной гигиены* (Левитин, 2019).

Это поднимает вечную, но все более остро звучащую проблему: *как соотносить права личности и ответственность государства в сфере защиты от невидимых угроз?* В классическом правовом мышлении государство обязано обеспечивать условия для свободного распространения информации, а гражданин — вправе выбирать, во что верить. Однако, как показывает анализ, проведенный в монографии, в условиях инфодемии такая модель оказывается неработающей: свободный рынок информации производит не знание, а тревогу; потребитель — не выбирает, а погружается в поток тревожных триггеров; свобода слова превращается в уязвимость массового сознания.

Авторы не навязывают готовых решений — и в этом особая зрелость научного подхода. Но они последовательно приводят читателя к пониманию: *информационная среда должна осознаваться как зона коллективной ответственности*, где права личности должны быть уравновешены обязанностью государства защищать, просвещать и вмешиваться там, где речь идет о массовом психологическом благополучии. Это не значит введение контроля — это значит *создание иммунной системы общества*, в которой профилактика лжи столь же важна, как профилактика болезни.

Таким образом, монография О.С. Дейнеки и А.А. Максименко не только отражает последствия пандемии и инфодемии, но и формирует новое понимание *информационной этики и психо-*

гигиены, столь необходимое в цифровую эпоху. Ее посыл — не в регламентации, а в осознании ответственности, не в подмене свободы — а в построении зрелой, устойчивой и защищенной личности и общества. Монография «Вакцина от инфодемии...» представляет собой не только научный анализ уже пережитого пандемийного кризиса, но и актуальное руководство по навигации в постковид-

ной, инфонасыщенной и тревожной социальной реальности. Это исследование полезно специалистам в области психологии, медицины, журналистики, социологии и образования, а также будет интересно всем, кто стремится понять, как защитить свое сознание от информационного перенапряжения и научиться распознавать ментальные угрозы, скрытые в потоке новостей и социальных сетей.

Список источников / References

1. Агамбен, Дж. (2022). *Куда мы пришли? Эпидемия как политика*. М.: Независимое издательство «Неекратия».
2. Дейнека, О.С., Максименко, А.А. (2024). *Вакцина от инфодемии, или психологическое состояние общества на фоне пандемии, вызванной COVID-19*. Кострома: АНО «Центр социальных инициатив».
3. Левитин, Д. (2019). *Организованный ум. Как мыслить и принимать решения в эпоху информационной перегрузки*. М.: Манн, Иванов, Фербер.
4. Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в колледже Франс в 1978–1979 уч. году* / Пер. с франц. А.В. Дьякова. СПб: Наука.
5. Asaad, C., Khaouja, I., Ghogho, M., Baïna, K. (2025). When Infodemic Meets Epidemic: Systematic Literature Review. *JMIR Public Health Surveill*, 3(11). e55642. doi:10.2196/55642
6. Gisondi, M.A., Barber, R., Faust, J.S., Raja, A., Strehlow, M.C., Westafer, L.M., Gottlieb, M. (2022). A Deadly Infodemic: Social Media and the Power of COVID-19 Misinformation. *J Med Internet Res*, 1;24(2): e35552. doi:10.2196/35552
7. Nela, A. (2023). The Effects of Infodemic During Covid-19 On Mental Health. *Clinical Reviews and Case Reports*, 2(6). DOI:10.31579/2835-7957/039
8. Su, Y., Borah, P., Xiao, X. (2022). Understanding the “infodemic”: social media news use, homogeneous online discussion, self-perceived media literacy and misperceptions about COVID-19. *Online Information Review*, 46(7), 1353–1372. <https://doi.org/10.1108/OIR-06-2021-0305>
9. Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.

Решетников М.М. (2025)
Может ли государство лечить от фейков?
К вопросу о границах заботы и контроля...
Социальная психология и общество,
16(4), 204–210.

Reshetnikov M.M. (2025)
Can the state cure from fakes? On the question
of the boundaries of care and control under conditions...
Social Psychology and Society,
16(4), 204–210.

Информация об авторах

Михаил Михайлович Решетников, доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Восточно-Европейского института психоанализа, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4339-3206>, e-mail: veip@yandex.ru

Information about the authors

Mikhail M. Reshetnikov, Doctor of Sciences (Psychology), Candidate of Sciences (Medicine), Honored Scientist of the Russian Federation, Rector of the East-European Institute of Psychoanalysis, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4339-3206>, e-mail: veip@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 24.09.2025
Поступила после рецензирования 24.09.2025
Принята к публикации 09.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.24
Revised 2025.09.24
Accepted 2025.12.09
Published 2025.12.30

КОММЕНТАРИИ РЕДАКЦИИ EDITORIAL NOTES

Исправление в выпуске 2025. Том 16. № 1

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Социальная психология и общество» приносит свои извинения за допущенные неточности в статье Молокостовой А.М., Космачевой М.Н. «Вовлеченность в парасоциальные отношения у женщин среднего возраста», опубликованной в выпуске 2025. Том 16. № 1.

В частности, были обнаружены следующие ошибки: 1) неправильное название методики: «Шкала вовлеченности в парасоциальные отношения А. Рубина (PSI), адаптированная на русскоязычной выборке Л.Я. Гозманом¹ и Ю.Е. Алешиной» вместо «Шкала любви и симпатии З. Рубина, модифицированная Л.Я. Гозманом¹ и Е.Ю. Алешиной» (стр. 124, 126, 130, 131); 2) неверное выражение «По шкале PSI» вместо «По шкале З. Рубина» (стр. 135); 3) неправильное ссылочное обозначение [Калинкина, 2008] (стр. 130) на некорректный источник № 4 *Калинкина Е.И., Рубин А.М., Головчинская Е.В.* Адаптация шкалы PSI на русском языке // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2008. № (4). С. 54–65. Источник исключен из списка литературы.

Все указанные ошибки были исправлены в актуальной онлайн-версии статьи, и мы приносим извинения за возможные неудобства.

Мы высоко ценим ваше понимание и доверие и стремимся обеспечить максимально точное и качественное представление научных результатов.

*С уважением,
Редакция журнала «Социальная психология и общество»*

¹ Признан иностранным агентом.

Erratum to the 2025 Issue. Vol. 16, No. 1

Dear readers,

The Editorial Board of “Social Psychology and Society” journal apologizes for the inaccuracies found in the article by A.M. Molokostova and M.N. Kosmacheva “Involvement in Parasocial Relationships among Middle-Aged Women” published in the 2025 Issue, Vol. 16, No. 1.

Specifically, the following errors were identified: 1) an incorrect name of the methodology was provided: “Parasocial Interaction Scale by A. Rubin (PSI), adapted for the Russian-speaking sample by L.Ya. Gozman² and Yu.E. Aleshina” instead of “The scale of love and sympathy by Z. Rubin, modified by L.Ya. Gozman² and E.Yu. Alyoshina” (pp. 124, 126, 130, 131); 2) the incorrect phrase “According to the PSI scale” was used instead of “According to Rubin’s scale” (p. 135); 3) an incorrect reference designation [Kalinkina, 2008] (p. 130) was used for an incorrect source No. 4: Kalinkina E.I., Rubin A.M., Golovchinskaya E.V. Adaptatsiya shkaly PSI na russkom yazyke [Adaptation of the PSI scale in Russian]. Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of the Moscow University, 2008. Vol. 14, no. 4, pp. 54–65. (In Russ.). This source has been removed from the reference list.

All the above-mentioned errors have been corrected in the updated online version of the article, and we apologize for any inconvenience this may have caused.

We greatly appreciate your understanding and trust, and we remain committed to ensuring the highest accuracy and quality in presenting scientific results.

*Sincerely,
The Editorial Board of “Social Psychology and Society”*

² Designated as a foreign agent.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс — 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.ppressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Корректор А.А. Буторина
Компьютерная верстка: М.А. Баскакова

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index — 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.ppressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Technical editor А.А. Буторина
Maker-up М.А. Баскакова